

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 5 2019 (МАЙ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

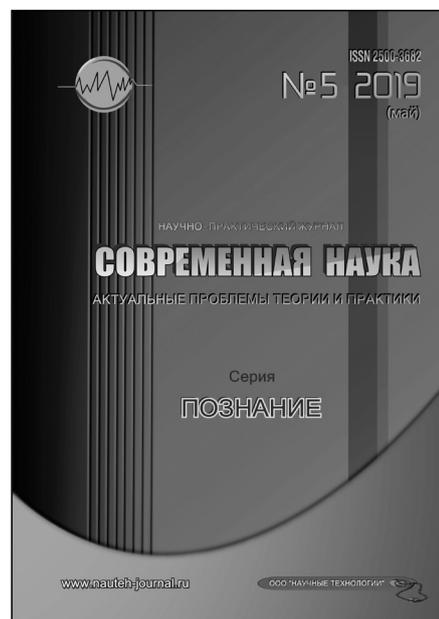
Подписано в печать 20.05.2018 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 5 май 2019 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Слюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

Культурология

Андреевская Ж. В. — К вопросу сакрального в традиционной русской культуре
Andrievskaya Zh. — To the question of the sacred in traditional Russian culture 5

Анুলьева О. В., Анульев С. И. — Типология ряженья в празднично-обрядовой культуре Западной Сибири (постановка проблемы)
Anulieva O., Anuliev S. — Typogy of dressing in the festive ceremonial culture (origination of a problem) 11

Горшенев К. К. — Национальная специфика глобализационных процессов Китая
Gorshenev K. — National specificity of the globalization process of China 14

Коноплева Н. А., Метляева Т. В. — Креативные технологии в современном образовательном имиджмейкинге
Konopleva N., Metlaeva T. — Creative technologies in modern educational imagemaking 18

Лю На — Отражение местной культуры в произведениях на тему малой родины М. А. Шолохова и Мо Яня
Liu Na — The reflection of local culture in the works on the topic of «hometown» of Sholokhov and Mo Yan 24

Маныч Л. М. — Николай Александрович Львов — гений русского просвещения
Manych L. — *Nikolay Aleksandrovich Lvov* — the genius of Russian education 31

Невелёв М. Ю. — Религиозное сознание как объект культурологического исследования
Nevelev M. — Religious consciousness as an object of cultural research 37

Чжэн Ин — Театр, перформанс и новые медиа
Zheng Ying — Theater, performance and new media 43

Психология

Болдинова Т. Н. — Проблема изучения рефлексии в современном гуманитарном знании
Boldinova T. — The problem of studying reflection in modern humanitarian knowledge 51

Кектеева Ю. И. — Эмоциональные изменения у врачей-хирургов: анализ и обобщение взглядов ученых
Kekteeva Yu. — Emotional changes in surgeons: analysis and synthesis of the views of scientists 56

Кузьмин М. Ю., Вершкова А. Г., Миронова Е. И. — Средовая идентичность: проблемы ее изучения и развития у молодежи г. Иркутска
Kuzmin M., Vershkova A., Mironova E. — Place identity: problems of its study and development in the youth of Irkutsk 59

Мочалкина А. А. — Психологическая травма и утрата: специфика работы в рамках гештальт подхода
Mochalkina A. — Psychological injury and loss: specifics of work within the gestalt approach 63

Огуй В. О., Тарасенко А. А. — Психосоматические расстройства функциональных систем организма у взрослых: психотерапевтическая помощь (на примере метода «поющих чаш»)
Ogui V., Tarasenko A. — Psychosomatic disorders of functional systems of the organism in adults: psychotherapeutic help (based on the example of the “singing bowls” method) 67

Острик А. А. — Ценностно-смысловые ориентиры профессионального определения
Ostrik A. — Value-semantic orientations of professional determination 74

Петросьян С. Н., Макаревская И. Г., Рябикина З. И. — Специфика характерологического профиля алкогольно-зависимой личности
Petrosyan S., Makarevskaya I., Ryabikina Z. — The specific features of character profile of the personality with alcohol dependency 79

Пришвина А. И. — Психодиагностическое исследование состояния и проявления контроля действий у осужденных молодежного возраста на различных этапах отбывания наказания в исправительных колониях		
<i>Prishvina A.</i> — Psychodiagnostics study of the state and manifestations of control over the actions of youth convicts at various stages of serving a sentence in a correctional colony	89	
Сизикова Т. Э., Дураченко О. А. — Подмена проблемы выбора		
<i>Sizikova T., Durachenko O.</i> — Substitution of the problem of choice	92	
Тараянц А. В. — Мишени психокоррекционного воздействия в гипнодинамике системы доминирующих потребностей. Определение понятия дисфункции системы доминирующих потребностей		
<i>Tarayanс A.</i> — Target psychological impact hypodynamic system dominant needs. Definition of dysfunction of the system of dominant needs	97	
Штольц А. Л. — К вопросу исследования феномена смешанной (лоскутной) семьи в современной социально-психологической науке		
<i>Stolz A.</i> — To the question of research of a phenomenon of step (patchwork) families in the modern socio-psychological science	104	
	Философия	
Красников С. П. — Концепции человека в современной философии		
<i>Krasnikov S.</i> — Concepts of human in modern philosophy	108	
Мезит Ю. В. — Необходимость и случайность: особенности философского осмысления		
<i>Mezit Yu.</i> — Necessity and chance: philosophical tradition of understanding	110	
Примак Д. Д., Волков И. А. — «Близ дверей грядущий паноптикум»? (социально-философский и технологический аспекты)		
<i>Primak D., Volkov I.</i> — «Beside the doors forthcoming panopticon»? (socio-philosophical and technological aspects)	115	
Равочкин Н. Н. — Онтологические и аксиологические основания политико-правовых нововременных институтов		
<i>Ravochkin N.</i> — Political and legal modern institutions ontological and axiological foundations	121	
	Информация	
	Наши авторы. Our Authors	127
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале	128

К ВОПРОСУ САКРАЛЬНОГО В ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Андриевская Жанна Викторовна

К.псх.н., доцент, Южный Федеральный Университет
bambinoboom@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE SACRED IN TRADITIONAL RUSSIAN CULTURE

Zh. Andrievskaya

Summary. The article is devoted to issues relating to the sacred component in the traditional Russian culture. The semantics of the sacred, the pagan origins of the sacred in culture are considered. An important place in the article is occupied by the analysis of the language and the meaning of the text of the sacred sources in culture, the relationship between art and religion, and the process of secularization of art is considered.

Keywords: Sacred, secularization, art, culture, religion, cultural meanings..

Аннотация. Статья посвящена вопросам, касающимся сакральной составляющей в традиционной русской культуре. Рассматривается семантика сакрального, языческие истоки сакрального в культуре. Важное место в статье занимает анализ языка и значения текста как носителей сакрального начала в культуре, соотношения искусства и религии, рассматривается процесс секуляризации искусства.

Ключевые слова: сакральное, секуляризация, искусство, культура, религия, культурные смыслы.

Рассматривая круг вопросов, касающихся сакральной составляющей в русской культуре, необходимо кратко рассмотреть семантику основного конструкта, о котором далее пойдет речь.

В ходе реализации нашей работы мы будем рассматривать сакральное, отталкиваясь от следующего определения. Сакральное, священное, святое — (лат. sacer — священный, святой, божеству посвященный, неприкосновенный, нарушаемый, священный обряд и вещь, священнодействие, жертва; лат. sanctus — священный, святой, нарушаемый, неприкосновенный, благочестивый, непорочный, чистый, добродетельный, целомудренный) — относящееся к области религии, нарушаемое, неприкосновенное, тайное, запретное, с благоговением почитаемое, наделяемое нравственным совершенством; отделенное и противопоставленное профанному (лат. profanus — несвященный) — неосвященному, непосвященному, нечистому, нравственно несовершенному, непросвещенному, светскому, мирскому [6, с.134–138].

В целом, к сакральному относят: 1) объективируемые религиозным сознанием существа, персонажи религиозных писаний; 2) религиозные ценности — веру, истины верования, таинства, церковь; 3) совокупность вещей, лиц, текстов, языковых формул, зданий и пр., входящих в область религиозного культа.

На заре своего бытия Древняя Русь предпочла путь святости пути культуры. В последний свой век она горделиво утверждала себя как святую, как единственную

христианскую землю. Но живая святость ее покинула [10, с.197].

Когда мы размышляем о месте сакрального и секулярного в истории художественной культуры, нам приходится иметь в виду, что, во-первых, сакральное и секулярное в культуре генетически неотделимо от религиозного опыта и его различных трансформаций, но не тождественно религии и ее конкретно-историческим модификациям; во-вторых, что граница между сакральным и секулярным в культуре как целом и в ее художественно-эстетических составляющих исторически изменчива и семантически зыбка и, в-третьих, что формы воплощения сакрального и секулярного в художественной культуре и, в частности, в искусстве весьма разнообразны и трудно предсказуемы, но всегда представляют собой, прежде всего, художественно-эстетические феномены, лишь косвенно репрезентируя в себе религиозно-мистический опыт.

Особенно интересно и теоретически важно наблюдать за метаморфозами сакрального и секулярного в истории русской художественной культуры, которая, с одной стороны, неотделима от истории религии и религиозности в России, а с другой — наполнена драматизмом мучительного высвобождения из-под ауры религиозного опыта. Стоит напомнить ожесточенный спор между Гоголем и Белинским (в их знаменитой переписке), в котором Гоголь доказывал, что русский народ — «самый религиозный народ в мире», а Белинский ничуть не более убедительно, но гораздо более неистово отстаивал тезис о том, что русский народ — «самый атеисти-

ческий» в мире. Последующие более чем полтора века русской и советской истории нисколько не распутали этого спора, но даже добавили в него привкус принципиальной его неразрешимости.

На заре истории Руси глобальные изменения культурных смыслов происходили вследствие смены религиозной парадигмы. Принятие христианства восточного обряда в 988 году и крещение Руси великим князем киевским Владимиром кардинальным образом изменило характер историко-культурного бытия русского народа. Оно привнесло в культуру восточных славян новый сакральный смысл, что, естественно, не могло не отразиться на особенностях развития древнерусского языка. В процессе перехода от язычества к христианству произошла существенная трансформация смысла многих речевых конструкций. Слова приобрели новые смысловые оттенки, связанные с христианским православным мировоззрением, и утратили старые значения, коренящиеся в язычестве. Изменение формы и смысла слов древнерусского языка после принятия христианства было связано с принципиальными различиями в понимании природы сакрального в язычестве и христианстве [8].

В язычестве сакральное начало было соотнесено в первую очередь с действием различных сил природы. Богов было множество. Они не были всемогущи и носили разные имена. Солнце, ветер, море были не просто словами. Они символизировали всё то, что было сакральным для человека, который ещё не отделился полностью от природы, не противопоставил себя ей. Рождение и смерть всегда являлись самыми главными событиями человеческой жизни. Для того, чтобы бороться со смертью, надо было оставить потомков. Поэтому исключительно большое значение в язычестве придавалось сексуальным отношениям между мужчиной и женщиной. Скульптурные и графические изображения, связанные с сексуальной тематикой, являлись важнейшими проявлениями сакральной символики язычества. Поклоняясь этим изображениям, люди пытались преодолеть временность и смертность своего существования. Многие подобные ритуалы связывались с культом плодородия, со стремлением получить хороший урожай. Сакральное в языческой славянской культуре понималось, в первую очередь, как набухание, увеличение в размерах и числе.

Понимание места и роли сакрального в русской культуре невозможно без постижения смысла той реальности, которая выражена посредством устного и письменного слова священных текстов; эпических поэм; творчества великих поэтов и прозаиков, составляющего основу русской национальной и всемирной литературы. Эта сакральная реальность Слова манифестируется в различных религиозных и художественных текстах, созданных на протяжении многих веков и тысячелетий.

Слово — основной инструмент передачи культурного содержания. Что происходило с ним в процессе формирования и развития русской культуры, имеющей, как и всякая, религиозную основу — во всяком случае, культура начала тиражироваться и транслироваться именно в недрах религиозного контекста, то есть дискурс культуры не был изначально светским, секулярным.

Древнерусская культура являла собой пример концентрации религиозных идей. На её формирование православная церковь оказывала сильное влияние. Оно проявлялось, прежде всего, в средневековой литературе, которая имела преимущественно религиозно-мистическое содержание. Одним из важнейших жанров древнерусской литературы являлась агиография, представленная многочисленными «Житиями святых». В «Житиях святых», составленных св. Дмитрием Ростовским, наряду с житиями греческих, римских и византийских святых давалось и жизнеописание русских святых, таких как страстотерпцы князя Борис и Глеб, воитель Александр Невский, преподобный Сергей Радонежский и др. Религиозным проповедям и летописным сводам, являвшимся важнейшими жанрами русской литературы в первые семь веков своего существования, также было присущ сакральный характер.

Глобальные изменения, происшедшие в начале XVIII века в правление Петра Великого, способствовали серьёзной трансформации русского языка, что наиболее отчётливо проявилось уже в XIX века, когда, собственно говоря, и был создан полноценный русский литературный язык. Именно с этого времени данный язык остаётся той организующей и «цементирующей» силой, которая удерживает русскую культуру от эрозии. Он является надёжным средством против разрушительного действия исторических катаклизмов, каковыми являются войны и революции, охватившие Россию XX века. Даже после победы Октябрьской революции 1917 года, когда приверженцы Пролеткульта требовали «выбросить Пушкина с парохода современности», ничего у них не вышло. Даже в самый разгул массовых репрессий, покончивший в том числе и с лидерами левацких литературных группировок, ниспровергавших в своё время «всё и вся», в стране стало выходить академическое полное собрание сочинений великого поэта [2, с.46].

Трансформировавшись из языка религии в язык литературы, русский язык окончательно утвердился именно в XIX веке как один из великих языков мировой литературы. Религиозная сакральность первых семи веков русской литературы смогла трансформироваться в XIX столетии в эстетическую сакральность самого высокого уровня. Вот почему И.С. Тургенев говорит о русском языке следующие слова: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины,— ты один

мне поддержка и опора, о, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома. Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу» [9, с. 172].

Язык русской культуры был исследован в трудах филологов и философов, религиоведов и историков культуры. Подавляющая часть этих исследователей обращала особое внимание на проблему происхождения русского языка и на глубокую связь этого языка с религиозным восприятием и пониманием действительности. Ведь основы языка сформировались именно тогда, когда религиозное мировосприятие и миропонимание доминировало над всеми остальными.

В размышлениях выдающихся филологов XIX столетия А. Н. Афанасьева, Ф. И. Булаева, А. А. Потебни можно отчётливо проследить глубокую связь сакрального начала в русской культуре с языковой реальностью как эстетическим феноменом.

Осмысление места и роли сакрального начала в языке характерно и для русской религиозной философии конца XIX — начала XX века. Философия в России возникла гораздо позже, нежели в ведущих странах Европы. Концепция взаимоотношений между «именами» и «вещами» в русской религиозной философии формируется не только под воздействием православия, но и под влиянием творчества великих русских писателей XIX столетия А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и особенно Ф. М. Достоевского. Сакральное начало Слова отчётливо и с наибольшей полнотой проступает в романах Ф. М. Достоевского. Описывая глубину переживания мира, Ф. М. Достоевский подходит к черте невыразимого, того, что стоит за словами. В своих произведениях Ф. М. Достоевский показал стремление русского человека к святости. Он раскрыл при помощи слова как медиатора сакрального всю глубину переживаний человека, который осознаёт собственное несовершенство и греховность своей природы, однако стремится к свету и Богу.

О понимании слова как медиатора сакрального в культуре свидетельствует также такое направление, получившее развитие в русской религиозной философии как «философия имени». Стремление русских философов к сакрализации Слова нередко выводит русских мыслителей за рамки канонического православия. Это, в частности, характерно для творчества таких выдающихся русских мыслителей, как В. С. Соловьёв, П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев. Священник П. А. Флоренский является приверженцем «имяславия», по отношению к которому существовала негативная оценка со стороны официальных церковных кругов. Позиция

русских мыслителей в отношении «философии имени» полностью вытекает из русской культурной традиции. Возникновение «имяславия» вполне соответствует внутренней логике развития культурной традиции России. В какой-то степени можно даже говорить о существовании культурной преемственности, существующей между русской поэзией «золотого века», и «имяславием», которое в русской религиозной философии заявило себя уже в эпоху «серебряного века» русской поэзии. Хотя, на наш взгляд, «имяславие» и «философии имени» имеют самое непосредственное отношение к проблеме слова как медиатора сакрального в русской культуре, однако они не могут быть подробно рассмотрены в контексте всей истории русской культуры по причине небольшого объёма данной статьи.

Таким образом, Слово в русской культуре рассматривается как важнейший медиатор сакрального. Оно непосредственно связано с нуминозным, духовным началом. В своём идеальном бытии Слово и есть Бог.

Из византийского наследия русская культура восприняла веру в субстанциональность и сакральность Слова. Ведь именно Логос (Слово) и представляет ту субстанцию, благодаря которой произошло творение мира, а сам Иисус Христос — Богочеловек, в котором Логос воплотился во всей полноте и совершенстве.

Когда мы размышляем о месте сакрального и секулярного в истории художественной культуры, нам приходится иметь в виду, что, во-первых, сакральное и секулярное в культуре генетически неотделимо от религиозного опыта и его различных трансформаций, но не тождественно религии и ее конкретно-историческим модификациям; во-вторых, что граница между сакральным и секулярным в культуре как целом и в ее художественно-эстетических составляющих исторически изменчива и семантически зыбка и, в-третьих, что формы воплощения сакрального и секулярного в художественной культуре и, в частности, в искусстве весьма разнообразны и трудно предсказуемы, но всегда представляют собой прежде всего художественно-эстетические феномены, лишь косвенно репрезентируя в себе религиозно-мистический опыт [12, с. 124].

Особенно интересно и теоретически важно наблюдать за метаморфозами сакрального и секулярного в истории русской художественной культуры, которая, с одной стороны, неотделима от истории религии и религиозности в России, а с другой — наполнена драматизмом мучительного высвобождения из-под ауры религиозного опыта. Стоит напомнить ожесточенный спор между Гоголем и Белинским (в их знаменитой переписке), в котором Гоголь доказывал, что русский народ — «самый религиозный народ в мире», а Белинский ничуть

не более убедительно, но гораздо более неистово отстаивал тезис о том, что русский народ — «самый атеистический» в мире. Последующие более чем полтора века русской и советской истории нисколько не распутали этого спора, но даже добавили в него привкус принципиальной его неразрешимости.

Вл. Соловьев в своей центральной эстетической работе «Общий смысл искусства» (1890), стремясь максимально развести религию и искусство, писал о совершающемся «переходе от их древней слитности к будущему свободному синтезу». Последний вывод, прогнозируемый Соловьевым, он мотивировал тем, что «та совершенная жизнь, предвращения которой мы находим в истинном искусстве, основана будет не на поглощении человеческого элемента божественным, а на их свободном взаимодействии» [7, с. 83].

Главная проблема, поставленная Вл. Соловьевым и оставшаяся без ответа, конечно, и заключалась в том, каким может быть этот «свободный синтез» религии и искусства в культуре и как может быть осуществлено их «свободное взаимодействие», исключая «поглощение человеческого элемента божественным», а то и прямое подавление последним первого (чаще всего наблюдаемое в истории). Речь здесь идет о таком соотношении сакрального и секулярного в искусстве, при котором наблюдается некий «паритет» сакрального и секулярного, их взаимная уравновешенность в целом художественной культуры.

С другой стороны, хорошо известна попытка другого религиозного мыслителя русского Серебряного века, священника Павла Флоренского, по-своему представить такой свободный синтез искусства и религии, при котором все виды искусства будут исподволь пронизаны бессознательной религиозностью, а сама религия будет представлена как «храмовое действо», реализующее в себе наивысший «синтез искусств».

Завершая свою рубежную статью «Храмовое действо как синтез искусств» (1922), о. Павел Флоренский замечал: «Не к искусствам, а к Искусству, вглубь до самого средоточия Искусства как первоединой деятельности, стремится наше время» [11, с. 305].

Рассмотрение религии, современной ему, как синтеза всех мыслимых и немыслимых искусств приводит П. Флоренского к осознанию различных искусств как творческих компонентов религии, исподволь пронизанных сакральностью, а сама религия как целое видится как Искусство искусств, то есть как художественно-эстетический феномен по преимуществу. Противоположность между религией и искусством у Флоренского «снимается» в плоскости «панэстетизма», в результате

чего и различные искусства, и сама религия рассматриваются как составные части художественной культуры, своего рода теургического «всеединства».

Во всех случаях сравнения религии с искусством говорится об объединяющей их творческой фантазии, порождающей новые, не существовавшие до того образы, событийные сюжеты, иносказания, картины мира; о сильном эмоциональном сопереживании реципиента воображаемым явлениям и представлениям и нравственно-эстетической их «заразительности», о взаимосвязи религиозной идеологии и литургического действия; о «синтезе искусств», различно осуществляемом средствами религии в рамках культа и средствами искусства в художественной культуре.

Различие между религией и искусством в этом отношении проводится по ряду оснований. Во-первых, обе области в отношении образности и эмоциональности переживаний самодостаточны; обе могут существовать автономно, друг без друга. Во-вторых, при взаимодействии между собой, несмотря на различные способы идеализации отношений между искусством и религией, эти области не являются равноправными. Попадая в религиозную среду, в сферу культа, художественные произведения выполняют вспомогательную, обслуживающую функцию для привлечения верующих. Попадая в среду искусства, религиозные представления и символы становятся материалом для построения художественно-символических, а не собственно религиозных образов. В-третьих, религия связывает внерациональный опыт человека с областью священного, тогда как в искусстве внутренний опыт переживания выражается в светской форме. Иными словами, в зависимости от культурно-исторического контекста в отношении сакрального и секулярного акцент постоянно перемещается: то сакральное превалирует над секулярным, то, напротив, преобладает секулярное.

Соответственно, из сопоставления религии с наукой и искусством становится понятным, что границы между ними в культуре, постоянно перемещаясь в ту или иную сторону, тем не менее поддерживаются — со стороны религии и секуляризованной культуры, и самодовлеющая значимость религиозной культуры продолжает сохраняться и в условиях современной художественной культуры.

Весьма плодотворным в понимании причин этого оказывается противопоставление явлений светского, мирского и священного порядков. С последним в культурологии связываются сама религия и явления, непосредственно относящиеся к культам и внутренней религиозной жизни человека. Когда исследователь определяет разграничительную черту между мирским

и священными аспектами культуры и внутри конкретных культурных явлений (в том числе явлений искусства), тем самым выявляется глубинное напряжение этих двух «модальностей» культуры. Он сталкивается с тем, что в каждой культуре существуют феномены, которые принято считать нерукотворными, боговдохновенными, сверхчеловеческими. В каждой из них принято говорить о неспособности человека преодолеть свою подчиненность неведомым силам, до конца познать мир и самого себя, предсказать случайное. Такого рода феномены обычно объединяются в область священного и трансцендентного, становясь предметом религиозного поклонения и культа [3].

В рамках такого подхода вся история мировой культуры представляется культурологу в виде непрерывающегося процесса сосуществования и борьбы двух «модальностей» культуры — священной и светской, а точнее — сакральной и секулярной, где первая как бы задает предельные значения существованию второй. Религия есть форма культуры, в которой зафиксированы и санкционированы как священные (сакральные) те переживания, тот опыт человека, которые в принципе не рационализуемы, невыразимы, но в то же время универсальны и имеют важные последствия для становления личности и культуры. Такой опыт называется духовным (в узком значении этого слова) и выражается в представлениях людей о сверхъестественном и трансцендентном.

Светская культура представляет собой рациональное стремление человека постоянно преодолевать ограниченность собственной жизненной среды, осваивать новые источники ресурсов, изобретать технологии, приспособлять к себе окружение. При этом усилия людей выйти за рамки непосредственного восприятия обретают несакральную, рациональную форму упорядочения и организации коллективных знаний и практического опыта.

В конечном счете все эти рассуждения при всей их подчас терминологической изощренности (например, светская культура — это «опредмечивание субъекта и гуманизация объекта в процессе творческой деятельности», а религиозная культура — это «отчуждение субъекта и обожествление объекта» 4) представляют собой указание на существующее разграничение познанного и непознанного (или непознаваемого), рефлексированного и бессознательного, освоенного и неосвоенного, непосредственного и освященного. В культуре, таким образом, выделяется область сакрального, а религия трактуется как специализированная деятельность, направленная на познание, духовные практики, переживания, отношения и институционализацию сакрализованной реальности.

При изучении этой области культуры по сути дела неважно, порождаются ли представления о сверхъестественном как иллюзорное преодоление людьми в собственном воображении бедственного положения, своей беспомощности, одиночества, страданий и т.д. либо как ощущение вне их объективно существующего трансцендентного мира, свободного от человеческих переживаний и коллизий. Речь идет о том, что феномены сакрального универсально антропологичны и составляют самодовлеющую область феноменальной социокультурной реальности, обладающую в культуре предельными значениями и смыслами. Тем более несущественно различие между разными интерпретациями сакрального в искусстве, где сакральное постепенно превращается в метафору священного, трактуемую в прямом и переносном смысле.

Соответственно, секулярное предстает в художественной культуре не столько как антипод сакрального или контекст восприятия сакрального, сколько культура, лишенная своих предельных значений, задаваемых сакральным. В этом смысле секулярное вслед за сакральным постепенно становится также метафорой.

Первоначально секулярное по сравнению с сакральным воспринималось как освобождение от религиозных догм, ритуалов, заданных системой образов и мотивов, и в этом качестве оно было радостным и творческим, даже когда казалось кощунственным и вызывающим (диалоги Лукиана из циклов «Разговоры богов», многие новеллы из «Декамерона» Дж. Боккаччо, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле, «Орлеанская девственница» Вольтера, «Война богов» Парни, «Монахиня» Д. Дидро, «Гавриилиада» Пушкина, «Легенда о Великом инквизиторе» Достоевского и т.п.). Смелость воображения и художественной фантазии, новизна ассоциаций, бесстрашие познающей мысли, не останавливающейся перед нравственными барьерами ради достижения поразительного эстетического эффекта, — таковы позитивные критерии секулярного в художественной культуре [4].

Однако постепенно идейно-образное наполнение секулярного начинает изменяться в более мрачную сторону. Секулярное немислимо вне оппозиции с сакральным, и только в паре с сакральным секулярное обретает свой смысл. До тех пор, пока сакральное воспринимается как слепая вера в религиозные догматы, как мрачное наследие Средневековья, как косная система мировоззрения, базирующаяся на неизменных постулатах вечных истин, секулярное мыслится как «царство духовной свободы», как воплощение антропоцентризма в культуре, как революционный сдвиг в сознании «восставших масс». Так понималось сакральное в эпохи эллинизма, Возрождения, Просвещения, романтизма, в периоды революций... Однако периоды воодушевления секуля-

ризации культуры сменялись периодами уныния: секулярная культура повседневности казалась монотонной, бесконечно повторяющейся, эмоционально и интеллектуально не одухотворенной. Возникает своего рода «тоска по Сакральному» (как бы различно ни толковалось сакральное — религиозно, мистически, политически, нравственно, эстетически) [1].

С появлением новых идеалов и смыслов сакрального меняется и метафорика секулярного. Если сакральное ассоциируется с экстраординарностью, эксклюзивностью, избранничеством, уникальностью; с извлеченностью сакральных ценностей из общего контекста (привычного, обыденного, банального); с одухотворенностью бытия,— то секулярное начинает воплощать в себе семантику ординарного, привычного, инерционного, рутинного; подчас — бездуховного, обесмысленного бы-

тия. Сама «лишенность» человека предельных значений культуры и бытия воспринимается как ущербность, как человеческое несчастье, как глубокий и невосполнимый кризис культуры. В такие периоды истории культуры, осященные доминантой новых сакральных ценностей, секулярное обретает трагический смысл опустошенного существования.

Соотношение сакрального и секулярного, особенно в русской культуре, исторически изменчиво и релятивно [5].

Русская культура оказала огромное влияние на всю мировую культуру и способствовала закреплению в ней темы сакрального, что имеет непреложную ценность и значение для поисков истины в современном мире, охваченном экзистенциальной тревогой и неуверенностью в завтрашнем дне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василенко И. А. Российская политическая культура: архетипическое и сакральное в горниле модернизации // Трибуна русской мысли, 2003, № 2. С. 90–100.
2. Игнатьев Д. Ю. Сакральная коммуникация в десакрализованном мире: эстетическая идентичность православной церкви в современной культуре // Научное мнение, № 2, 2014. С. 44–48.
3. Ильченко В. И. Феномен сакрального в историко-культурном пространстве / В. И. Ильченко, В. М. Шелюто. — Киев: АО «ИТН», 2002.
4. Кондаков И. Между сакральным и секулярным Исторические метаморфозы русской культуры // Академические тетради. Вып. 18. Тетрадь 3. Культурология — М., 2017. С. 106–152.
5. Нагапетян К. Ж. Трансформация сакрального в русской культуре // Молодой ученый, 2016, № 18. С. 405–407
6. Савченко О. В. Религия как трансформирующий феномен культуры // Вестник ТПУ. 2004. № 2 (39). С. 134–138.
7. Соловьев В. С. Общий смысл искусства // Философия искусства и литературная критика. — М.: Искусство, 1991.
8. Сумина Т. Н. Проблема поисков гармонии как системообразующего концепта мироздания // Вестник МГУКИ. 2012. № 6 (50).
9. Тургенев И. С. Русский язык / И. С. Тургенев // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч. в 12 т. / И. С. Тургенев. — М.: Наука, 1982. — Т. 10.
10. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М.: Моск. рабочий, 1990.
11. Флоренский П. Иконостас: Избранные труды по искусству. — СПб: Мифрил; Русская книга, 1993.
12. Якимович А. К. Культура утраченных различий, или Об итогах XX столетия / А. К. Якимович // Знание — сила, 1992. — Май — июль. С. 120–129.

© Андриевская Жанна Викторовна (bambinoboom@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТИПОЛОГИЯ РЯЖЕНЬЯ В ПРАЗДНИЧНО-ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

TYPOGY OF DRESSING IN THE FESTIVE CEREMONIAL CULTURE (ORIGINATION OF A PROBLEM)

**O. Anulieva
S. Anuliev**

Summary. Despite the intensification of research pointed at studying the traditional culture of the Russian population of Siberia, the subject related to the regional aspect of the history of national culture by its formation in the resettlement environment remains insufficiently studied. The article presents the directions of research of dressing as one of the components of the study and preservation of folk festive and ritual culture. Various approaches to the typology of covering and masking are considered.

Keywords: character, rite, image, dressing, symbol, typology.

Анুলьева Ольга Владимировна

Старший преподаватель, Кемеровский
государственный институт культуры
Olga_anuleva@mail.ru

Анুলьев Сергей Иванович

Старший преподаватель, Кемеровский
государственный институт культуры
anulyef@rambler.ru

Аннотация. Несмотря на активизацию исследований направленных на изучение традиционной культуры русского населения Сибири, вопросы, связанные с региональным аспектом истории национальной культуры её формированием в переселенческой среде остаются не достаточно изученными. В статье приводятся направления исследований ряженья как одного из компонентов изучения и сохранения народной празднично-обрядовой культуры. Рассматриваются различные подходы в типологизации ряженья и маскирования.

Ключевые слова: персонаж, обряд, образ, праздник, ряженье, символ, типология.

Культура народа немислима без образов и символов, наполняющих обрядовый фольклор. Особое место принадлежит предметной среде и одежде, с их помощью сохраняется символическая и образная система народной празднично-обрядовой культуры. Ряженье является неотъемлемой частью образной системы обряда. Цель статьи рассмотреть способ типологизации ряженья в празднично-обрядовой культуре Западной Сибири.

Научное осмысление ряженья в русской культуре начинается с середины XIX века и представлено в работах А. Н. Афанасьева [1869], А. Н. Веселовского [1883], Н. Ф. Сумцова [1889], Е. Г. Кагарова [1918] и др. В настоящее время ряженье как предмет научного исследования рассматривается фольклористами, этнографами, искусствоведами. Складывается несколько направлений в изучении ряженья: мифологическое, символично-мифологическое, ряженье, как магия продуцирующего типа, ряженье как способ самоидентификации, ряженье как особое обрядовое действие и театроведческая интерпретация ряженья в монографии А. Ф. Некрыловой [1984, 2004] и исследовании Н. И. Савушкиной [1988, 2004]. В последние десятилетия значительный вклад в изучение традиционной культуры Сибири представлены в трудах П. Е. Бардиной [2003], М. А. Жигуновой [2004], В. А. Липинской [2011], Е. Ф. Фурсовой [2013]. Перечень ученых, чьи труды посвящены разным аспектам формирования и жизнедеятельности русского народа на тер-

ритории Сибири, значительно шире. В статье приведены ученые, исследовавшие как празднично-обрядовую культуру, так и одежду «русских сибиряков» (выделение Анульевой О. В.).

Исходя, из цели статьи обратимся к следующим терминам и понятиям:

1. народный обряд — это способ передачи традиций и обычаев в условно-символической форме от старшего поколения младшему;
2. празднично-обрядовый — существующий в структуре праздничного действия;
3. ряженья — особый тип поведения, игровое обрядовое действие, совершаемое в преображенном виде.

Исследование ряженья как одного из компонентов празднично-обрядовой культуры Сибири невозможен без анализа среды, в которой он появился и существовал. В истории освоения Сибири можно выделить несколько периодов формирования русского этноса. С середины второй половины XVII начинается активное освоение Русским государством территорий Сибири. Первыми поселенцами были «служивые люди» — казаки, среди которых были не только русские, но и украинцы, поляки, белорусы и представители местного населения «поверстанные» в казаки. Определенную часть составляли переселенцы-крестьяне, в основном из Поволжья и западных и южных районов России...[2].

Условно этот этап можно определить следующими временными рамками XVII–XVIII вв. В это время формируется северорусский комплекс традиционной материальной и духовной культуры. Второй период конец XIX начало XX века — в связи с открытием рудников началось массовое переселение в основном из южных районов представителей средне и южно-русского традиционного комплекса культуры. В этот же период начинается процесс интеграции старожильской и переселенческой культур.[3] Время репрессий и насильственных массовых переселений представителей других народностей повлияло на этнический состав населения Сибири, что создало условия для аккультурации. В этой ситуации сохранение празднично-обрядовой культуры конкретного этноса становится ещё более актуальной. Современные праздники и обряды существуют в ассимилированном виде. Причем доминирует не столько этнический фактор, сколько идеологический. Сохранение культурных традиций и проблемы этнической самоидентификации по-новому ставят вопрос об изучении и восстановлении народной культуры. Проблема исследования ряженья в празднично-обрядовой культуре «русских сибиряков» заключается в определении аспекта изучения. В праздничной культуре ряженья, наряду с языком и обрядом образует образный код. Следовательно, семантический анализ образной системы представляется в качестве фундаментального для дальнейшего рассмотрения различных концепций исследования ряженья в празднично-обрядовой культуре. Рассмотрим образно-семантическую форму ряженья как традиционную часть святочного празднования.

В Сибири ряженных называли: окутниками, нарядчиками, шулеконами, халявами, кудесниками, буками, чертями, хухольниками, так же слушальниками, которые «мушкировываются», «машкируются» (маскируются). Приемы и материалы, которыми достигалось изменения внешности, были разнообразны и в тоже время просты по способу маскирования. Материалом для изготовления костюма служили предметы быта: шубы, вывернутые наизнанку, глиняные горшки, ухват, коромысло, деревянные ведра, метла, старая изношенная одежда, мужская и женская и т.д. В ход шел природный материал: солома, пенька, мочало, шерсть, ветки и кора деревьев, кожа, кости животных и т.п. Грима в современном понимании не было, игровое костюмирование состояло из переодевания и маски. Лицо мазали сажей, свеклой, в качестве белил использовали муку и сметану. По свидетельству жительницы посёлка Кедровка Кемеровской области Надежды Федоровны Петровой со слов её родственницы, проживавшей ранее на территории «Промышленовской заимке» сделана запись святочного ряженья: «На святки парни пугали девок. Брали тыкву, вытряхивали внутренности (тыквы), вырезали глазницы и рот, в тыкву ставили свечу и привязывали

вали к голове, на полушубок накидывали какое-нибудь светлое тряпье. Для большего страха лицо мазали сажей, а в рот совали репу-кльки делали. Узнают, где народ собирается (святочные посиделки) или девки, где гадают и туда, пугают. А народ, что, и пугался, и смеялся, всяко было». (записано Анульевой О.В. 2005 г., пгт. Кедровка, Кемеровской обл.).

В разных местах существовали свои «любимые» персонажи. На Русском Севере, а потом и в Сибири популярным был ряженный в «покойника», он же становился главным персонажем обрядовой игры на посиделках. Ряженого в «покойника» — одевали в светлое тряпье, мазали лицо мукой, укладывали на скамью (имитация гроба), присутствующие разыгрывали отпевание, которое проводил ряженный в «попа». Во время отпевания парни хватили девок и заставляли целовать покойника. Подобные игры были распространены в селениях, где представителей семей старожилов было больше чем переселенцев в селах Ажндарово, Лачиново, Шаманиха Крапивинского района Кемеровской области. Разгульное веселье, сопровождающее ряжение подвергалось критике со стороны церкви. Поэтому, несмотря на популярность, ряжение на Руси считалось грехом. В «страшные» маски «нечисти» рядились только мужчины, редко женщины, но ни в коем случае девушки и тем более дети. Порой для выбора маски использовали жребий. По окончании праздничных гуляний, принимавшие участие в ряжении, проходили церковный обряд очищения, купались ещё и в прорубе. (записано Анульевой О.В. 2005 г. со слов жительницы пгт. Крапивинский Мусохрановой К.Н.).

Описанные особенности ряженья свидетельствуют об отношении к нему не только как к форме праздничного веселья, но и наделяние его (ряженья) свойствами иного рода, приписывание магических свойств. Необходимо отметить, что в наше время ряжение часто рассматривается как элемент праздничного развлечения. В то же время постоянство традиционных сюжетов и персонажей свидетельствует о символической устойчивости образов ряженья в современной праздничной культуре. Что в свою очередь влияет на функциональные возможности этого компонента (ряженья) в празднично-обрядовом действии. Рассмотрим маски-персонажи, ставшие традиционными для празднично-обрядовой культуры русских сибиряков. В статье понятие «маска» рассматривается как иконический знак, а персонаж как собирательный образ символ.

Маски-персонажи

Антропоморфные (греч. человек, вид) — животные, предметы и явления наделяются человеческими чертами. Животное выступает как аллегория человеческих

качеств, делающая их более очевидными, возможно, не столько угрожающими, сколько забавными. В Сибирских селениях таким персонажем выступала маска козы или козла. Парень, наряженный в женское платье с рогами от животного или ветками, прикрепленными к голове, ходил с толпой колядовщиков по домам. Иногда «козу» молодницу сопровождал «дед». В. Я. Пропп рассматривал эти образы с обрядами оплодотворения земли. [4]

1. Зооморфные — слово греческого происхождения обозначает — любые объекты, имеющие черты животных. Наиболее распространенными персонажами были медведь и конь. Мнимые персонажи являются «стимуляторами и носителями плодородия». [1] Так медведь хватал молоденьких девушек, катал и мял их на грязном полу. Медведь как собирательный образ «грозного», пугающего, но не страшного присутствует и сейчас. Он трансформировался в сценический вариант сказочного персонажа на новогодних массовых праздниках и гуляниях. Образ коня практически исчез из современной обрядовой игры. В прошлом же был популярен на посиделках и колядках, представляя драматические или хореографические сценки эротического характера.

2. Демонические маски — злой дух, персонаж, обладающий сверхчеловеческими способностями. Мифологизированное представление о «нечистой силе». К этой группе можно так же отнести маски, называемые в традиционном фольклоре «нежитью» (Смерть, Бука, Кикимора, Черт, Ведьма и т.д.). Вариант костюма Кикиморы весьма многообразен и зависел от места бытования. В Западной Сибири иногда заменяли образом старика-горбуна. В настоящее время его символическое значение соотносено с понятием «колдовство» и несет в себе смысл чего-то угрожающего, то маска черта и Кикиморы или это может быть сказочный персонаж Баба-Яга, уже современный вариант.

3. Социальные маски (сословные) — пародийные образы-личины представителей различных слоев общества: Царь, Вельможа, Барин, Купец, Поп, Дьяк, Крестьянин и т.д. Для создания образа порой достаточно было

элемента: для Барина — трость, для Дьяка — рукоятник на веревке вместо кадила. На Алтае в масленичных празднествах принимали участие «енералы» и «фельд-маршалы». Костюм для них изготавливали из бумажных обоев, украшали слюдой — шляпы, треуголки. Вместо орденов «енералы» крепи к одежде разрисованные крышечки табакерок, корпуса карманных часов и т.д.

4. Этнографические маски — образы людей других национальностей — татарин, украинец (казак), цыган и т.д. Особенно популярны образы цыган, в качестве реквизита у цыганок использовался тряпичный «дитёнок». Цыганка баюкает «дитёнка», а когда он заходится в плаче «мать» окунает его в сугроб.

5. Бытовые маски-травести — пародийные образы, основной принцип изображения — несоответствие своему полу, переодевание мужчин в женщин и наоборот. Старики, старухи, странники, нищие, девицы, добры молодцы и это не весь перечень персонажей, которые использовали прием травести. Здесь не только противопоставление молодого и старого, но и явная эротическая символика.

Такие маски как социальные, этнографические и бытовые, при поверхностном рассмотрении они могут восприниматься как отражение реальной жизни, но в совокупности с обрядовым действием возникает мифологический смысл этих персонажей. Следовательно, к рассмотренному варианту типологизации, можно применить следующие критерии: по способу существования в обрядовом действии и по структурно-семантическому разбору как наиболее надежному способу интерпретации ряженья в празднично-обрядовой культуре конкретного места его бытования.

В заключение статьи хочется выделить следующий момент: ряженья, являясь, традиционным компонентом народного праздника и обряда продолжает свое существование и в современной праздничной культуре. Следовательно, изучение ряженья позволит не только решать вопросы сохранения, но и интерпретации и трансформации культурных традиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болонев Ф. Ф., Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX — нач. XX в.). Новосибирск, 1978. С. 50.
2. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху / Н. Ф. Емельянов. — Томск: Изд-во Томского университета, 1981. — 181 с.
3. Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI-начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Отв. ред. В. А. Ламин. — Новосибирск: ИД «Сова», 2005. — 194 с.
4. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования / В. Я. Пропп. — Л.: Издательство ЛГУ, 1963. — 142 с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ КИТАЯ

NATIONAL SPECIFICITY OF THE GLOBALIZATION PROCESS OF CHINA

K. Gorshenev

Summary. The globalization strategy of China was formed under the influence of the policy of the Communist Party, through the proclamation of radical economic reforms with a focus on international integration. All changes took into account the “national specifics”, therefore, all the processes of internationalization of the economy, industrialization, modernization and globalization were considered from the position to what extent they can be transformed and adapted directly to Chinese cultural specificity.

Keywords: globalization, Chinese national development model, strategy, traditions, national peculiarities, internationalization, economy, industrialization, modernization, Confucianism, culture.

Горшенев Константин Константинович

Аспирант, ФГБОУ ВО «Майкопский государственный
технологический университет»
kon90@mail.ru

Аннотация. Глобализационная стратегия Китая формировалась под воздействием политики коммунистической партии, путем провозглашения радикальных реформ в области экономики с уклоном на международную интеграцию. Все изменения проходили с учетом «национальной специфики», поэтому, все процессы интернационализации экономики, индустриализации, модернизации и глобализации рассматривались с позиции, в какой мере они могут быть трансформированы и адаптированы непосредственно в отношении китайской культурной специфики.

Ключевые слова: глобализация, китайская национальная модель развития, стратегия, традиции, национальные особенности, интернационализация, экономика, индустриализация, модернизация, конфуцианство, культура.

Истоки формирования китайской стратегии глобализации уходят корнями в политику Коммунистической Партии Китая конца 70-х начало 80-х гг. 20 века — начиная с 1978 г., когда на 3-м Пленуме КПК была официально провозглашена политика реформ и открытости в области экономической международной интеграции. Её последовательная реализация в длительный срок (до начала 21 века), привела китайское общество к активному включению в процесс мировой глобализации и позволила с уверенностью специалистам и исследователями говорить о существовании «китайской национальной модели развития» — «Пекинского консенсуса» [1]. Основным принципом «Пекинского консенсуса», будет выступать стремление отдельных стран и содружеств государств к сохранению своего национального суверенитета и выстраивания многополярного сценария в международной экономике и политике. Такая модель последовательно реализуется в китайском обществе, а её элементы мы можем увидеть и в политике современной России.

Основу данной стратегии составляет идея «Китайской спецификой», как в области строительства социализма, так и в сфере развития конкурентного эффективного экономического производства, ориентированного на экспортную модель. Решение всех социальных, экономических, политических и технологических проблем китайского общества рассматривается с точки зрения и учёта «национальных особенностей» — то есть культурных установок и цивилизационных ориентиров китайского образа жизни. В основе данной установки легла

краеугольная мысль, характерная для китайского восприятия формулы культурного взаимодействия с иными народами и их характером организации жизненного уклада — китайское национальное государство и цивилизация в целом, лишь тогда сможет пережить многообразные чужеземные влияния и даже агрессивные вторжения, когда их содержательная сторона перерождается и постепенно приобретает под влиянием китайской традиции новую смысловую и ценностную окраску, становясь элементом единой культуры Китая. Поэтому, все процессы интернационализации экономики, индустриализации, модернизации и глобализации всегда рассматриваются с позиции, в какой мере они могут быть трансформированы и адаптированы непосредственно в отношении к китайской культурной специфике. Основополагающую роль в процессе интеграции китайского общества в глобальную систему отношений сегодня, несомненно, играет ценностная этическая иерархия представлений конфуцианства. Известный экономист и политик, реформатор, автор «сингапурского экономического чуда» Ли Куан Ю прямо указывает на роль и важность конфуцианства, как мировоззренческой платформы для современного, не только китайского общества, но и всех культурных общностей Юго-Восточной Азии: «Мы на этом держимся, если мы позаимствуем западные моральные ценности, силы сцепления, которые поддерживают наше общество, рухнут» [2].

Содержательная сторона «китайской модели глобализации» может быть раскрыта через перечень меро-

приятый, гарантирующих китайскому национальному государству и обществу устойчивое и прогрессивное развитие на ближайшие десятилетия — это проведение постепенного реформирования экономической, политической и социальной сфер, с обязательным учётом китайской специфики (социальная сфера должна развиваться параллельно с экономикой), рост экономического производства за счет экспорта, последнее должно стимулировать стремление к инновациям и технологическим прорывам, сочетание демократических процедур в реализации критических практик с программой социалистического строительства общества и элементами авторитаризма в партийной организации управления государством.

Последнее не является панацеей и гарантией от кризисных проявлений в общественной жизни и даже может служить причиной возникновения угроз и рисков для стабильности китайского социума, к ним можно с полным основанием отнести следующее: представляющее существенный вызов распределительной системе социалистического государства увеличивающаяся пропасть между бедными и богатыми; существенный ущерб коллективной системе собственности, имеющей место при социализме, может нанести приватизация государственных предприятий; противоречия и различного рода конфликты в сфере нарушений функционирования на рынке со стороны правительственных структур; разрыв между регионами, увеличивающийся по причине расслоения и размежевания городской и сельской сдвоенной экономической структурой, что, естественно ведёт к разбалансировке развития внутригосударственной экономики в перспективе.

Всё это привело к тому, что китайское общество, являясь раньше одним из самых равноправных в мире, в настоящее время стало одним из самых неравноправных. Гражданское общество Китайской Народной Республики превратилось в пространство тотального риска, где социальное обеспечение граждан, ответственность за их занятость, здравоохранение, образование, а также мероприятия, направленные на защиту экологии, на смягчение бремени бедности всё больше стало перераспределяться между коллективом и индивидами, между правительством республики и НПО не в пользу первых [3].

Особое звучание глобалистская тематика приобрела в контексте растущего значения экологической проблематики, на которой сфокусировал своё внимание основатель Римского клуба А. Печчеи.

Римский клуб, созданный в 1968 году в качестве неправительственной организации, объединил известных ученых, пользующихся авторитетом, и которые являлись

яркими представителями различных направлений науки: таких как технические, естественные и социальные науки. Вектор их деятельности был направлен на акцентирование внимания мировой общественности на глобальных проблемах, возникших перед всем человечеством, а также на поиск путей решения этих проблем.

А. Печчеи заявил о зависимости трагически бедственных размерах изменений в природном облике нашей планеты от набирающего свои обороты интенсивного характера хозяйствования человека. В книге «Человеческие качества» А. Печчеи заявляет, что основополагающей задачей, которая стоит перед человеческим обществом является осознанное понимание роли человека в создании новых постулатов как собственно экологической культуры, так и вытекающей из этой культуры соответствующей модели мышления [4, с. 22].

В первом докладе Римскому клубу, который назывался «Пределы роста» [5], эти же самые идеи стали фундаментальными, а именно: авторы доклада говорят о том, что реальными проблемами, стоящими перед человечеством являются социальные, политические и культурные, а не экономические и технические [4, с. 65–70] и, следовательно, необходимо проводить мероприятия, направленные на создание и дальнейшее развитие определённой экологической культуры, которая должна нести в себе следующие составляющие:

- ◆ нынешняя комплексная наука создаёт модель интегративного знания о конструкции «природа-общество-человек»
- ◆ глобализация в экономике политике и культуре будет, в перспективе, способствовать распространению экологического мировоззрения;
- ◆ экологическое мировоззрение должно распространяться на основании реализации государственных программ.

Формирование экологической проблематики в рамках глобализационных исследований потребовало конкретизации параметров нового формата культурного взаимодействия между суверенными государствами и наднациональными союзами.

- ◆ Отличительной чертой эоцентрического вида всеобщего мышления является подвижное равновесие прагматического и прагматического взаимосвязи и интерактивности тройственной конструкции «человек-общество-природа», которая базируется на таких составляющих, как:
- ◆ признание того, что высочайшей ценностью является достижение гармонии в отношениях между человеком и природой, где мир человека не противопоставляется миру природы;
- ◆ определяя, что «экологический императив» воспринимается как основополагающий фактор по-

ведения человека, потребительское отношение к природе становится неприемлемым и его место занимают гармоничные отношения человека и природы, их экологическое взаимодействие;

- ◆ в качестве субъекта подобного взаимодействия выступает природа.

В современном мире фактор экологической безопасности выступает в качестве важнейшего фактора безопасности национальной и международной. На основе этого фактора выстраивается характер международного взаимодействия, так как экологическая безопасность стала краеугольным принципом организации производственного процесса в условиях господства макроэкономики — квоты на добычу полезных ископаемых, квоты на выброс вредных отравляющих веществ и т.д.

Не секрет, что в настоящее время в экономике, являющейся одной из самых значимых сфер жизнедеятельности, происходят глобализационные процессы, ранее невиданные по своему размаху и по своим проявлениям, а это влечёт за собой появление ряда экономических концепций глобализации и возникновение немалого количества теорий в иных сферах, которые в перспективе будут взаимодействовать с глобализационными экономическими процессами.

Изучение указанного вопроса, направленное на нахождение непосредственной связи появления экологических проблем и интенсификации производственных циклов, показало, что, начиная с середины восьмидесятых годов, глобализация находится в близком взаимодействии с таким феноменом, как «экономическая интернационализация». Вышеуказанное определение уместно применить в случае, когда производительные силы могут успешно развиваться и применяться только в международном масштабе и такая объективная закономерность развития индустрии является результатом развития и эволюции современной промышленности [6].

Опираясь на подобное положение, отечественные и зарубежные исследователи уже рассматривали и объясняли логику и темпы глобализационных процессов, с точки зрения включения экономических сред постсоветской России и пореформенного Китая в процесс экономической интернационализации. «Различного рода глобализационные концепции и теории локализации как в целом, так и в частности имеют определенное влияние на понимание и анализ глобальных социальных преобразований, происходящих в странах Юго-Восточной Азии (таких как Китай, Сингапур, Малайзия и т.д.)» [7, с. 159] Различие подходов в понимании процесса интернационализации лишь сводится отдельными авторами к пониманию и констатации глубины культурной транс-

формации, вызванной ими, так американский экономист Дж. Гэлбрайт [8] считает глобализацию тождественной интернационализации; он не придаёт значения положительным изменениям, происходящим в общественных социальных институтах — концепция «нового индустриализма», что мы можем ясно увидеть, рассматривая вектор движения современного Китая.

Такие же взгляды мы видим и у Г. Фишера. В своем исследовании «Глобализация мирохозяйственных отношений: сущность, формы», он уверяет, что положение вещей в современном мире таково, что международные экономические отношения, взаимодействуя с иными необходимыми элементами, формами и отраслями международных отношений способствуют процессу глобализации [9].

Иной точки зрения придерживаются некоторые российские учёные: в движении экономики в мировом масштабе в сторону глобализации, они видят зарождение качественно нового периода экономической интернационализации.

К примеру, Ю.В. Шишков считает глобализацию новой, но более совершенной ступенью широко знакомого процесса интернационализации разного рода сторон общественной жизни, отмечая при этом, что этот процесс представляет собой не просто новый этап, а положительный рывок на следующую ступень развития, при котором будет расти и расширяться взаимная зависимость и взаимосвязь разных стран мира [10].

В свою очередь, Н.В. Загладин считает, что глобализация предназначена для смены прежней формы мирового развития, что это иной прогрессивный уровень, имеющий ряд отличий от предшествующих; эти отличия заключаются в высокой скорости, с которой интернационализация проникает в политическую, социальную, экономическую и духовную сферы общества.

Однако в процессе глобализации имеются и свои подводные камни. Да. Она даёт толчок к развитию экономики, предоставляя ей ряд новых возможностей; способствует развитию взаимосвязей государств и народов, но и усиливает и углубляет уже имеющиеся проблемы, или создаёт новые, в первую очередь это касается демографии и экологии [10].

Ключевое понятие всех этих теоретических подходов — «интернационализация экономики», именно на примере современной России и Китая, их активного участия в мировом хозяйственном процессе можно и корректно рассматривать глобализацию как современную форму проявления одного данного феномена — мирового интегрирующего развития. «Формирование

в России мощного многоотраслевого экономического и производственного потенциала является значимой составной частью глобального инновационного процесса — органического компонента активных процессов общественного и индивидуального воспроизводства в промышленно развитых странах мира [12, с. 101.]. В соответствии со сказанным, только современный этап мирохозяйственной интеграции, где Россия и Китай (наравне с Ираном, Индией и Бразилией) стали играть само-

стоятельную и весомую роль, можно рассматривать подлинным признаком зрелой глобализации (на это прямо указывает политика «экономической войны», проводимой США и санкционная линия ЕС). Именно сейчас происходит формирование многообразных каналов, форм и способов культурной интеграции и производственной интернационализации, связанных с увеличением числа практик и способов мирохозяйственной интеграции стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Joshua Cooper Ramo. The Beijing consensus, London: Foreign Policy Center, 2004.
2. Song B. The Rise of the Korean Economy. Oxford, 1990. p.46.
3. Williamson J, Is the «Beijing Consensus» Now Dominant? Asia Policy 13(January 2012).
4. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985.
5. Медоуз Д., Рандерс Й. Пределы роста. 30 лет спустя. М.: ИКЦ «Академкнига», 2007.
6. Бутенко А. П. Глобализация: сущность и современные проблемы // Социально-гуманитарное знание. 2002. № 3, стр. 9.
7. Овсянникова Т. А. Глобализация или глокализация: стратегия развития локальных культур. //Вестник Майкопского государственного технологического университета. Майкоп. 2018. Вып. № 4 с. 155–160.
8. Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. М., «Транзиткнига», 2004 г.
9. Фишер Георг. Глобализация мирохозяйственных связей: сущность, формы, перспективы. М., Научная книга, 1999.
10. Шишков Ю.В. О гетерогенности глобалистики и стадиях её развития // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 2, стр.57.
11. Загладин Н. Глобализация в контексте альтернатив исторического развития // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 8. С. 3.
12. Овсянникова Т. А. Экономический механизм обеспечения устойчивого развития региона. // Новые технологии. 2014. № 2. с. 99–102.

© Горшенев Константин Константинович (kon90@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Майкоп

КРЕАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ИМИДЖМЕЙКИНГЕ

CREATIVE TECHNOLOGIES IN MODERN EDUCATIONAL IMAGEMAKING

**N. Konopleva
T. Metlaeva**

Summary. In the given article the main scientific approaches to understanding of creativity are considered. Certain approaches to creative technologies in sociocultural service in the sphere of education are analyzed. The article reveals some personal peculiarities of an individual able to fulfill creative technologies.

Keywords: creativity, creative personality, creative technologies, image, imagemaking, game methods and approaches.

В современном российском обществе и культуре в связи с переходом страны в постиндустриальную фазу развития, характеризующуюся активным развитием сервисных сфер профессиональной деятельности, значимое место в ней начинает занимать область социокультурного сервиса, к которой в российской культуре относят деятельность по созданию, предоставлению и потреблению услуг образования, туризма, индустрии красоты, сферы досуга и оздоровления человека.

В этих условиях повышаются требования к специалисту сервисной деятельности, он должен не только организовать эффективное взаимодействие с потребителем, но и демонстрировать клиенту, будучи «лицом» фирмы, качественный профессиональный имидж, притягательный образ реализуемых товаров/услуг, обладать креативными способностями в продвижении предприятия и его деятельности на современном конкурентном рынке.

В связи с этим в современном мире возрастает роль образования. Уровень образованности общества — это показатель его интеллектуального потенциала, фактор конкурентоспособности, а также ресурс, обеспечивающий жизненное благополучие граждан. В настоящее время в России существуют многоуровневые системы образования по подготовке специалистов в разнообразных областях, направленных на приобретение профессии, получение дополнительных навыков. Поэтому человек, стремящийся получить образование, затрудняется при выборе учебного заведения и подходящей программы обучения. В связи с этим возрастает роль рекламы и других технологий продвижения предложений на рынке образовательных услуг и формирования имиджа учебных

Коноплева Нина Алексеевна
Д.культ.н., доцент, ФГБОУ ВО Владивостокский
государственный университет экономики и сервиса
nika.konopleva@gmail.com

Метляева Татьяна Викторовна
К.культ.н., доцент, ФГБОУ ВО Владивостокский
государственный университет экономики и сервиса
MetlaevaTV@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные научные подходы к пониманию креативности. Анализируются подходы к креативным технологиям в социокультурном сервисе и сфере образования. Рассматриваются особенности личности, способной к реализации креативных технологий.

Ключевые слова: креативность, креативная личность, креативные технологии, имидж, имиджмейкинг, игровые методы и приемы.

заведений. Одним из условий успеха в конкурентной борьбе на рынке образовательных услуг является правильно выстроенное продвижение учебного заведения.

Особенности продвижения образовательных услуг рассмотрены на основе работ российских и зарубежных авторов: Л. И. Савинов, Т. Д. Бурменко, Е. Н. Гривенная, Н. А. Староверова, Л. С. Львова, Ф. Котлер. В научных исследованиях продвижение рассматривается с точки зрения услуги или товара в целом. При этом разработок по продвижению образовательных услуг немного. Авторы А. В. Прохоров, Е. П. Семишова рассматривают специфику событийной коммуникации в продвижении бренда университета. И. В. Драгунова при обосновании маркетинга образовательных услуг делает упор на введение новых и отказ от старых программ, ценообразование и совершенствование качества «послепродажного обслуживания» вузом своих выпускников.

В современной науке подходы к сервису в целом и социокультурному, в частности, совершенствуются в связи, с одной стороны, активным развитием сферы услуг и сервисизацией экономики, а с другой — изменениями в организации социальных связей, обусловленными развитием сетевых информационных технологий. Как отмечает А. Л. Григорян современную экономику называют постиндустриальной, постмодернистской, глобальной, информационной, виртуальной и определяют как «новую экономику» [5, С. 82–85].

Рост потребностей индивидуума ведет к изменению сферы повседневных услуг — образования, здоровья, отдыха и проч., повышающих качество его жизнедеятельно-

сти и способствующих совершенствованию культурно-духовного уровня. Но образование детей в современном мире становится приоритетной потребностью прежде всего родителей, полагающих, что оно является путем к успеху в жизнедеятельности. Причем в современном образовании практически потеряна воспитательная функция и это обусловлено, в частности, тем, что данную деятельность сегодня относят к услуге. Известны различные подходы к определению понятия «образовательная услуга»:

- ◆ результат образовательного производства (У.Г. Зиннуров, Е.Н. Жильцов, А.П. Панкрухин; процесс производства человеческого капитала В.В. Чекмарев);
- ◆ вид потребительской стоимости, реализующийся в форме полезной деятельности, удовлетворяющей общественные потребности (Л.Я. Баранова, А.И. Левин);
- ◆ система знаний, информации, умений и навыков, которые используются в целях удовлетворения разнообразных образовательных потребностей личности, общества, государства (В.П. Щетинин);
- ◆ демонстрация в течение определенного времени способностей преподавателя (А.С. Запесоцкий);
- ◆ полезный вид труда, непосредственно удовлетворяющий потребность человека в образовании; материально-вещественный продукт, позволяющий удовлетворять образовательную потребность человека самостоятельно (Е.В. Бурденко);
- ◆ совокупность результатов образовательного процесса и сопутствующих процессов, представленная высшим образовательным учреждением на рынке услуг и направленная на удовлетворение установленных и предполагаемых образовательных потребностей конкретного потребителя (Т.В. Данилова);
- ◆ экономическая категория, в которой концентрированно выражены сложные экономические отношения в области образования (В.П. Колесов) [19;22].

Все услуги, оказываемые в системе образования, систематизированы и закреплены в Общероссийском классификаторе услуг населению (ОКУН) по соответствующим параметрам.

В современных условиях потребителю важно получить максимальную отдачу от оказанной услуги. Важным для сервиса становится инновационность и креативность в деятельности, использование современных технологических приемов, рекламных, маркетинговых, PR, выставочных и других событийных мероприятий.

Выделяя «интегральную личностную характеристику», способствующую креативности, ученые предлагают ее критерии: «продуктивная ориентация лично-

сти», способность реализовать свои силы как «Творца» (Э. Фромм); «творческий потенциал» (П. Кравчук), «интеллектуальная активность» (Н. Лейтес, Д.Б. Богоявленская); «творчески-эстетическая направленность» (В. Ражников) и др.

В этих условиях активизируется роль специалистов, обладающих компетенциями в сфере имиджмейкинга. Потребительские запросы при этом не ограничиваются только личностным имиджем. Для современных сервисных предприятий важным становится продвижение их товаров/услуг и организаций в целом. В связи с чем профессионал должен уметь сформировать требуемый имидж не только человеку, но и товару/услуге, фирме. Кроме того, в современной культуре актуализируется работа по созданию позитивного имиджа и бренда территорий. Все это обуславливает необходимость развития креативных технологий в сфере имиджмейкинга и подготовки специалистов по созданию и продвижению успешного имиджа объектов, востребованных целевой аудиторией. При этом важнейшими функциями продвижения являются: создание образа престижности, инноваций; демонстрация позитивной информации о продвигаемом объекте, его характеристиках; изменение имиджа товара с учетом требований потребителя. К элементам системы продвижения относят рекламу, мероприятия по стимулированию сбыта, мерчендайзинг, создание специальных мероприятий, личные продажи, direct-mail, event-маркетинг.

При этом в современных российских условиях все более усложняются подходы к образовательной деятельности, развиваются направления подготовки, объединяющие ряд сфер сервиса. Одним из таких интегративных направлений является профиль имиджмейкерские услуги в рамках направления 43.03.01 — Сервис. Специалист, обучающийся в рамках этого профиля, должен обладать широтой интересов, вербальными и проектными способностями, художественным вкусом, наглядно-образным и интуитивным мышлением, умением получать и обрабатывать информацию, развитым творческим воображением, чувством гармонии и эстетическим вкусом, открытостью всему новому, быть эрудированным, иметь такие личностные качества как коммуникабельность, неконформизм, наблюдательность, изобретательность, стремление к саморазвитию, активность в деятельности, умение прогнозировать, предвидеть ситуации. В целом можно сказать, что такие индивидуумы должны обладать креативностью. Но, вместе с тем профессионал в этой сфере должен обладать менеджерскими качествами, в частности, организаторскими и способностями влиять на окружающих, формировать и развивать эффективные рабочие группы и проектные команды, решать проблемные ситуации в кратчайшие сроки, умением управлять не только другими, но и собой.

При этом обращает на себя внимание отсутствие этой специальности в общероссийском классификаторе профессий. В связи с чем, требуется проявление активности и креативности не только в их подготовке, но и в продвижении образовательного направления для убеждения выпускников школ в важности для современного российского общества и культуры таких специалистов широкой направленности.

По нашему мнению, имиджмейкер — это специалист, организующий и реализующий процесс сервисной деятельности по формированию образов личности, товара/услуги, организации, территории, востребованных представителями соответствующих целевых аудиторий (а значит по формированию имиджа этих субъектов/объектов). Причем этот специалист решает сервисные, организационно-управленческие и технологические задачи. В ситуации подготовки таких профессионалов перед образовательной организацией встает необходимость обучения будущих профессионалов организации процессов обслуживания клиентов на предприятиях различных сфер сервиса, формированию технологических процессов создания имиджа, анализу качества имидж-услуг, проведению тренингов командообразования, организации и проведению маркетинговых исследований, событийных мероприятий различного уровня, рекламных кампаний. Широкое поле возможной деятельности требует от обучаемого выбора более узкого направления для будущей профессиональной сферы и сосредоточенности на практическом освоении необходимых умений и навыков в процессе практик. В частности, именно этот специалист может быть успешным и в продвижении образовательных услуг.

Одним из способов продвижения образовательных услуг в наши дни является маркетинг, можно говорить о целесообразности внедрения маркетингового подхода к исследованию, формированию и управлению рынком образовательных услуг [14, С. 188–190.]. Кроме того, для продвижения с успехом можно применять PR деятельность, в частности, организацию различного рода событийных мероприятий, рассматриваемых как элементы событийного маркетинга [18, С. 47–51]. PR-деятельность должна быть направлена на формирование благоприятных взаимоотношений со значимыми для образовательных учреждений целевыми группами: абитуриентами, их родителями, студентами, как потребителями услуг, представителями административных структур, бизнес-среды. При этом специально организованными событиями могут быть:

- ◆ информационные: пресс-конференция, брифинг, пресс-тур, блог-тур, пресс-экскурсия, пресс-показ;
- ◆ деловые встречи: форум, симпозиум, конференция, семинар, «круглый стол», встреча;

- ◆ церемониалы: церемония открытия/закрытия и др.;
- ◆ праздничные мероприятия: День знаний, День студента, День науки;
- ◆ благотворительные: благотворительный вечер;
- ◆ имиджевые: светский прием, бал; конкурс, вручение премий и наград;
- ◆ корпоративные события (для внутренней аудитории) [24].

В отечественной практике часто используются такие мероприятия для продвижения деятельности учреждения, привлечения абитуриентов, как «дни открытых дверей», «круглые столы», «встречи с выпускниками», проведение крупных мероприятий и др. Для взаимодействия студентов и работодателей организуются Дни карьеры. Событийный менеджмент при этом направлен на организацию диагностики способностей выпускников, их тестирование, демонстрацию умений в тренингах, конкурсах проектной деятельности, различного рода креативных игровых технологиях. В рамках этих мероприятий проводятся и развивающие программы: мастер-классы, семинары-дискуссии, круглые столы. В свою очередь работодатели, заинтересованные в выпускниках, проводят ярмарки вакансий, презентацию своей деятельности, деловые игры, консультации и др. [24, С. 104–109]. Еще одним инструментом продвижения образовательных услуг являются социальные сети, используемые для быстрого и широкого распространения информации. При этом нерекламный формат взаимодействия представляет ценность для пользователей сети, так как происходит инициированное ими самими общение на актуальные для них темы [25, С. 20–23]. При таком способе продвижения образовательное учреждение может наиболее полно ознакомить целевую аудиторию со своими программами, отвечать на все интересные вопросы, публиковать информацию об акциях, конкурсах и т.д. Стратегия довольно проста: определяются целевая аудитория, ключевые задачи кампании, подбирается площадка с высокой концентрацией целевой аудитории, определяются поведенческие особенности аудитории, производится разработка конкретной стратегии, определяются необходимые ресурсы. Наиболее подходящими площадками являются Vkontakte, Facebook, Twitter, Instagram [8, С. 119–123].

Обострение конкуренции привело к поиску российскими вузами стратегий усиления своего положения на рынке образовательных услуг. Одной из стратегий является стратегия «качества» [16, С. 169–172].

Маркетинговые подходы увеличения качества деятельности вузов включают работу над имиджем. Имидж учебного заведения является неосозаемым активом компании и выступает источником конкурентоспособности

и фактором адаптации любой организации к внешним условиям.

Существуют разные подходы к понятию имиджа образовательного учреждения. М. С. Пискунов представляет имидж школы как эмоционально окрашенный образ, который обладает специально указанными характеристиками и создан для оказания психологического влияния на определенные группы общественности.

Е. Б. Карпов рассматривает данный термин как социально-психологическое явление, которое имеет свои законы формирования и функционирования.

Целью создания имиджа вуза является формирование у общества определенного образа, который будет способствовать достижению основных задач и целей, поставленных руководством вуза.

При этом известность вуза повышает требования к нему. Начинается более пристальный контроль над его работой со стороны студентов, работодателей, общественности.

Основными элементами имиджа вуза являются:

- ◆ имидж оказываемых услуг: востребованность предлагаемых специальностей, качество преподавания, престижность дипломов, стоимость предоставляемых услуг, возможности трудоустройства по направлению подготовки, количество факультетов, научные перспективы;
- ◆ имидж профессорско-преподавательского состава: внешний облик, социально-демографические и духовно-культурные характеристики, уровень профессиональной компетентности, умение структурно донести информацию, выстраивать эффективную коммуникацию;
- ◆ имидж студентов: внешний облик, особенности поведения, стиль жизни, духовно-культурные характеристики, выраженность стремления к образованию, уровень знаний и умений;
- ◆ имидж руководителя вуза: внешний облик, социально-демографические, психологические характеристики, стиль управления;
- ◆ визуальные характеристики: архитектура, внешний дизайн помещений, внутренний дизайн помещений, элементы фирменного стиля, техническое оснащение;
- ◆ внутренние характеристики учреждения: корпоративная культура, психологический микроклимат, особенности управления персоналом, стиль общения с профессорско-преподавательским составом;
- ◆ социальный имидж вуза: социальные аспекты деятельности;

- ◆ история вуза, традиции, репутация [16, С. 169–172].

Образ вуза формируется из многих компонентов. Мнение о каждом из них оказывает влияние на имидж образовательного учреждения в целом. Для создания действенной стратегии управления имиджем вуза следует знать, какие из компонентов выходят на первый план для данной организации.

При выборе вуза абитуриенты обращают внимание на такие критерии, как известность вуза, существование интересных и востребованных образовательных программ, расположение учреждения, возможность международных стажировок, наличие магистратуры, аспирантуры, различных курсов, гибкий график обучения и цена за обучение.

Разрабатывая стратегию повышения имиджа образовательного учреждения, следует четко выделить целевые группы. В эти группы могут входить: абитуриенты и их родители, выпускники образовательного учреждения, работодатели, руководство региона, средства массовой информации, профессорско-преподавательский состав учреждения, студенты.

Работа над имиджем образовательного учреждения — задача высшего руководства, которое принимает стратегическую концепцию работы над имиджем. Однако она невозможна без привлечения дополнительных специалистов (имиджмейкеров, маркетологов, дизайнеров и т.д.).

Имидж образовательного учреждения формируется путем создания внешних и внутренних образов, которые основаны на уникальных характеристиках заведения, статусе слушателей, абитуриентов, выпускников и партнеров. В условиях современного рынка положительный имидж является неотъемлемой частью продвижения образовательного учреждения.

Причем в деятельности имиджмейкера важное значение имеет владение креативными технологиями, обеспечивающими творческие новации в деятельности, способствующими успеху на современном рынке. Эти технологии становятся востребованными сегодня в таких сферах, связанных с имиджмейкингом, как рекламная деятельность, PR, маркетинг, индустрия моды и красоты, развлечений, туризма и проч. Поэтому внедрение любого креативного решения или инновации сегодня должны быть регулируемы процессами, разрабатываться и реализовываться целенаправленно, что требует использования специалистов, обладающих креативностью и способных осуществлять творческие задачи при формировании имиджа ор-

ганизаций в целом, их товаров/услуг, персонала и их продвижения.

Креативность мы рассматриваем как способность к творческому решению проблем, новым, нестандартным подходам в любой сфере деятельности: в науке и искусстве, образовании, в политике и инженерном деле, PR, рекламе, в бизнесе в целом. Креативность — это интегративное качество психики человека, обеспечивающее продуктивные преобразования в деятельности личности, позволяя ей удовлетворять потребность в исследовательской активности и самореализации.

Именно креативная личность будет способна к реализации приемов формирования имиджа личности, организации, товара, территории, разработке технологических подходов в имиджмейкинге.

Если же рассмотреть креативные технологии имиджмейкинга, то, прежде всего, обращает на себя внимание их многообразие, основанность на использовании креативных идей, парадоксов, необычных ассоциаций, метафор, техник произвольных слов, разрушения парадигм, методов бренд-манифеста, мозгового штурма, пинг-понга, приемов необычного мышления, движения мысли в обратном направлении «от настоящего к прошлому», «выворачивания» известных ситуаций; использование техник, активизирующих творческое мышление: «мыслительные стулья» У. Диснея, «мыслительные шляпы» Э. де Боно, техник номинальной группы, моде-

рации, ментальных провокаций и др. Эти технологии могут присутствовать практически во всех направлениях сервиса и востребуют личность, отличающуюся креативностью. Необходимость в креативных технологиях особенно возникает в тупиковых ситуациях когда нет надежды на разрешение ситуации без использования специальных действий, когда резко возрастает деятельность конкурентов и необходимо срочно разработать мероприятия, привлекающие внимание целевых аудиторий, повышающие известность товара/услуги. В подобных ситуациях необходимы новые идеи, разработка мероприятий по продвижению фирмы и ее продукта. Источником и реализатором этих действий может быть человек креативного типа (Р. Флорида).

Таким образом, можно отметить, что в современном социокультурном сервисе и, в частности, образовательной деятельности решающее значение имеют креативные технологии. А значит современной культуре чрезвычайно необходим креативный тип человека, способный к быстрой смене стратегий деятельности, нестандартно решать стоящие перед ним задачи, находить неожиданные выходы из неразрешимых, на первый взгляд, ситуаций и формировать новые, уникальные пути достижения поставленных перед ним целей. В связи с этим изучение, развитие и совершенствование креативности и креативных технологий, направленных на максимальное раскрытие творческого потенциала человека, имеет решающее значение для совершенствования культуры, бизнеса, образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев, Б. Г. Задачи психологии искусства // Художественное творчество. Вопросы комплексного изучения / Б. Г. Ананьев, Ленинград.: «Наука», Ленинградское отделение. — 1982. — С. 235.
2. Богоявленская, Д. Б. Исследование творчества и одаренности в традициях процессуально — деятельностной парадигмы. Основные современные концепции творчества и одаренности / Д. Б. Богоявленская. — М.: Молодая гвардия, 1997. — С. 328–348.
3. Бурменко, Т. Д. Сфера услуг: экономика: учебное пособие / Т. Д. Бурменко, Н. Н. Даниленко, Т. А. Туренко. — М.: Кнорус, 2007. — 281 с.
4. Гривенная Е. Н. Понятие и сущность образовательной услуги как правовой категории / Е. Н. Гривенная // Общество и право. — 2013. — № 4 (46) — С. 301–305.
5. Григорян, А. Л. На пути к новой экономике: концепция инновационного развития России // Государство и общество, М., 2005, С. 82–851.
6. Дорфман, Л. Я. Основные направления исследований креативности в науке и искусстве // Вопросы психологии. — 1999. — № 2. — С. 11–15.
7. Драгунова, И. В. Маркетинг образовательных услуг в условиях экономического кризиса / И. В. Драгунова // Вестник Волжского Университета им. В. Н. Татищева. — 2010. — № 19
8. Завалько, Н. А. Проблемы маркетинга образования в аспекте продвижения образовательных услуг / Н. А. Завалько // Вестник Омского университета. — 2011. — № 3 — С. 119–123.
9. Зиннуров, У. Г. Маркетинг в деятельности вузов: теория и методы решений. — Уфа: Изд-во УГАТУ, 1993
10. Котлер, Ф. Основы маркетинга / Ф. Котлер. — М.: Бизнес-книга, 1995. — 699 с.
11. Котлер, Ф. Маркетинг по Котлеру: как создать, завоевать и удержать рынок / Ф. Котлер. — 4-е изд. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. — 294 с.
12. Кривцун, О. А. Личность художника как предмет психологического анализа // Психологический журнал. — 1996. — Том 17. — № 2. — С. — 99–109.
13. Львова, Л. С. Дополнительное образование детей и взрослых в Федеральном законе Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Научные исследования в образовании. — 2013. — № 3.
14. Максюкова С. Б. Роль фундаментального образования в современном обществе / С. Б. Максюкова, Д. С. Трухманов // Вестник Кузбасского государственного технического университета. — 2014. — № 4 — С. 188–190.

15. Матюшкин, А. М. Концепция творческой одаренности / А. М. Матюшкин // Вопросы психологии. — 1989. — № 6. — С. — 29–33.
16. Ободкова Е. А. Имидж ВУЗа и качество / Е. А. Ободкова // Имиджелогия — 2008: Имидж как инструмент привлекательности и конкурентоспособности: Материалы Шестого Международного симпозиума по имиджелогии. — 2008. — С. 169–172
17. Панкрухин, А. П. Маркетинг образовательных услуг // Маркетинг в России и за рубежом, 1997. — № 7–8. — С. 79–85
18. Прохоров, А. В. Опыт организации современного образования / А. В. Прохоров, Е. П. Семишова // Вестник ТГУ. — 2014. — № 10 — С. 47–51.
19. Рацлаф, А.А., Седова, А. В. Образовательная услуга: определение и свойства // Молодой ученый. — 2014. — № 13 — С. 162–164. — URL <https://moluch.ru/archive/72/12365> (дата обращения: 14.04.2019)
20. Савинов, Л. И. Теоретические подходы к содержанию понятия «услуга» / Л. И. Савинов, Е. Н. Рябова // Научный журнал: Сервис Plus. — 2010. — № 3 — С. 14–19.
21. Староверова, Н. А. Дополнительное образование взрослых как способ решения социальных и нравственных проблем общества / Н. А. Староверова // Вестник Казанского Технологического Университета. — 2012. — № 5 — С. 263–269.
22. Скоробогатова, Ю. А. Об определении понятия «образовательная услуга» / Ю. А. Скоробогатова // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2010. — № 5. С. 254–257
23. Торшина, К. А. Современные исследования проблемы креативности в зарубежной психологии / К. А. Торшина // Вопросы психологии. — 1998. — № 4. — С. — 123–133.
24. Федотова А. В. Специальное событие как технология продвижения ВУЗа и со-творчество будущей профессиональной карьеры студентов / А. В. Федотова // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. — 2014. — № 24 — С. 104–109.
25. Халилов Д. Маркетинг в социальных сетях / Д. Халилов. — 2-е изд. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. — 240 с., С. 20–23.
26. Хорева Л. В. Современный этап постиндустриального развития общества // Общество, экономика, туризм: Сб. научных трудов СПб., 2005. С. 5
27. Щетинин, В. П. Экономика образования: учебное пособие / В. П. Щетинин, Н. А. Хроменков, Б. С. Рябушкин. — М.: Российское педагогическое агентство, 1998. — 305 с.

© Коноплева Нина Алексеевна (nika.Konopleva@gmail.com), Метляева Татьяна Викторовна (MetlaevaTV@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Владивосток

ОТРАЖЕНИЕ МЕСТНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НА ТЕМУ МАЛОЙ РОДИНЫ М. А. ШОЛОХОВА И МО ЯНЯ

THE REFLECTION OF LOCAL CULTURE IN THE WORKS ON THE TOPIC OF «HOMETOWN» OF SHOLOKHOV AND MO YAN

Liu Na

Mikhail Sholokhov and Mo Yan are the most significant representatives in Russian and Chinese literature. According to statistics, most scenery described in their masterpieces is from their hometown. The beauty of their own hometown inspires them to create the literary world. In this essay we will analyze and examine different aspects of their hometown that are reflected in his works, including the local historical events and characters, local cultural tradition and custom, family relations, world view, the character of the local people and folk oral creation.

Keywords: Sholokhov, Mo Yan, «hometown», folklore, culture and traditions.

Лю На

*Старший преподаватель, Тяньцзиньский
Педагогический Университет
liunasdu@126.com*

Аннотация. М. А. Шолохов и Мо Янь являются важными представителями русской и китайской литературы. По статистике местом действия большинства произведений Шолохова и Мо Яня является их «Малая родина». Именно на основе описания своей «Малой родины» Шолохов и Мо Янь составляет свой искусственный мир. Особое внимание в данной статье уделено отраженные в их произведениях местные исторические события и персонажи, местные национально-культурные традиции и обычаи, семейные отношения, мировоззрение, характер народа на их малой родине и устное народное творчество. В данной статье анализируется творчество М. А. Шолохова и Мо Яня на примерах их произведений «Тихий Дон» и «Большая грудь, широкий зад».

Ключевые слова: Шолохов, Мо Янь, местная культура, фольклор, малая родина, культура и традиции.

Местная культура — это совокупность материальных и духовных ценностей, которые создаются народом одного места. Из поколения в поколение передаются традиции праздников, семейный уклад, обычаи и художественная культура.

Изображение народной жизни в произведениях «Большая грудь, широкий зад» и «Тихий Дон» было проникнуто высокогуманистической мыслью о духовном богатстве и нравственной цельности людей труда.

Перед тем, как анализировать отражения местной культуры в произведениях, посвященных теме малой родины М. А. Шолохова и Мо Яня, рассмотрим народность их творчества, благодаря которой писатели отдают все свое время описанию людей, живших на их родине.

«Талант Шолохова неоглядно многогранен. Изображая человека из глубинных слоев народа, раскрывая его жизнь во всей сложности и полноте, писатель с одинаковой художественной мощью создает трагические и комические характеры, проникает в тайны жизни и смерти, уходит в глубину внутреннего мира человека и развертывает широкую картину событий и обстоятельств его внешней жизни. Ни одного сомнения в достоверности изображенного не возникает у нас, когда мы следим за развитием многообразнейших чувств и мыслей героев его произведений» [1].

М. А. Шолохов отмечал: «Я видел и вижу свою задачу как писателя в том, чтобы всем, что написал и напишу, отдать поклон этому народу-труженику, народу-строителю, народу-герою, который ни на кого не нападал, но всегда умел с достоинством отстоять созданное им...» [2].

Мо Янь также очень ценил народность своего творчества. В одном из его выступлений Мо Янь сказал, что существуют два типа творческой деятельности: творчество, в котором писатель пишет для народа, отличается от творчества, в котором писатель проявляет себя в качестве народа. Истинная народность состоит в том, что проблема рассматривается с позиции народа, то есть писатель пишет как представитель народа. Мо Янь еще объяснил, когда писатель считает, что он пишет для народа, он уже ставил себя выше народа и считал себя «духовным инженером» людей.

1. Региональная история как отражение местных особенностей культуры в произведениях на тему малой родины М. А. Шолохова и Мо Яня

М. Горький сказал: «Подлинную историю человека пишет не историк, а художник». Как большие художники М. А. Шолохов и Мо Янь живописно воссоздают атмосферу эпохи, тщательно выписывают обстановку, характеризующую совокупность местных признаков, которые

тесно связаны с их творчеством. Но они отнюдь не «бесстрастные летописцы» или же регистраторы исторических фактов и событий.

Без чувства историзма художник-реалист немислим. Работу над произведением «Тихий Дон» М.А. Шолохов начал с историко-хроникального изображения зарождающейся гражданской войны, с резкого столкновения революционных и контрреволюционных сил в России в период между февралем и октябрём 1917 года. Будучи современником войн и революций, М.А. Шолохов шел по следом современности и черпал богатые материалы для художественного творчества.

В романе-эпопее М. Шолохова «Тихий Дон» изображена история казачества с 1912 по 1922 год. Произведение насыщено событиями общественно-политической жизни, которая оказала большое влияние на судьбу донского казачества. Отодвинув в произведении повествование к этим событиям, М.А. Шолохов выступал как историк этой жизни во всей ее исторической конкретности и объемности.

Стремясь шире охватить исторические события в начале XX века в России и показать их через судьбы людей разных слоев, М.А. Шолохов вводит в повествование образы реальных лиц, сохранивших в произведении свои подлинные имена и фамилии.

Главный герой произведения — лицо вымышленное. Этот образ большого художественного обобщения воплотил в себе многие качества народного характера. Известен прототип Григория Мелехова — донской казак из хутора Базки Харлампий Ермаков.

Другим ярким примером является сам последний русский император августейший атаман казачьих войск России Николай II. Он вступил на престол 21 октября 1894 года. Его повседневной одеждой была офицерская форма, Он любил войсковые смотры. Он был чадолюбив, любезен, обходителен, но иногда резок в суждениях и подозрителен.

«Приезжал в Ставку царь, и Крючкова возили ему на показ. Рыжеватый сонный император осмотрел Крючкова, как лошадь, поморгал кислыми сумчатými веками, потрел его по плечу. — Молодец, казак! — и, повернувшись к свите: — Дайте мне сельтерской воды.» (во гл. 9-й, части 3, тома 1) Такими словами характеризует М.А. Шолохов императора Николая II.

В своем произведении «Тихий Дон» М.А. Шолохов правдиво изобразил трагические события 1919 г., показал ярких, интересных людей, сыгравших немаловажную роль в жизни донского казачества в начале XX века.

Широкий охват исторически конкретных событий, участие в них реальных лиц, столкновения различных социальных сил, изображаемых с максимальным историзмом — все это требовало освоения громадного материала изучения исторических документов, исследований по истории мировой войны, Октябрьской революции и гражданской войны. В собрании и систематизации материала писатель испытывал, по его словам, «большую трудность», особенно в работе с мемуарной литературой, которая давала субъективное, противоречивое, но необходимое художнику детальное описание событий. Важно было отобрать «наиболее значительное и политически действенное, чтобы каждый эпизод, каждая деталь несли свою нагрузку», дать оценку изображаемым событиям и участвующим в них историческим лицам.

Из множества деталей, сообщаемых газетой, М.А. Шолохов чаще всего отбирает одну и на ее основе создает художественный образ. К примеру, опираясь на газетные сообщения о том, что в руках сестры Нестерович «букет цветов, предназначенный для верховного главнокомандующего» и «весь его (Корнилова) путь забрасывается цветами», Шолохов рисует художественно выразительную картину: «Листницкий видел, как приближавшегося к нему Корнилова осыпали цветами изысканно одетые дамы, густо стоявшие вдоль платформы. Один розовый цветок повис, зацепившись венчиком за аксельбанты на мундире Корнилова. Корнилов стряхнул его чуть смущенным, нерешительным движением.»

Таким образом, М.А. Шолохов прибегает к широкому использованию многочисленных исторических документов (в том числе документы, связанные с гражданской войной в России, особенно на Дону). Например, в его произведениях были использованы статья В.И. Ленина «Положение и задачи Социалистического Интернационала», листовки, обращения, телеграммы, воззвания, декларации, резолюции, требования, письма и ответы на них и тому подобное.

Малая родина тоже является бесценным богатством писателя Мо Яня. История дунбэйского Гаоми служит источниками материала творчества Мо Яня. После художественной трансформации образа прошлые крестьяне в его малой родине стали образами его произведений, а исторические события стали сюжетом произведений.

В произведении «Большая грудь, широкий зад» рассказывается история дунбэйского Гаоми в XX веке (в том числе война сопротивления немецким захватчикам, война сопротивления японским захватчикам, период народных коммун, период культурной революции и др.). Все эти исторические события в произведении, происходящие на малой родине писателя — в дунбэйском Га-

оми, разворачиваются на фоне политических интересов и взаимоотношений между семейными родами «Шан Гуань» и «Сы Ма».

В 13-й главе «матушка моя» рассказывала нам о истории дунбэйского Гаоми. *«В правление под девизом Сяньфэн династии Цин... Здесь еще никто постоянно не жил... Позже — в каком году и месяце, неведомо — обосновался здесь один человек могучей силы и великой храбрости. Звали его Сыма Да Я... Однажды по течению плывет большой глазурированный чан... А в чане — девушка в белом платье, слепая... Потом родила она мальчика и умерла...»* Далее матушка рассказала, как власти переселяли в дунбэйскую глубинку народ, как народ дунбэйского Гаоми боролся с немецкими и японскими агрессорами.

Например, в истории Гаоми появился народный герой Сунь Вэнь. Он в конце династии Цин поднял восстание, чтобы заставить правителя династии Цин изменить маршрут железной дороги Цзяоци (то есть железной дороги от Циндао до Цзинаня, что испугало немецких агрессоров. Такое историческое событие стало основным сюжетом произведения «Сандаловая казнь» и не раз упоминалось в произведении «Большая грудь, широкий зад».[3]

В 1938 году в течение второй мировой войны, партизанский отряд (во главе с Цао Кэмин и его братом Цао Чжэнчжи) вместе с военной армией (во главе с Ли Гуаньжун) напали на японскую армию и убили 39 японских солдат, среди которых был командир вице-адмирал Чжун Ганмигао. В бою они сожгли четыре вражеских грузовика. Эта история и персонажи служили основой сюжета произведения «Красный гаолян». Подобные истории также были описаны в произведении «Большая грудь, широкий зад».

Лю Ляньжэнь — это человек с трагической судьбой, его родиной является Гаоми, убежав из концлагеря в Японии, жил в одной пещере в Хоккайдо и в конце концов вернулся на родину. Его судьба волнует Мо Яня, поэтому он стал прототипом «дедушки-рассказчика» в серии произведений «Красный гаолян», и прототипом «Пигуга Хан» в произведении «Большая грудь, широкий зад».

В сборнике истории Гаоми, явившейся полем боя, приводится много свидетельств о жестоких казнях, например, закапывание в землю заживо, выкалывание глаз, разрубание тел и др. Все это было отражено в произведениях Мо Яня. В произведении «Большая грудь, широкий зад» описывается, что «В день казни весь Гаоми гудел как пчелиный рой ... Сначала на камнях установили восемнадцать сковородок, развели под ними огонь

и раскалили докрасна. Затем палач подхватил прадеда под руки и повел по этим сковородкам босыми ногами...»

Кроме этого, многие детали в «Большой груди, широком заде» являются реальными событиями в жизни Мо Яня, когда он жил на малой родине. Например, «моя матушка» проглотила зерна зеленого горошка в желудок, а потом, когда вернулась домой, вырвала их обратно, чтобы кормить детей. Такой странный случай, на самом деле, является реальным, имевшим место в селе Мо Яня.

Малая родина у М. А. Шолохова и Мо Яня не только предоставляет писателям материалы для творчества, но и служит источником вдохновения и духовной колыхелью. Например, обдумывая план произведения «Большая грудь, широкий зад», Мо Янь считал, что очень трудно создать художественный образ аномального человека «Шан Гуаньцзинь тун». Он сказал в одном интервью: «Когда мне трудно создать какой-то образ, я всегда создаю этот образ на фоне моей малой родины. И тогда все сюжеты приходят естественно».[4]

2. Народная культура как отражение местных особенностей культуры в произведениях на тему малой родины М. А. Шолохова и Мо Яня

Местная культура, включая традиции, обычаи, народное мышление, семейное отношение и так далее, также нашло отражение в произведениях «Тихий Дон» М. А. Шолохова и «Большая грудь, широкий зад» Мо Яня.

Донский край отличается уникальными чертами и особенностями, связанными с особой историей и неповторимой материальной и духовной культурой. Культура Донского края по своей природе уникальна и многогранна. Из поколения в поколение жители Дона передавали свои культурные традиции, накопленные в течение столетий.

Прекрасным источником получения информации о культуре казаков является произведение М. А. Шолохова «Тихий Дон», в котором писатель выступил как историк казачьей жизни. Он в «Тихом Доне» полно, интересно, энциклопедически верно отразил духовную культуру и семейный быт донского казачества. В этом произведении нашли глубокое и всестороннее отображение и своеобразный уклад жизни казаков, и их традиции, культура, быт, язык, и неповторимая донская природа.

Казаки являются воинами и хлеборобами одновременно. Этими двумя понятиями определяется жизнь казаков. Надо сказать, что исторически казачество складывалось на границах России, где были часты вражеские набеги, поэтому казаки были вынуждены с оружием в ру-

ках вставать на защиту своей земли, которая отличалась особым плодородием. Позднее, уже находясь под властью русского царя, казачество существовало привилегированным военным сословием, что во многом обуславливало сохранение у казаков древних обычаев и традиций. У М. А. Шолохова казаки показаны очень традиционными. К примеру, с малых лет казаки привыкают к коню, выступающему у них не просто орудием труда, а верным другом в бою и товарищем (за сердце берет описание плачущего богатыря Христоня по уведенному красными Воронку). Все они воспитываются в уважении к старшим и беспрекословном подчинении им (Пантелей Прокофьевич мог наказать Григория даже тогда, когда под началом последнего находились сотни и тысячи людей). Казаки управляются атаманом, избираемым войсковым Казачьим Кругом, куда у Шолохова и направляется Пантелей Прокофьевич.

В данной части мы будем обращать внимание на свадебный обряд донских казаков, проводы и встреча их со службы, их увеселения и забавы, и казачьи семейные отношения, отраженные в произведении «Тихий Дон».

Свадебный обряд

Традиционному донскому свадебному обряду приписывают многие черты южновеликорусской и украинской свадьбы. Празднества обычно устраивали осенью или зимой. Чаще всего родители сами объявляли сыну свою волю в выборе невесты. В 15-й главе (части 1 тома 1) описывается традиция смотрин: *«Завтра же поеду сватать!... На дурочке жению!»* Потом отправлялись на смотрины. *«— Дельце к вам по молости имеем...- У вас — девка невеста, у нас — жених... Не снохемся ли каким случаем?»* Договаривались после сватанья о дне свадьбы. *За невестой Григорий ехал на бричке вместе с Петром, пели песни, веселились. Пестрели «красные околыши казачьих фуражек, синие и черные мундиры и стуртуки, рукава в белых перевязях, рассыпанная радуга бабьих шалевых платков, цветные юбки.»* (в 20-й главе, части 1, тома 1)

Проводы и встреча казаков со службы

Казачья служба по закону с 1875 года и продолжалась двадцать лет, начиная с восемнадцатилетнего возраста: три года в подготовительном разряде, четыре года на действительной службе, восемь лет на льготе и пять лет в запасе. Проводы казаков на службу являлись целым событием. Торжественно и тщательно готовились к встрече служивых. Погуляв и отдохнув недельку, казак принимался за работу. Как рассказывается в «Тихом Доне», что *«Обычным, нерушимым порядком шла в хуторе жизнь: возвратились отслужившие сро-*

ки казаки, по будням серенькая работа неприметно сжирала время, по воскресеньям с утра валили в церковь семейными табунами... » (в 1-й главе, части 3, тома 2)

Увеселения и забавы донских казаков

На забавы донских казаков, их увеселения оказала влияние воинственная жизнь казаков. Поэтому главными развлечениями на праздниках были соревнования в стрельбе из ружья, устраивались скачки и кулачные бои, где казаки демонстрировали свое искусство езды на лошадях, показывали джигитовку. Мирону Григорьевичу Гришка Мелехов приглянулся *«...за казацкую удаль, за любовь к хозяйству и работе. Старик выделил его из толпы станичных парней еще тогда, когда на скачках Гришка за джигитовку снял первый приз»* (в 18-й главе, части 1, тома 1). *«По вечерам в топотном звоне стонали улицы, игрища всплескивались в песнях, в пляске под гармошку, и лишь поздней ночью догорали в теплой сухмени последние на окраинах песни.»* (в 1-й главе, части 3, тома 1)

Семья — основа основ народного бытия в мире «Тихого Дона». Естественно, что **семейные отношения** рассмотрены в произведении во всеобъемлющей полноте. Жизненные обстоятельства казацко-крестьянской среды изображены с такой основательностью, что позволяет воссоздать общее строение семьи в России начала нынешнего века, как раз накануне социальных потрясений и перемен. История женитьбы Григория говорит о том, что в казачьей среде сын должен беспрекословно подчиняться воле отца. На примере судьбы Григория можно видно, что отец Григория имеет право на жизнь сына и решить его судьбу. Григорий вынужден расплачиваться за свое подчинение воле отца всю жизнь. Это решение делает также несчастными двух незаурядных, гордых и любящих Григория женщин. Драматизм личной жизни героя усугубляется теми потрясениями, которые пришли на донскую землю в 1918 году. М. А. Шолохов произведения показывает, как рушится привычный актуальный уклад казачества, как вчерашние друзья становятся врагами, как разрываются родственные связи.

В произведении «Большая грудь, широкий зад» отражается гаомиская народная культура. С точки зрения ландшафта, Гаоми является котловиной, где часто происходят затопления, поэтому здесь везде выращивают высокостебельные культуры, в том числе красный гаолян, который является сырьем для гаолянского крепкого вина. И гаоляновые поля — это удобное место действий разных героев, что способствует формированию своеобразия гаомиской культуры.

Анализируя присущую характеристику гаомиской культуры, мы заметим, что культура Цзи в Древнем Китае оказала сильное воздействие на характер народа в Гаоми. Они непокоримые, необузданные и верные друзья, что отражается в произведениях Мо Яня. Типичным образом с гаомиским характером является антияпонский герой Сыма Ку. По словам «матушки моей» перед смертной казнью Сыма Ку: *«Приведите себя в порядок и пойдём посмотримся с этим человеком. Он хоть и сволючь, но настоящий мужчина. В прежние времена такие, как он, рождались раз в восемь-десять лет, а нынче, боюсь, их и вовсе не будет.»*

Гаоми является родиной Пу Сунлин — автора книги «Ляо чжай чжи и» («Описание чудесного из кабинета Ляо»). Издревле гаомиский народ имел традицию — культ животных и растений. Это оказало большое влияние на творчество Мо Яня. Например, в четырнадцатой главе произведения «Большая грудь, широкий зад» рассказывается история превращения третьей старшей сестры в дух птицы, а также, что «За короткую историю дунбэйского Гаоми из-за несчастной любви или несложившегося брака шесть женщин стали оборотнями, превратившись в лису, ежа, хорька, пшеничную змейку, барсука и летучую мышь. Они жили своей таинственной жизнью, вызывая у людей страх и благоговение». А в произведении люди обсуждают ее смерть из-за падения с обрыва так: «...она... самая настоящая фея птиц, сосланная жить среди людей за то, что клевала персики бессмертия в саду богини Сиванму. Но срок ее наказания истек, и она, конечно же, снова стала небожительницей.»

3. Устное народное творчество как отражение местных особенностей культуры в произведениях на тему малой родины М. А. Шолохова и Мо Яня

М. Горький сказал: «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества, которое непрерывно и определенно влияло на создание таких крупнейших произведений книжной литературы, как, например, «Фауст», «Приключения барона Мюнхгаузена», «Пантагрюэль и Гаргантюа», «Тиль Уленшпигель», «Де Костера», «Освобожденный Прометей», «Шелли» и многие другие.

М. А. Шолохов и Мо Янь испытали большое влияние устной поэзии своего народа. Они как художники формировались под влиянием эстетики фольклора. Под влиянием народного творчества оформился своеобразный стиль творчества народных писателей.

Устная поэзия для М. А. Шолохова и Мо Яня представляет собой источник творчества. Под влиянием устной поэзии исторически сложились национальные особенности народа, его нравственные традиции, чувство и на-

строение, чаяние и надежда. Искусства народа нельзя просто перечислить или механически извлечь из текста произведения потому, что они сращены с его художественной тканью, неотделимы от жизни героев.

Фольклор является не только искусством устного слова, но и источником народной культуры. Он отличается жанровым многообразием, в котором важное место занимает фольклор песенный. Песня — это облеченное в поэтическую форму представление человека об окружающем мире. Казачья песенная культура необычно богата и многообразна. В ней в образной народной памяти отражены социально-исторические условия формирования казачества, проявился своеобразный историзм и реализм.

Песенный фольклор донских казаков всецело связан с обрядами христианскими; с народным календарем; обычаями, бытовавшими на Дону: инициации (посвящение мальчика в казака), проводы, встречи казаков из боевых походов; игры, хороводы (карагоды) и пляски (танки; гопак). В песне люди не просто рассказывают о тех событиях, которые происходили в их жизни или свидетелями которых они стали, но и дают этим событиям собственную оценку через эмоциональный «рассказ» о своих чувствах, переживаниях и впечатлениях. Создавая песни, предки заложили в них столько полезной информации о своей жизни, что трудно переоценить вклад этого вида искусства в развитие культуры, истории народа.

Сохраняя в целом черты, характерные для общерусского стиля, народная песня имеет и ряд отличительных, самобытных особенностей, о которых очень точно сказал в произведении «Тихий Дон» большой знаток и ценитель казачьей культуры Михаил Александрович Шолохов: «Пели ее всегда в три-четыре голоса. Над густыми басами, взлетывая, трепетал редкой чистоты и силы тенор подголоска — «дишкант «Басы еще не обрывали последние слова, а подголосок уже взлетывался над ними, и звуки, трепеща, как крылья белогрудого стрепета в полете, торопясь, звали за собой»

Разнообразные казачьи песни, в сравнении с другим жанрами, используются в «Тихом Доне» М. А. Шолохова. Их в произведении около четырехсот строк, больше половины которых в первых двух книгах, где песня как бы сопровождает жизнь казака, среди которых бесхитростный колыбельный речитатив, пронзительных детских веснянок. Народная мысль М. А. Шолохова выражается в старинных казачьих песнях, поставленных эпиграфом к произведению, во многом определяющих идейную концепцию «Тихого Дона».

Слова старинной казачьей песни в «Тихом Доне» предваряют повесть о кровавых боях, о классовом раз-

межевании жителей хутора Татарский, о напряженных поисках героями своего места в бурной революционной действительности, об их неистребимом тяготении к простому человеческому счастью, к мирному крестьянскому труду на кормилице-земле.

Много подобных песен в произведении отразили судьбы донского казачества. («Ах, с моря буйного да с Азовского...», «Поехал казак на чужбину да-леку...», «Конь боевой с походным выюком...»). С помощью чувств и настроений, отраженные в этих песнях, М. А. Шолохов четко создал центрального героя произведения:

«Сколько раз боевой конь, круто повернувшись, взрыв копытами землю возле родимого крыльца, нес его по шляхам и степному бездорожью на фронт, туда, где черная смерть метит казаков, где, по словам казачьей песни, «страх и горе каждый день, каждый час» — а вот никогда Григорий не покидал худора с таким тяжелым сердцем, как в это ласковое утро». В этот раз, «томимый неясными предчувствиями, гнетущей тревогой и тоской», он оглянулся и в последний раз увидел Наталью — «свежий предутренный ветерок рвал из рук ее черную траурную косынку.» (В «Тихом Доне» эту старинную казачью песню, исторически связанную со взятием русскими войсками Варны, поют на фронте подвыпившие казаки.)

Однажды Григорий слышит слова песни сквозь сон: «Надоела ты нам, службица, надоскучила. Добрых коников ты наших призамучила...» (В песне рассказывается о нападении горцев на казачий отряд Фрола Агуреева осенью 1786 года. Использованный Шолоховым зачин песни близок к тексту, записанному А. М. Листопадковым.) — и не только мысленно повторяет их, впадая в забытьё, но и видит скверный сон, испытывает в нем такой страх, какой «сроду в жизни не испытывал». Интересно, что и смысловая тональность песни, и содержание совпадают с виденным и пережитым Григорием во сне разгромом казаков.

М. А. Шолохов в своем произведении часто использует народную песню для выражения мысли и сознания народа. Народная песня очень знакома герою произведения, что помогает передать чувства и настроения Григория — героя произведения на разных этапах. Можно так сказать, что народная песня не только играет важнейшую роль в жизни героя произведения, но и отражает характер казаков.

Судьбы донского казачества наиболее полно отразились в его походных песнях, к которым М. А. Шолохов прибегает особенно часто. Как И. Кравченко писал: «От походов на Азов до гражданских боев нет, видимо, ни одной значительной войны с участием казаков, по поводу которой не возникла бы у донцов песня. Походная песня

является как бы поэтической летописью войн в военных походах. В ней отражены все основные моменты военной службы казака: сборы и проводы в армию, казарменная жизнь, битвы, поединки, победы, поражения, плен, бегство из плена, ранение, смерть на войне, возвращение на родину и так далее.»

Действительно, тексты песен, которые вошли в «Тихий Дон», возникли в связи с участием казаков во многих войнах и походах. Самая ранняя по времени возникновения — это историческая песня о Ермаке и вольном казачестве («Ой, как на речке было, братцы, на Камышинке...»). В этой песне поэтически обосновывали казачьи права на «тихий Дон» со всеми его речками и протоками». Первый эпиграф к «Тихому Дону» («Не сохами-то славная земляшка наша распахана...») — старинная казачья песня, возникновение которой на Дону обычно связывается со временем участия донских казаков в Итальянском походе Суворова в 1799 году.

Созданное песней столкновение прошлого вызывает глубокое осознание настоящего как исторического заблуждения. Народная поэзия в «Тихом Доне», как жизненный источник жизни народа, является эпическим повествованием, несущим в себе мысль народную, раскрытию исторических изменений в народном сознании, закономерности тех перемен, которые восторжествовали в процессе развертывания и победы революции.

Народная региональная песня тоже оказывает большое влияние на творчество Мо Яня в создании характерных образов людей и передаче народной мысли писателя, среди которых важную роль служит маоцян.

Маоцян является одним из местных театров династии Хань, который популярен в Вэйфане, Циндао, Жичжао провинции Шаньдун. Сначала Маоцян называется «Чжоугу тон» потому, что первым человеком пела такие песни женщина, чья фамилия Чжоу. Маоцян имеет более чем двухсотлетнюю историю и считается «образцом Цзаодунской культуры» [1]. Тексты песен раннего Маоцяна почти полностью разговорные и легки для запоминания, поэтому и широко распространились среди народа. У Маоцян почти 140 сценических номеров.

В 13-й главе произведения «Большая грудь, широкий зад» описывается любовь народа к Маоцану и его популярность среди родного края: «Так это же дунбэйский маоцян, в народе его еще называют женой, привязанной к колу. Как говорится, когда исполняют маоцян, в голове смешиваются три устоя и пять постоянств. Правда и то, что когда маоцян слушаешь, отца с матерью забываешь. Подчиняясь этому ритму, пришли в движение ноги зрителей, стали подрагивать губы, затрепетали сердца. Напряжение достигло крайней точки, как стрела в натяну-

той тетиве. Пять, четыре, три, два, один — и вот зазвучал нежный голос. Устремившись вверх, он поднимался все выше и выше, пронзая небеса».

С помощью текста маоцяна Мо Янь показал историю борьбы народа дунбэйского Гаоми во главе с Сыма Ку с японцами. «Я юная красавица, скромная, прелестная... Стала женой храбреца Сыма Ку... Мой муж мосты разрушает мастак... Облил вином и поджег мост через Цзяолунхэ. В пятый день пятого месяца, на праздник драконовых лодок взметнулось синее пламя на тысячи чжанов, япошек так подпекло, что отцов и матерей поминали. Тяжелую рану на заднем месте муж мой тогда получил. Ночью вчера мороз и ветер, окрест все белым-бело, муж мой повел бойцов своих на железнодорожный мост...» (俺本是窈窕一娇娘呐, 嫁给了司马库英雄儿郎, 儿的夫他本是毁桥专家, 洒烧酒布火阵在蛟龙桥上. 五月里五端阳蓝火万丈, 烧得那小日本哭爹叫娘. 我的夫他屁股受了重伤. 昨夜里大风雪天地皆白, 我的夫带队伍去毁铁桥梁.....)

В 54-й главе с помощью традиционного текста маоцяна «В шестом подлунном месяце, в палящий летний зной... спешат верхом две девицы дорогою прямой... И-а-а» (六月里三伏好热的天——二姑娘骑马奔阳关), писатель создал жалостную картину.

Кроме маоцяна в произведениях Мо Яня часто используются местные народные песни. Например, «Моя мать» во время трудного рождения ребенка вспоминала бранную песню: «Сука, старая ты сука, зубы скалить мне не смей, будешь скалиться, дружок, пыли слопашешь совок...» (老狗老狗慢呲牙, 呲牙给你一灰箍). Давая имя герою произведения, священник Мюррой ходит взад и вперед по комнате и мать героя шутила

над ему народной песней: «сваха говорит о крестном Мюррее — будто майна трещит, о смерти даже и то на бегу скажет.» (媒婆的八哥嘴呀, 报丧的兔子腿) В годы революции девушке, ожидающей свадьбы была посвящена народная песня: «Девушка, милая, не грусти пока, не встретила парня — найдешь старика. Коли за товарищами выступишь вослед, ждет тебя капуста с мясом на обед, на пару пампушек белый-белый цвет...» (嫚啦嫚啦不用愁, 找不到青年找老头. 只要跟着同志走, 大白菜炖猪肉, 锅里蒸着白馒头)。

В устном народном творчестве в образной народной памяти отражены социально-исторические условия формирования местного народа, проявляется своеобразный историзм и реализм. В связи с этим, устное народное творчество, как бесконечный источник литературного творчества, может истинно и образно выражать местно-историческую специфику и отображать местную историю и реальную действительность.

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод: Основные сюжеты в произведениях «Тихий Дон» и «Большая грудь, широкий зад» М.А. Шолохова и Мо Яня были основаны на исторических событиях, происшедших в их малой родине. В произведениях на тему малой родины обоих писателей встречается много исторических персонажей, носящих свои подлинные фамилию и имя. В произведениях «Тихий Дон» и «Большая грудь, широкий зад» М.А. Шолохова и Мо Яня отражаются местные национально-культурные традиции и обычай, семейные отношения, мировоззрение и характер народа на их малой родине. Устное народное творчество, особенно казачьи песни на Доне и театр маоцяна в дунбэйском Гаоми оказало большое влияние на творчество обоих писателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С. Н. Жизнь и творчество М. Шолохова. — М., 1980. — с. 15.
2. М.Шолохов. Выступления, речи, интервью Шолохова, просветительский портал: Русская литература.
3. Кун Фаньцзинь, Ши Чжаньцзюнь. Материалы по исследованию Мо Яня, Цзи Нань: Шаньдунское художественное издательство, 2013.
4. Хоу Сяолинь, О характере местности в творчестве Мо Яня. Диссертация Дунбэйского Педагогического университета, 2009.

© Лю На (liunasdu@126.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЬВОВ — ГЕНИЙ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

NIKOLAY ALEKSANDROVICH LVOV — THE GENIUS OF RUSSIAN EDUCATION

L. Manych

Summary. The problem of education and development of creative potential of the individual is very relevant. In this article, in the context of consideration of the main periods of life and creativity N. A. Lvov, an outstanding cultural figure of Russia in the second half of the XVIII century, will pay attention to the factors that contributed to the disclosure and realization of the creative potential of such a unique personality.

Keywords: pedagogy; education; development; creative potential, personality; Nikolay Aleksandrovich Lvov; culture of Russia of the second half of the XVIII century.

Маныч Лариса Михайловна

*К.искусствоведения, доцент, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, РФ, г. Владимир
l.manych@yandex.ru*

Аннотация. Проблема воспитания и развития творческого потенциала личности весьма актуальна. В данной статье, в контексте рассмотрения основных периодов жизни и творчества Н. А. Львова, выдающегося деятеля культуры России второй половины XVIII века, будет обращено внимание на факторы, которые способствовали раскрытию и реализации творческого потенциала столь уникальной личности.

Ключевые слова: педагогика; воспитание; развитие; творческий потенциал; личность; Николай Александрович Львов; культура России второй половины XVIII века.

Творчество Николая Александровича Львова в контексте художественной культуры России второй половины XVIII века неоднократно было предметом изучения в процессе педагогической работы автора данной статьи со студентами Института искусств и художественного образования, музыкального колледжа, а также на курсах повышения квалификации для преподавателей ДМШ. Всегда эта тема вызывала живейший интерес у слушателей, удивление, восхищение. Также отмечалось, что имя этого выдающегося деятеля отечественной культуры известно далеко не многим. А ведь на рубеже XVIII — XIX веков, среди целого сонма выдающихся имён и на фоне мощного подъёма российской культуры уникальная личность Николая Александровича Львова (1751–1803/04) ярко выделялась, современники сравнивали его с Леонардо Винчи, с М.В. Ломоносовым — символом русского гения.

И у педагогов, слушателей курсов, и у студентов неизменно возникал вопрос о том, как же происходило формирование такой неординарной личности, её воспитание? Этот вопрос определил цель данной статьи: изучив творчество Н. А. Львова в контексте развития отечественной культуры рубежа XVIII — XIX веков, понять, что способствовало становлению и развитию такой многогранной личности.

Если обратиться к сферам деятельности, в которых проявился талант Н. А. Львова, можно предположить, почему его фигура казалась современникам такой зна-

чительной и даже таинственной. В одном лице — архитектор, теоретик архитектуры, поэт, драматург, переводчик, художник, график, музыкант, собиратель русского фольклора, мастер садово-паркового искусства, геолог, химик, учёный — изобретатель, инженер, аграрий, ботаник, археолог, историк и др., один из наиболее образованных людей своей эпохи, прогрессивный общественный деятель. Понятно, почему его называли «русским Леонардо».

Говоря о многогранности его дарования, исследователи справедливо отмечают, что, занимаясь чем-либо, Львов не только осваивал и развивал то, что было до него, но, творчески преломив, создавал нечто новое, всегда оригинальное и качественное. При этом вызывает удивление, что, например, будучи весьма значительным архитектором (архитектура считается наиболее яркой сферой его деятельности), он не учился у какого-либо профессионала — архитектора. По крайней мере, свидетельства этому не нашли. Вопрос об архитектурном образовании Львова остаётся открытым.

Однако в истории русской архитектуры XVIII века его имя стоит в одном ряду с Дж. Кваренги, Ч. Камероном, В.И. Баженовым — профессионалами самого высокого уровня. Львов, как архитектор, выполнял заказы самой императрицы — Екатерины II, а впоследствии и Павла I. Но ведь к этой высоте мастерства и привилегированного положения надо было прийти. Также Николай Александрович был членом Российской Академии Наук и почётным членом Академии художеств.

А по воспоминаниям его биографа узнаём, что происходил Николай Александрович из небогатой дворянской семьи. Род их был старинный, но обедневший. Отец Львова — отставной офицер, рано умер. Николай получил домашнее воспитание, по словам его биографа, «весьма скудное», юноша «лепетал несколько слов по-французски», по-русски писать «почти не умел». При этом отмечены характерные качества, отличавшие Львова уже в самой «самой нежной молодости»: «необычайная бойкость, предприимчивость и устойчивость в преодолении всякого рода затруднений», отвага. Как ещё назвать поведение отрока, который, устанавливая на крыше вертящееся колесо, «бегал по ней как по полу». Это давало родителям повод для беспокойства, частых дум о том, что «не сносить ему головы». Важным представляется замечание о рано проявившихся в нём качествах: «изобретательности и живой инициативы». Например, юный Львов мог, мастера себе игрушку, сломать стол, стул или «что ни попадало под руку». Вероятно, в этот же период жизни зародилась в юноше любовь к родным местам, к традициям народной культуры. И если образованность его была ещё не высока, то взросление Н. Львова, произошло рано: он потерял отца в отрочестве и забота о матери и сёстрах, по словам биографа, «как бы подняла дух его». (4, 6)

Заглянем в отдалённое будущее Н.А. Львова. Он — один из наиболее ярких представителей литературно-художественного кружка, куда входят Г.Р. Державин, видный поэт и драматург В.В. Капнист, И.И. Хемницер — самый значительный российский баснописец до И.А. Крылова, там бывают выдающиеся русские живописцы — Д.Г. Левицкий, В.Л. Боровиковский; музыканты, чьи произведения станут предметом гордости русской музыки — Е.И. Фомин, В.А. Пашкевич и ещё целый ряд талантливых людей из разных сфер искусства. Львов, по их отзывам, энциклопедически образованный, остроумный человек, наделённый необыкновенным даром чуткого проникновения в художественный замысел произведений искусства, за что его считали «гением вкуса». Он для этих незаурядных людей — замечательный друг, советчик, иногда — соавтор.

Например, для Г.Р. Державина он спроектировал и построил дом в имении Званка Нижегородской губернии, также — особняк в Санкт-Петербурге. Сохранилась тетрадь стихов Гавриила Романовича с пометками Н.А. Львова. В.Л. Боровиковскому он помог попасть в Санкт-Петербург, рекомендовав его, как талантливого живописца, Екатерине II Талантливый художник был приглашён в Санкт-Петербург. Их дружба со Львовым продлилась всю жизнь. Боровиковский запечатлел членов семьи Николая Александровича в ряде мастерских портретов, исполненных тонкого лиризма и теплоты.

Известная картина Д.Г. Левицкого «Екатерина II — Законодательница в Храме богини Правосудия» написана по программе Н.А. Львова. Он явился автором текста для оперы Е.И. Фомина «Ямщики на подставе» (1787), также либретто ещё для двух комических опер. Как переводчик, Львов обращался к произведениям Сафо, Анакреонта, Петрарки, Ж. Расина, Ж.-Ж. Руссо, Вольтера и др. По мнению исследователей культуры России XVIII века, этот кружок был своего рода средоточием лучших художественных сил Петербурга 1770-х — 1790-х годов.

Нами перечислены только некоторые сферы деятельности Львова. Однако очевидно, что он находился в ряду выдающихся представителей культуры русского Просвещения и сам таковым являлся. Но это в будущем.

Вернёмся ко времени его юности. Родился Н.А. Львов в селе Черенчицы Новоторжского уезда Тверской провинции Новгородской губернии. В справочной литературе село иногда называют Никольское-Черенчицы. Таковым оно стало позже, когда Николай Александрович его переименовал, получив во владение.

Юноша, как дворянский сын, с младенчества был приписан к военной части, в данном случае, к лейб-гвардии Измайловскому полку. И когда ему исполнилось 18 лет, отправился в Санкт-Петербург, по месту службы. Там Н.А. Львов учился в Полковой школе. Известно, что особое внимание он уделял иностранным языкам, увлекался литературным творчеством, даже принимал участие в создании рукописного журнала с единомышленниками, овладел искусством гравюры. К этому времени относятся первые стихотворные опыты.

Обращают на себя внимание качества характера, отмечаемые современниками — удивительное трудолюбие, настойчивость, целеустремлённость, жажда знаний, стремление к самообразованию. Это состояние души и ума продлится всю его жизнь, как и творчество. Только диапазон интересов и сфера деятельности будут расширяться и углубляться. Например, он вспоминал, что всегда любил рисовать, постоянно этим занимался. Впоследствии будет известен как отличный рисовальщик.

Важным качеством личности Н.Львова было его умение дружить, помогать, поддерживать. При этом его отличали принципиальность и правдивость. И это тоже на протяжении всей жизни.

В Санкт-Петербурге Николай Александрович жил одно время в доме братьев Соймоновых, своих близких родственников. Это были широко образованные люди, принимавшие у себя элиту просвещённого общества Санкт-Петербурга. Старший из братьев, действительный тайный советник, сенатор Михаил Фёдорович, прези-

дент Берг-коллегии горного ведомства, явился учредителем Горного института и его первым директором. Большая вероятность, что именно он заинтересовал юношу Львова проблемой, которая занимала тогда многих специалистов: разработка каменного угля в России в связи с ростом промышленности. Деятельность младшего, Юрия Фёдоровича, развивалась в сфере архитектуры и гражданского строительства. Очевидно, что время, проведённое в этой семье и этом обществе, оказало глубокое воздействие на личность Н.А. Львова — его мировоззрение, кругозор, творческие планы. Именно по инициативе М.Ф. Соймонова состоялась первая поездка Николая Александровича за границу. И именно М.Ф. Соймонов познакомил его с графом (впоследствии — сиятельным князем) А.А. Безбородко.

В то время, даже талантливому человеку, чтобы быть замеченным и получить заказы, была необходима поддержка влиятельных лиц. А.А. Безбородко был именно таким. Он работал в Коллегии иностранных дел, отличался трудолюбием, уникальной памятью, несомненным дипломатическим талантом. Со временем сделал блестящую карьеру при Екатерине II, при Павле I стал канцлером. Именно Безбородко организовал встречу в Могилёве двух могущественных европейских правителей: Екатерины II и австрийского императора Франца-Иосифа. А когда императрица пожелала в память об этой встрече возвести храм в честь святого Иосифа в Могилёве, граф порекомендовал ей неизвестного архитектора, который в академии не учился, но одарён — Львова. Причём в России в это время, конечно, были значительные архитекторы, но проект Николаевича Александровича понравился и был воплощён.

Здесь следует отметить, что успеху молодого архитектора (ему ещё не было и 30 лет) предшествовали годы напряжённого труда, самообразования, опыт изучения европейского искусства в процессе заграничных поездок (Франция, Германия, Голландия, Испания, Италия). На основе увиденного и воспринятого, у него сформировалось своё представление о совершенном в искусстве, определился выбор имён творцов, чьи произведения давали образ такого совершенства. Например, в живописи — Рафаэль, Андреа дель Сарто, Тициан, Гвидо Рени и др. В архитектуре — А. Палладио, великий итальянский архитектор XVI века. В «Итальянском дневнике» Н.А. Львова отчётливо и, как всегда у него, образно, высказаны замечания по поводу увиденного в архитектуре, картинных галереях, музеях и т.д. Львов профессионально разбирался в живописи, сам был замечательным рисовальщиком и гравёром. И его суждения, при всей их остроте и меткости, обоснованы и аргументированы.

Что касается покровительства А.А. Безбородко, то он, будучи сам неординарной личностью, мог оценить

яркую одаренность Н.А. Львова, уважал его, советовался с ним. Когда графа направили руководить Почтовым департаментом, он пригласил с собой и Львова. Впоследствии Николай Александрович выстроил по своему проекту здание Почтамта в Санкт-Петербурге.

Можно сказать, что Львов обладал, помимо множества других, талантом общения, умением дружить, верностью в любви. Известна история его женитьбы на Марии Алексеевне Дьяковой, дочери обер-прокурора Сената. Они познакомились в доме у общих друзей — Бакуниных, когда принимали участие в музыкальном спектакле. Мария Алексеевна обладала хорошим голосом, как и Николай Александрович. Она была умна, образована, красива, добра и, несомненно, с сильным характером. Львов несколько раз сватался к М.А. Дьяковой, но получал отказ, будучи в глазах её родителей недостаточно состоятельным и авторитетным в обществе. Тогда влюблённые тайно обвенчались и три года жили каждый в своём доме. Николай Александрович уехал за границу. Она его ждала, отказывала женихам. Львов, вернувшись, стал известен в обществе своим творчеством, близостью ко двору. Согласие было получено. Семья получилась очень счастливая. Львовы воспитывали пятерых детей. Дружья Николая Александровича, В.В. Капнист и Г.Р. Державин, женились на родных сёстрах Марии Алексеевны. Дружеские и творческие связи укрепились ещё и родственными. А когда из жизни ушли супруги Львовы, их детей воспитывали в семье Г.Р. Державина. Обаяние личности Николая Александровича было основано и на уникальной многосторонности, проницательности его художественного вкуса, и на своеобразном чувстве юмора, человечности.

Архитектурный талант А.Н. Львова проявился к 1780 году. Не перестаёт изумлять разнообразие возводимых им построек. Характерно, что Львов часто был архитектором, инженером, садоводом-художником и организатором строительства в одном лице. Это давало возможность видеть замысел в целом и находить возможности для более качественного его воплощения. И здесь Николай Александрович среди первопроходцев. Дело в том, что в России, начиная с 70–80 годов XVIII века, высказывались различные взгляды, отражающие принципы нового направления в садовом искусстве. Одни из них утверждали самобытный характер русских садов и парков в противовес французским и английским. И наибольшее значение имели работы Н.А. Львова, а также А.Т. Болотова. Свои взгляды на садово-парковое искусство Львов изложил в Теоретической части проекта в связи с предполагавшимся строительством усадьбы в Москве, в неосуществленном проекте усадьбы светлейшего князя А.А. Безбородко. Они являются, по сути дела, программными. Проект был разработан в 1797–1799 годах. Важным и характерным для Львова является

такая особенность, что очень хорошо зная творчество европейских архитекторов, мастеров садово-паркового искусства, изучая и интерпретируя их опыт, он считал нужным учитывать российские реалии — климат, особенности традиционного уклада жизни.

Воплощение теоретических взглядов Н.А. Львова очевидно уже в первых работах. Так, одной из его первых работ была Александрова дача близ Павловска. В 1780-х годах он выполнил цикл работ по созданию архитектурно-ландшафтной композиции по мотивам сказки о царице Хлоре, которую написала Екатерина II для внука Александра. В этот ансамбль были включены: обширное искусственное озеро, «сказочные» сооружения, среди которых храмы, воплощающие аллегорическую символику (Розы без шипов на вершине холма, круглая колоннада храма Цереры, мост с «трофеями пещеры нимфы Эгерии» и другие). Более того, по рисункам Львова были созданы модели кораблей, плававшие по озеру. Особенности ландшафта были трактованы как место действия сказки. (2, 212–213)

В 1780–1790-е Н.А. Львовым были выполнены также весьма оригинальные парковые сооружения — Берёзовый домик в Гатчине, Приоратский дворец. Берёзовый домик, представлял собой павильон с роскошным интерьером, снаружи замаскированный под штабеля дров. Совсем иной характер имел Гатчинский дворец. Он расположен на берегу Чёрного озера. Его архитектура вызывает ассоциации с суровыми романтическими образами и по-своему выразительна и красива. При строительстве Н.А. Львов применил здесь особо прочные и огнестойкие землебитные конструкции, изобретённые им и опробованные в своём имении Никольское — Черенчицы. Во время Великой Отечественной войны снаряды рвались неподалёку от замка, но он остался невредим.

Важным условием для формирования такой личности, как Н.А. Львов, является, на наш взгляд, обстановка в стране, социально-экономические процессы. Век Просвещения с его верой в Разум воспитал любовь к знаниям, независимости мышления, стремление к преобразению мира в сторону его совершенствования, гармонизации. На правительственном уровне в России это выразилось, в частности, в размахе архитектурных преобразований. В правление Екатерины II перепланировались не только столичные города, но и были разработаны регулярные планы для всех административных центров России — около четырёхсот. Историки архитектуры говорят о том, что в правление Екатерины II произошёл новый взлёт «архитектурной утопии и её отражение в проектировании». В основе такой утопии, «как и у Петра I, была программа преобразования России в идеальное государство». (13, 236) Появлялись новые учебные заведения, например Смольный институт благородных

девиц — тогда он именовался «Императорское воспитательное общество для благородных девиц» (1764). Там, как и в Академии художеств, стремились воспитать людей с возвышенной душой, приблизиться к идеалу.

Если считать архитектуру лицом своей эпохи, то в России второй половины XVIII века очевидным становится выход из стилиевой системы барокко, характерного для эпохи Елизаветы, становление и развитие стиля классицизм. (13, 212). В этот период становятся ещё более актуальными идеи А. Палладио, развиваемые в XVIII веке в Италии, Франции, Англии, России и ряде других европейских стран. Это направление классицизма получит название «палладианство». Мы уже отмечали то созвучие своему творческому мироощущению, которое испытывал Н.А. Львов к работам и теории А. Палладио. Николай Александрович перевёл на русский язык «Четыре книги об архитектуре» — главный труд этого выдающегося мастера. До этих пор книга была доступна на иностранных языках, с какими-то вставками, комментариями и пр. Львов, купив в Венеции случайно книгу Палладио 1616 года издания, перевёл её и в течение восьми лет выполнил около 200 гравюр архитектурных сооружений, приведённых в этой книге.

Издать удалось только Первую книгу. Андреа Палладио в своей архитектурной теории и практике опирался и развивал идеи античности, конечно, с позиций эпохи Возрождения. Гармоничность облика зданий, выверенность пропорций, умеренная декоративность, возвышенность и, вместе с тем, поэтичность художественного образа, воплощённого в этих постройках, оказались удивительно созвучными эпохе Просвещения в русской культуре. Кроме того, на рубеже 1760-х — 1770-х годов в Россию пришло увлечение пейзажными парками. Известно, что сама императрица писала об этом своим многочисленным европейским корреспондентам. (13, 212). Если во французских регулярных парках господствовала воля человека, придававшая определённую форму всему — кронам деревьев и кустов, водных партеров и т.п., то английский пейзажный парк производил впечатление естественно бытующего природного пространства. Это перекликалось с идеями Ж.Ж. Руссо в педагогике и стилистикой сентиментализма, с его культом чувствительности, гармонии с природой. Н.А. Львов, почитая Палладио, изучал и творчество современников — французов, советовал учиться у них планировке домов и другим полезным изобретениям. И, по мнению историков архитектуры, Александр Николаевич, много строя в провинции, «как никто другой» способствовал тому, что дома, восходя в своей композиции к проектам вилл, приведённых во Второй книге Палладио, стали неотъемлемой частью русской культуры. (13, 225) Нам знаком облик дома, например, усадебного, представляющий собой компактный, приближающийся к кубу и со-

единённый со служебными постройками прямым или полукруглыми галереями. Характерной чертой «львовского» палладианства являлся торжественный портик, увенчанный треугольным фронтоном и поднятый на высокое основание, купол над центральным залом. Что важно, Львов сочетал внешний облик здания, восходящий к античному прообразу, с новейшими способами строительства, обеспечивая, живущим в нём, максимально возможный комфорт, включающий, в том числе, качественное отопление и вентиляцию. Благородство облика такого здания дало повод сказать Г.Р. Державину о своём доме, построенном по проекту Н.А. Львова в усадьбе Званки — «храмовидный».

После введения указа Екатерины II «О вольности дворянской», позволявшего дворянам не идти на государственную службу, а жить в своих поместьях, в течение полувека были построены десятки тысяч новых загородных дворянских «гнёзд». Построенные по проекту Н.А. Львова усадьбы в Новоторжском уезде — знаменитые Знаменское-Раёк, Василёво, Митино, Прямухино, своя в Никольском-Черенчицах, явились образцовыми для многих подражателей. В процессе работы над проектами во многих поместьях он обычно также планировал парки, службы, парковые павильоны, возводил храмы. Львов много и успешно строил. На сегодняшний день сохранилось около тридцати его работ. К сожалению, небольшой объём статьи не позволяет подробнее рассмотреть композицию этих и других архитектурных ансамблей, отметим, что Львов везде был оригинален. И это выражалось, в частности, в той изобретательности, с которой он воплощал свой важный принцип — органично соединять в единое целое утилитарное и художественное на основе учёта естественных особенностей конкретного места.

Например, в родовом поместье Николая Александровича каждое сооружение имело своё функциональное назначение и выразительное образное воплощение. Так, погреб выполнен в виде пирамиды, плотина — «каскада», купальня — грота, кузница с могучими сводами похожа на театральную декорацию и т.п. Очень важным является то, что в целом композиция усадьбы решается как хозяйственный комплекс с учётом экономической целесообразности. К сожалению, немного сохранилось до наших дней. Но даже то, что осталось, может явиться своеобразным памятником русской усадебной культуры конца XVIII века: боковой флигель дома, «пирамида», ротонда-усыпальница, кузница на Петровой горе, фундаменты хозяйственных построек и малых архитектурных форм, пруды, рощи, уцелевшие участки аллей, отдельные экземпляры «вековых» дубов, кедров, лиственниц. (2, 215).

Уникальна по-своему и, вместе с тем, узнаваема по стилю архитектура возведённых Н.А. Львовым храмов.

Когда размышляешь о какой-то бесконечной талантливости и глубине замыслов этого человека, хочется найти основу этому, некий стержень. Потому что, начиная какое-либо дело, Николай Александрович изучал о нём всё возможное, трудился, овладевая навыками в этом деле, со временем становился в нём экспертом и шёл дальше, нередко делая открытия и даже опережая своё время. Касается ли это живописи, гравюры, языков, архитектуры, искусства землебитной техники строительства, поиска месторождений угля в своей стране, устройства лечебниц на Кавказе, написания труда о пиростатике и ещё многое другое. Поэтому если детально изучить и описать все сферы его деятельности, то пришлось бы создать книгу, каждая глава которой излагалась бы специалистом в соответствующей сфере искусства или науки. И всё же, мы думаем, есть такой «стержень», который делает личность Н.А. Львова цельной, гармоничной и значительной. Это — уважительное отношение и любовь к истории и культуре своей страны. Ведь всё, чем он занимался, было направлено во благо России.

Так, он собрал около 200 русских народных песен, выпустил сборник с музыкальным сопровождением И. Прача — «Собрание народных русских песен с их голосами» (1790). Предисловием явилась статья Николая Александровича «О русском народном пении» (1790). Львов оценил сборник «как основу для развития русской композиторской школы» и «для самой философии». Его материалы широко использовали русские композиторы. Известно, что сам Н.А. Львов любил русские народные песни, в семье Николая Александровича их пели.

Н.А. Львов, как считают исследователи, одним из первых выдвинул идею о народности литературы. Известно, что литературное творчество самого Львова изучал А.С. Пушкин,

Интерес к отечественной истории привёл Н.А. Львова к важному открытию: ему удалось найти и опубликовать с комментариями две ценные древнерусские летописи. Одну из них называют «Львовской летописью». И, удивительно, что последним открытием Львова явился древний камень с надписью, повествующей о местоположении древнерусского Тмутараканского княжества.

Можно добросовестно перечислять все отрасли науки и искусства, которыми Николай Александрович Львов занимался и внёс значительный, порой даже выдающийся вклад. Составить опись. Но когда понимаешь, во имя чего он это делал, предстаёт образ настоящего энциклопедиста, человека своего времени и, можно сказать, даже будущего, и патриота своей страны — качества личности, не имеющие точной эпохи, универсальные, весьма актуальные и желаемые в наше время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т. В. Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже 18–19 веков / Т. В. Алексеева. — М.: Искусство, 1975.
2. Вергунов А. П., Горохов В. А. Вертоград: Садово-парковое искусство России (от истоков до начала XX века) / А. П. Вергунов, В. А. Горохов. — М.: Культура, 1996. — 431 с. — Сс. 208–217.
3. Глинка Н. И. Поклонники Палладио / М. Глинка // Строгий, стройный вид / М.: Детская литература, 1992. — С. 179–183.
4. Глумов А. Н. Н. А. Львов / Н. А. Глумов. Послесл. А. М. Харламовой; примеч. А. Б. Никитиной. — М.: Искусство, 1980. — 207 с.; 4 л. ил. (Серия «Жизнь в искусстве»).
5. Грачёва Е. Новоторжские храмы Н. А. Львова / Е. Грачёва. — Художник. — 2002. — № 1. — С. 45–47; ил.
6. Евсина Н. А. Архитектурная теория в России XVIII века / Н. А. Евсина. — М.: Издательство «Наука», 1975. — 262 с.: ил.
7. Ильина Т. В. Русский XVIII век: изобразительное искусство и музыка: Пособие для вузов. / Т. В. Ильина, М. Н. Щербакова. — М.: Дрофа, 2004. — 512 с.
8. Кареев А. «Сердце, отверстие на прелести природы»: Боровиковский, Львов и русский русизм / А. Кареев // Собрание: иллюстрированный журнал по искусству / Глав. ред. А. К. Якимович. — М.: РИЦ «Собрание». — 2005. — № 3. — Август. — С. 34–39.
9. Никитина А. Б. Итальянский дневник. 1781 год (Путевые замечания) / А. Б. Никитина // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. — М.: Наука, 1996. — 604 с.
10. Никулина Н. И. Николай Львов / Н. И. Никулина. — Л.: Лениздат, 1971. — 133 с.; ил.
11. Рапацкая Л. «Пристанище художникам всякого рода»: О кружке Н. А. Львова / Л. Рапацкая. — Советская музыка. — 1986. — № 2. — С. 94–100.
12. Соколов Б. Трудный Баженов и пленительный Львов / Б. Соколов. — // Собрание: иллюстрированный журнал по искусству / Глав. ред. А. К. Якимович. — М.: РИЦ «Собрание». — 2006. — № 1. — Март. — С. 16–25; ил.
13. Швидковский Д. О. Архитектура русского классицизма в эпоху Екатерины Великой. — М.: Архитектура-С, 2016. — 256 с.
14. Швидковский Д. О. Исторический путь русской архитектуры и его связи с мировым зодчеством. — М.: Архитектура-С, 2016. — 512 с., ил. — С. 282.

© Маныч Лариса Михайловна (l.manych@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

RELIGIOUS CONSCIOUSNESS AS AN OBJECT OF CULTURAL RESEARCH

M. Nevelev

Summary. Despite significant developments in the field of psychology of religion and religious consciousness, a number of fundamental and applied questions remain unanswered in modern science.

With the noted complexity of the social-philosophical, sociological, religious analysis of spiritual formations, the study gave the characteristics of the basic concepts of the psychology of religion.

Author's observation testifies to the preservation today of that characteristic for primitive structure of religious consciousness, in which the inner world of the "I" is turned outward.

Keywords: Religion, religious consciousness, psychological modeling, paradigm, positivistic tendencies, institutional religion, human personality, mental structure, "I", the idea of a cycle.

Невелёв Михаил Юрьевич

*Аспирант, Московский государственный институт культуры; адвокат, Адвокатская Палата Московской области; Международная академия маркетинга и менеджмента
mnevelev@gmail.com*

Аннотация. Несмотря на значительные наработки в области психологии религии и религиозного сознания, в современной науке остается без ответа ряд фундаментальных и прикладных вопросов.

При отмеченной сложности социально-философского, социологического, религиоведческого анализа духовных образований в исследовании даны характеристики базовых концептов психологии религии.

Авторское наблюдение свидетельствует о сохранности сегодня той характерной для первобытности структуры религиозного сознания, в которой внутренний мир «Я» обращен вовне.

Ключевые слова: Религия, религиозное сознание, психология религии, психологическое моделирование, психологическая защита, психологическая проекция, формирование личности, развитие самосознания, «Я», цикл в эмоционально-волевой сфере.

Проблема «религии» и «религиозного сознания» в контексте психологии рассматривалась до сих пор в работах исследователей в двух аспектах: субъективном либо институциональном. С определенной долей условности основные работы по этой проблеме можно представить в виде «субъективной» и «объективной» парадигм. К «субъективной» парадигме (в которой «сознание» отождествляется с индивидуальным сознанием) можно отнести взгляды И. Канта, О. Конта, К. Маркса, М. Вебера, Р. Белла, Г. Зиммеля, З. Фрейда (и таких «неофрейдистов», как Э. Фромм и В. Франкл), Ч. Глока, Дж. Фишера, П. Бергера, И. Ваха.

К сторонникам парадигмы «объективной» относятся Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо, Г.В.Ф. Гегель, Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Э. Трельч, М. Элиаде, Г. Спенсер, В. Малиновский, Дж. Тьорнер и другие.

Из существующих «онтологических» и «непсихических» концепций сознания в советской и постсоветской философской мысли особую значимость имеет концепция М. Мамардашвили, в которой последовательно отражена данная методологическая установка.

Проблема социального функционирования религии рассмотрена в трудах российских исследователей

А. Ваторопина, Т. Кудряшова, З. Жукоцкой, П. Гуревича, М. Мчедлова, Е. Режабека и других.

Психология религии впервые возникла как самостоятельная дисциплина в конце XIX века, но указанные три подхода, охваченные данной дисциплиной в качестве методологических составляющих, имеют собственную историю, уходящую в прошлое. Большое значение имеет прояснение терминов, прежде всего, слова «религия». Историки религии давно подчеркивали проблемный характер этого термина, отмечая, что «его использование на протяжении веков существенно изменилось, как правило, в направлении реификации» [5, с. 103]. Религиозные психологи первой волны полностью осознавали эти трудности, как правило, признавая, что «определения, которые они выбирали для использования, были в некоторой степени произвольными» [7, с. 1070].

Факторный анализ был также введен в действие как психологами, так и социологами религии, чтобы установить фиксированное ядро измерений и соответствующий набор шкал [8, с. 127]. Обоснованность и адекватность этих усилий, особенно в свете конструктивистских и других постмодернистских взглядов, остается предметом дискуссий.

В последние несколько десятилетий, особенно среди клинических психологов, появилось предпочтение терминов «духовность» и «духовный» наряду с попытками отличить их от «религии» и «религиозного» [20, с. 55]. Особенно это актуально для Соединенных Штатов, где «религия» для многих стала ассоциироваться с сектантскими институтами, что обуславливает произвольный перенос негативных оценок с последнего на первое и вызывает потребность в формировании нейтральной терминологии.

В этом плане «духовность» «положительно конструируется как глубоко индивидуальная и ... универсальная способность ... согласовывать свою жизнь с более высокими реальностями» [11, с. 217–218]. Фактически, «духовность» также претерпела эволюцию на Западе, со времени, когда она была синонимом религии в ее первоначальном, субъективном значении.

В настоящее время предпринимаются усилия для «практического осваивания» этих терминов на основе реалистического предположения о том, что в основе их «лежат фиксированные качества, которые можно определить с помощью эмпирических процедур» [17, с. 130].

Американский психолог и философ Уильям Джеймс считается большинством религиозных психологов основателем этой области исследований. В психологии религии влияние взглядов У. Джеймса сохраняется. Этот ученый различал институциональную религию и личную религию. «Институциональная религия относится к религиозной группе или организации и играет важную роль в культуре общества. Личная религия, в которой человек обладает мистическим опытом, может быть испытана независимо от культуры» [6, с. 33–34]. У. Джеймса больше всего интересовало понимание личного религиозного опыта.

Современное религиоведение представлено значительным количеством различных теорий, касающихся вопроса о происхождении религии и о природе религиозного чувства. Благодаря работам У. Джеймса сегодня уже не принято говорить о религиозном чувстве как самостоятельной единице в ряду других чувств и об особом органе религиозного восприятия. Тем не менее, вопрос о том, что такое религиозное чувство, остается открытым.

В основу предлагаемого подхода к изучению религии и религиозного сознания положена гипотеза о том, что религия возникает в ходе развития самосознания одновременно с формированием человеческой личности и становлением психической структуры, называемой «Я». Предполагается, что данный подход, не новый сам по себе (Э. Эриксон, Дж. Фаулер и др.), способен стать почвой для примирения различных научных гипотез.

В первую очередь, это касается теории анимизма (Э. Тайлор) и восходящей еще к древним грекам (Демокрит, Эпикур) и подхваченной в новое время марксистами гипотезы о страхе как источнике формирования религии.

Согласно широко распространенному мнению, в основе религии лежит страх. Страх — отрицательная эмоция, субъект не способен переживать эту эмоцию сколько-нибудь продолжительное время, стремление избавиться от него включает механизм психологической защиты, например, — замещение. На какое-то время сознание избавляется от воздействия отрицательной эмоции [18, с. 78].

Таким образом, «если в основе религиозности лежит сильная отрицательная эмоция, то религиозное сознание проявляет себя в колебательном процессе, в продолжение которого интенсивность переживания эмоции остается величиной непостоянной и изменяется циклическим образом» [9, с. 21]. Этот подход к изучению религии имеет тот недостаток, что представления о душах и богах остаются за рамками рассмотрения.

Альтернативная точка зрения представлена теорией анимизма. «Давно замечено, что такой психологический механизм как проекция лежит в основе персонификации человеком сил природы» [10, с. 82]. Для того чтобы наблюдатель приписал свои мысли, эмоции или волеизъявления самому себе, его внутренний мир не должен быть пуст, представление о себе уже должно существовать. Можно предположить, что первоначально проецирование осуществляется по той причине, что в индивидуальном «Я» попросту отсутствует какое бы то ни было позитивное содержание.

Проявления психической активности индивида просто «падают» на объекты внешнего мира в процессе их восприятия, не встречая препятствий. «При этом внешний мир необходимо оказывается подверженным «анимации», тогда как индивид — ее подлинный источник — неизбежно ее лишается» [2, с. 754].

Здесь из поля мысленного зрения наблюдателя необходимо выпадают те составляющие, которые в современном понимании неразрывно связаны с деятельностью индивидуального сознания и которые в логике именуется логическими операторами: «я думаю, что...», «я чувствую, что...», «я изъясняю волю к тому, чтобы...». Это «мертвая зона» мысленного зрения на указанной стадии. Как видим, на некой начальной стадии формирования сознания эмоции, мысли и волеизъявления индивида, обнаруживают самостоятельное существование вне его.

Если добавить к этому то, что «Я», как бы ни определять эту структуру, существует всегда только там, где

протекают психические процессы, то мы легко подойдем к пониманию феномена «Я», не имеющего внутреннего мира. Если проявления психической активности обнаруживаются за пределами наблюдателя, то и «Я» пребывает за его пределами. Внешнее пространство является только доступной для «Я» на данной стадии конфигурация внутреннего.

Описанные проявления психической активности, в дальнейшем дополняются до цельного личностного образа. Подобные образы неизбежно приобретают особый статус по отношению к действительности, их природа совершенно необходимо и естественно смещается в сторону сверхнеобходимого и сверхъестественного. Не являясь ни реальными людьми, ни животными, эти существа утверждают свое существование в качестве духов или богов.

Следовательно, жизненное пространство заселяется фантомами, бытие которых разворачивается в сверхсильной модальности чудесного и несет в себе отпечаток психической деятельности самого наблюдателя. Это есть оставшееся без догляда, и, в конечном счете, сбывшее от себя и давно сменившее имя само «Я».

Несмотря на то, что проекция осуществляется в индивидуальном порядке и совершенно произвольно, возникшие образы начинают взаимодействовать между собой в процессе коммуникации с аналогичными продуктами иных индивидуальных проекций в поле знакового описания. В результате этого «происходит их выравнивание и фиксация в мифе, который обеспечивает их идентичность как следствие единообразия их описания» [4, с. 42].

По этой причине этот еще не осознаваемый в качестве внутреннего мир индивида оказывается совпадающим с «внутренним» миром других членов социума. «Индивидуальность как особенность конкретного «Я» на этом этапе еще не обнаруживается» [14]. Социум представляет собой это множество абсолютно идентичных по своему содержанию, т.е. лишенных индивидуальности и ясно осознаваемого внутреннего мира «Я», это — «Я»-коллективное, которому еще ничего не известно о личной смерти.

Поскольку психика с ее эмоциями, мышлением, тайными мыслями и желаниями оказывается при этом как бы вывернутой наружу, то неизбежным следствием такого положения дел является уязвимость этого образования. Самовольное вторжение в эту сферу, нарушение установившихся связей может повлечь возникновение некоторого подобия психической травмы, которая сегодня в правовом поле квалифицируется как оскорбление религиозных чувств. Правовая защита существу-

ющих в указанной сфере отношений от их разрушения свидетельствует о сохранности сегодня той характерной для ранних стадий развития религиозности структуры «Я», в которой внутренний мир всегда обращен вовне.

Каждый из упомянутых фантомов неизбежно вызывает у наблюдателя смутное ощущение *déjà vu*, тайного знакомства. Это что-то очень знакомое, но окончательно никогда все же не узнаваемое. «Я» решительно не может опознать себя, потому что в этом случае оно оказывается в состоянии тотального одиночества и слишком очевидной беспомощности. Но то же самое происходит, если «Я» отказывается от всяких попыток вспомнить. Поэтому отношения с божеством отличаются крайней динамичностью и повторяемостью.

Как видно, мы вновь приходим к идее цикла [16, с. 108].

Здесь необходимо сказать несколько слов относительно метода исследования. Механизм возникновения мифических образов, описанный выше, функционирует под действием потребности в познании мира. По сути, в этом случае представлен когнитивный подход к проблеме возникновения религии, развиваемый в рамках эволюционной теории. Однако это объяснение, несмотря на его безусловную значимость, вероятно, не может быть признано определяющим.

«Как помышлять Анаксимену о делах небесных, когда приходится страшиться гибели или рабства?» [1]. Мотив познания мира действует всякий раз, пока он не смещается на периферию сознания под действием более сильной потребности. Беглый взгляд на историю человеческого общества позволяет понять, что эта более сильная потребность, а именно: потребность выжить и обеспечить для жизни свое потомство представляла собой тот доминирующий фактор, который действовал на протяжении большей части доступного нам для обозрения исторического времени и всего периода так называемого «доисторического» развития. Действие указанного фактора в жизни отдельного человека связано с постоянным преодолением стрессовых состояний, которые развиваются под действием различных препятствий для выживания и обеспечения потомства. Главная составляющая бытия здесь не цепочки умозаключений, не посылки и выводы, а богатый спектр эмоциональных состояний.

Таким образом, анимизм и гипотеза страха представляют собой выражения разных методологических подходов к проблеме. Обоснованность должного соотношения этих подходов и, соответственно, аподиктически выверенное взаимодействие в реальности двух действующих факторов представляет собой тему для отдельного исследования.

Как бы то ни было, идея цикла есть точка соприкосновения двух разных методов исследования. На этом этапе впервые отчетливо обнаруживает себя амбивалентность отношения наблюдателя к едва обнаружившейся сфере сверхприродного. Наблюдатель постоянно помнит об этой сфере и ее обитателях, но при этом не может сосредотачиваться на этом длительное время. В этой амбивалентности рождается сила, подвигающая людей к строительству храмов, т.е. объектов, назначение которых сводится к тому, чтобы быть меткой для памяти о том, о чем нельзя забывать, но что невозможно постоянно держать в памяти.

Амбивалентность переживания (термин, введенный Е. Блейлером и подхваченный психоаналитиками) — в данном контексте находит уточняющее определение: «это разные направления протекания психических процессов в разных фазах при циклической смене состояний» [3, с. 52].

Понятно, что особенно выражено эмоциональная составляющая обнаруживает себя в критические моменты, когда разрушается священный объект либо, когда этнос оказывается под властью другого этноса.

В обоих случаях коллективное «Я» в продолжение какого-то периода оказывается в угнетенном, подавленном состоянии, и это продолжается до тех пор, пока «Я» не останавливает выбор на новых объектах (системе объектов) для тайной идентификации, а точнее — для тайного определения своего местонахождения (это определение состоит в процедуре признания в качестве своей одной из двух или более систем (как всегда самое важное — в скобках)) и пока вопрос: «Я здесь, или Я там?» не находит окончательный ответ.

Конечно, новая система, по существу, ничем не отличается от старой, здесь просто другой миф, другие персонажи, другие имена и, пожалуй, другая эстетика. Основное ее качество — быть домом для «Я» — остается неизменным. Сила, с которой «Я» оказывается вовлеченным в процесс колебаний, обратно пропорциональна количеству богов в пантеоне. Предельная вовлеченность возникает при сокращении численности пантеона до единицы. При этом перед внутренним взором субъекта возникает тайный двойник «Я» — единый Бог монотеизма.

Кризисное состояние для этого варианта — это случай смерти Бога. «Я» приближается к пониманию смерти через ощущения своего тайного двойника [12, с. 988]. Приближаясь к этой точке, исследователь начинает понимать, что если в основании религии лежит страх, то это не тот страх, который возникает от бессилия перед силами природы, как это можно часто слышать. Это

скорее страх перед раздвоением или перед встречей с самим собой. Теория анимизма в этом месте корректирует гипотезу страха.

Все, что происходит до этого момента, относится к сфере так называемой естественной религии, т.е. к области религиозных отношений, в которой восприятие объектов религиозного опыта не встречает затруднений со стороны индивидуального сознания.

По мере возникновения подобного рода затруднений и по мере расхождения интересов «Я»-коллективного с собственными интересами его носителя в какой-то момент неотвратимо происходит нечто новое — индивид обретает собственное «Я». В новой стадии становления «Я» индивида отделяется от его прежней формы, которая оказывается опосредованной теперь ликами богов.

В этом отделении обнаруживается одно правило, которое неизменно действует в сфере субъективного, — «Я» не может быть многим, «Я» всегда одно. Поэтому возникновение «Я»-единичного означает для данного субъекта гибель «Я»-коллективного. Здесь осуществляется отражение, т.е. происходит процесс, обратный проекции, «Я» возвращает себе то, что в проекции было отдано миру: различные проявления психической активности — страх, радость, любовь, а также сопутствующие им побуждения волевой сферы и когнитивные структуры (суждения и умозаключения) вновь соединяются в одном и узнаются теперь как собственные интенции.

«Я»-единичное впервые обнаруживает себя уже в упомянутой кризисной ситуации, в акте выбора своего места, своего мира, вообще всего, что может быть названо своим, оно возникает из притяжательного местоимения как конечное, неизбежное, совершенно еще неизвестное, но абсолютно достоверное звено. («Я признал тебя в пустыне в земле жаждущей» (Ос. 13, 5)) [14].

В огромном мире «Я»-коллективного обнаруживается малое ядро, которое вдруг перевешивает весь этот мир. Одновременно как результат такого вторичного отражения формируется и представление о личной душе наблюдателя.

Таким образом, появление «Я»-единичного немедленно влечет смерть Бога. Верно и обратное: смерть Бога способствует немедленному проявлению «Я». Смерть Бога (т.е. констатация этого факта в сознании) «может последовать не только в результате разрушения храма или государства, но и в результате «пробного сканирования» рассудком основополагающих связей на предмет их еще не действительного, но только возможного образования» [12, с. 990].

Неотвратимость, с которой возникает при этом «Я»-единичное даже в этом мысленном эксперименте, и достоверность, с которой это осуществляется при сведении ситуации к предельному случаю для каждого наблюдателя, занятого мысленным экспериментированием, даже не втянутого в те религиозные отношения или даже вовсе свободного от религиозных отношений, — эти неотвратимость и достоверность подтверждают правильность сделанного предположения о том, что всякий пантеон богов в политеистическом укладе социума есть ни что иное, как дальняя метаморфоза самого «Я».

Это новое «Я» не приспособлено к самостоятельному существованию, и эта неприспособленность оборачивается в первой попытке самоотречением «Я»-единичного от самого себя и возвращением его в лоно «Я»-коллективного. Высокий уровень опасности, которую ощущает «Я», оставаясь в одиночестве, с одной стороны, и высокая степень неудовлетворенности относительно реалий «Я»-коллективного, с другой стороны, — две силы, которые задают и длительное время поддерживают циклический процесс на этой стадии.

Аналогично с тем, как это происходит в случае разрушения храма, здесь «Я» колеблется перед выбором между двумя формами, между двумя культовыми системами, между двумя Богами, одним из которых теперь становится само «Я» (в христианстве подобного рода намеки в высшей степени прозрачны). Участие подлинного, индивидуального «Я» придает указанному процессу самоидентификации характер захватывающей и опасной игры.

Религия уровня религий Писания и соответствующая религиозность изначально проявляются и сохраняются там, где «Я», уже осознавшее свободу и альтернативу, избирает для своего пребывания сторону коллективного, то есть остается на той стороне, в отделении от которой оно себя впервые осознает предельно ясно. Отсюда, из этого укрытия сознание делает периодические вылазки в мир подлинного «Я», которые неизменно заканчиваются возвращением.

Высокий уровень опасности «одиночного плавания» и тяжесть еще только прогнозируемого потрясения *включают особый механизм психологической защиты*, в котором полному вытеснению из сознания подвергается не травмирующий фактор, а само «Я» (как бы признаваемое неизлечимо больным), что в порядке замещения обуславливает появление эквивалента в виде другого «Я». Когда указанный уровень снижается до значения, при котором бегство «Я» от себя не является необходимым, цикл прекращается, и религиозные черты навсегда оставляют сознание.

Таким образом, при исключительной устойчивости и интенсивности травмирующего фактора его природа

в какой-то момент обнаруживает столь ясные следы его происхождения от вновь обретенного «Я»-единичного, что устранение его разрушающего воздействия представляется возможным лишь путем радикальной замены самого «Я», т.е. путем «резекции» этого «Я» и неизбежно следующего за этим принятия к своему ведению оставшегося «без присмотра» личностного поля другим «Я».

Внимательное изучение разных стадий указанного цикла показывает, что какое-то короткое время «Я» осознает (видит) себя предельно ясно. Это видение связано, вероятно, со значительными эмоциональными затратами, потому что, как оказывается, трудно быть собой, и к этому следует привыкать постепенно, как привыкают в процессе обучения. И после каждого урока обучающийся нуждается в восстановлении сил для нового испытания. На глазах у наблюдателя «Я» обучается самому себе, практикуется в умении оставаться в мире самим собой.

Подводя итоги, можно констатировать, что религиозное сознание, как в ранней форме, так и на современной стадии характеризуется циклическим процессом. Один цикл такого раскачивания следует рассматривать как минимальный шаг психической активности, это минимальная длительность, в продолжение которой субъект осуществляет то, что называется жизнью, он успеваешь много пожить, продвигает жизнь на один шаг, совершает один поступок. При этом «Я» обнаруживает себя во всем многообразии видов психических процессов и психических состояний.

Так, в начале фазы идентификации текущего «Я» с «Я»-единичным (условно: «Я есть») сосредоточенность внимания имеет наивысшее значение, эмоциональное состояние характеризуется насыщенностью, волевое начало максимально продуктивно, текущее состояние — неустойчиво, событие в информационном поле — возможно.

Это состояние бодрствования, в этом состоянии совершаются значимые поступки и, условно говоря, пишется История. В фазе идентификации с «Я»-коллективным («Бог есть») внимание снижено, эмоциональный фон ослаблен, волевое начало подавлено, текущее состояние устойчиво, событие — маловероятно, деятельность осуществляется посредством уже отлаженных стереотипов, например, религиозных церемоний.

Это время совершения привычных, выверенных, машинальных действий, направленных на поддержание статус-кво для торжественного объявления конца Истории. Указанные изменения осуществляются в течение одного цикла. Ряд таких шагов образует на поверхности последовательность поступков, которые в совокупно-

сти представляют собой то, что называется поведением субъекта.

Неизменно повторяющийся процесс возвращения индивидуального сознания, его маскирования в «тени» коллективного и нового отпадения образует глубинную основу всей области религиозных отношений. Повторяемость и предсказуемость описанного процесса обеспечивают возможность построения модели религиозного сознания.

Моделирование состоит в выявлении минимального количества элементарных факторов, которые участвуют в формировании цикла, влияют на его частоту, длительность и соотношение фаз, и в последующем построении

схемы их возможного взаимодействия через посредство логических элементов [13, с. 122].

Описанный циклический, доступный для моделирования процесс дает представление о механизме образования и функционирования эмоциональных состояний, которые сопровождают мысли человека, сосредоточенного на объектах религиозного опыта. Модель позволяет детально рассмотреть образование различных форм религиозности, увидеть возможную динамику религиозного сознания и условия выхода из религиозного круга, исследовать отдельные участки работы сознания, невидимые при иных условиях, способствует переходу на новый уровень понимания всей сферы религиозного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анаксимен [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001032/st016.shtml> (дата обращения — 14 апреля 2019 года)
2. Анимизм / О. Б. Христофорова // А — Анкетирование. — М.: Большая российская энциклопедия, 2005. — С. 754.
3. Блейлер Э. Аффективность, внушение, паранойя / Э. Блейлер. — М.: ВИНТИ. — 208 с.
4. Боброва С. П. Системные аспекты исследования мифологического сознания: логика структуры / С. П. Боброва // Личность. Культура. Общество. — 2003. — Т. 5. — Вып. 3–4 (17–18). — С. 42.
5. Буайе П. Объясняя религию: Природа религиозного мышления = Pascal Boyer: «Et l'Homme Crea Les Dieux: Comment expliquer la religion» / П. Буайе. — М.: Альпина Нон-фикшн, 2016. — 496 с. — С. 103.
6. Джеймс У. Психология веры / У. Джеймс // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: Сб. переводов. / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В. Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко. — М., 2010. — Сер.: Теория и история социологии — С. 29–69.
7. Забияко А. П. Религия // Энциклопедия религий / Под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. — М.: Академический проект, Гаудеамус, 2008. — С. 1069–1073. — 1520 с.
8. Карпов А. В. Психология сознания: Метасистемный подход / А. В. Карпов. — М.: РАО, 2011. — 1088 с.
9. Киселев Г. С. Современный мир и «новое» религиозное сознание / Г. С. Киселев // Вопр. философии. — 2000. — № 6. — С. 18–33.
10. Красников А. Н. Анимизм / А. Н. Красников // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Стёпин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. — 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010.
11. Леонтьев Д. А. Духовность / Д. А. Леонтьев // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Составление и общая редакция. И. Т. Касавин. — Москва: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. — С. 217–218. — 1248 с.
12. Можейко М. А. Смерть Бога / М. А. Можейко // История философии. Энциклопедия. Мн., 2002. — С. 987–988. — 1376 с.
13. Невелёв М. Ю. Бремя сознания. Я-представление в содержании религиозного опыта. Культурологическое исследование. М.: ЛКИ, 2008. — 168 с. — С. 122.
14. Осия 13 глава. Книга пророка Осии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bible.by/parallel/syn/lopuhin-bible/28/13/> (дата обращения — 12 апреля 2019 года)
15. Слободчиков В. И. Индивидуальность как способ духовного бытия человека / В. И. Слободчиков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.portal-slovo.ru/pedagogy/38074.php?ELEMENT_ID=38074&PAGEN_1=2 (дата обращения — 14 апреля 2019 года)
16. Сорокин П. Кризис нашего времени / П. Сорокин. — М.: ИСПИ РАН. — 2009. — С. 108.
17. Степанова Е. А. Новая духовность и старые религии / Е. А. Степанова // Научно-теоретический журнал «Религиоведение». — 2011. — № 1. — С. 127–134.
18. Чумаков М. В. Эмоциональные аспекты волевого усилия / М. В. Чумаков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2009. — № 5 (138). — С. 77–86.
19. Schnitker S. A., & Emmons R. A. (2007). Patience as a virtue: Religious and psychological perspectives. *Research in the Social Scientific Study of Religion*, 18, P. 177–207.
20. Pivovarov D. V. On Universal Definition of Religion // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. — 2015. — Т. 8, № 1. — P. 52–63.

© Невелёв Михаил Юрьевич (mnevelev@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕАТР, ПЕРФОРМАНС И НОВЫЕ МЕДИА

THEATER, PERFORMANCE
AND NEW MEDIA

Zheng Ying

Summary. Large-scale and rapid social transformations associated with both local characteristics and the global context cause people to desire and search for certainty in a changing world. The process of urbanization is rather specifically perceived by residents of cities, especially they are concerned about the violation of traditions in the cultural sphere. In our study, we explored the possibilities of unconventional perception of the urbanization of theatrical performance. Objectives of the study: to reveal the features of semiotic analysis, which makes it possible to correlate a performative media text with the broad context of media culture where it works; reveal the mechanisms of the urban component of sociocultural reality, it is possible to understand the role of media culture as a source for the formation of ideas, tastes, values of a person; substantiation of the main aspects of the formation of the cultural space of the metropolis, its principles and the content of modern theatrical art, in which various forms of art-urbanism are consolidated. For the implementation of the tasks we conducted a survey using a semiotic platform. The study involved 700 people. The work was carried out in the period from January to March 2019. The results indicate a problematic perception of the urbanization of theatrical space, lack of readiness to perceive new forms of theatrical performances. The data proves that there is a problem with the use of new media due to the lack of understanding of the technology of the urban process.

Keywords: theater, mass media, urban studios, performance, urbanization, city lifestyle.

Чжэн Ин

*Аспирант, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова*

Аннотация. Масштабные и стремительные общественные преобразования, связанные как с местными особенностями, так и с мировым контекстом, вызывают у людей желание и поиски определенности в меняющемся мире. Процесс урбанизации достаточно специфически воспринимается жителями городов, особенно их волнует нарушение традиций в культурной сфере. В своем исследовании мы изучили возможности нетрадиционного восприятия урбанизации театрального перформанса. Цели исследования: раскрыть особенности семиотического анализа, что позволяет соотнести перформативный медиа-текст с широким контекстом медиакультуры, где он работает; раскрыть механизмы урбанистического компонента социокультурной действительности, возможным понимание роли медиакультуры как источника формирования представлений, вкусов, ценностей человека; обоснование основных аспектов формирования культурного пространства мегаполиса, его принципов и содержания современного театрального искусства, в котором закрепляются различные формы арт-урбанизма. Для реализации поставленных задач нами было проведено анкетирование с использованием семиотической платформы. В исследовании приняло участие 700 человек. Работа проводилась в период с января по март 2019 года. Полученные результаты свидетельствуют о проблемном восприятии урбанизации театрального пространства, отсутствия готовности воспринимать новые формы театральных перформансов. Данные доказывают, что существует проблема с использованием новых медиа в связи с отсутствием понимания технологии урбанистического процесса.

Ключевые слова: театр, масс-медиа, урбанизация, перформанс, культурное пространство мегаполиса.

Вступление

Как художественная практика, перформанс проявляется в фундаментальном и прикладном, линейном и нелинейном междисциплинарном взаимодействии со смежными и удаленными областями, оставляя их без изменений, включенными полностью или модифицированными. Благодаря своим возникновением в процессе общей эволюции современной науки и искусства, перформанс, вместе с искусством новых медиа, кардинально меняется начиная с XX века. Спрос на перформанс имеющийся сейчас в широком кругу современных культурологических, социологических, политологических, философских, искусствоведческих исследований и является полемическим понятием, которое одновременно требует обоснования и избегает его благодаря своей природе. [7, 17, 20]

Об «обществе спектакля» в современном пространстве происходит явление инверсии между настоящей жизнью и спектаклем. Сфера влияния перформанса распространяется на его главных героев — зрителей / участников с моделированием их поведения в реальной жизни. Перформанс трансформирует любые процессы в предмет глобальной демонстрации, уделяя действию больше внимания, чем его результату. Современный человек вынужден существовать в режиме всеобщего зрелища, «чувствовать и переживать событие становится важнее, чем просто быть в курсе событий» [3, 15].

Различные технические возможности позволяют искусству перформанса распространяться на медиа сферу, вовлекая в действие «технические» искусства для синтеза: видео-арт (работа с видео и телевизионными имиджами) теле-коммуникацион-арт (как художественное простран-

ство используется виртуальная реальность) видео-инсталляции (конструкции из телевизионных или видео устройств); нет-арт (постоянно меняющееся сетевое искусство в Интернет, трансформируется пользователями). При этом образуются производные от перформанса формы творчества: медиаперформанс (использование всего спектра телекоммуникационных систем для взаимодействия участников на расстоянии), видеоперформанс (документация художественных акций), флешмоб (создание коллективного сценария непосредственно в соцсети). [1, 4]

Связанные с медиа перформансы имеют такие же характерные для живого искусства составляющие, среди которых: преодоление культурных границ с целью «равноправного диалога», поиск новых возможностей коммуникации; расширение художественных возможностей вследствие введения новых технических средств; расширение возможностей восприятия искусства с помощью виртуального пространства; устранения географических границ ради искусства; попытка создать некоммерческую форму искусства; коллективное творчество. [2, 12, 13]

История синкретического перформанс-арта, использующий новейшие медиа и видеопроекции, начинается примерно сто лет назад, с видеопроекциями на прозрачную одежду, а также первой интеграции видео в спектакль во время Берлинского ревю 1911 года. Был создан уникальный танцевальный мультимедийный перформанс в парижском Comediedes Champs-Élysées. В этом сложном хореографическом «исследовании» любви и войны, выполненном на музыку Сати и Дебюсси, поэмы, световые эффекты и математические выражения проектировались на стены и несколько полотняных экранов. В 1920-х видеопроекция уже используется во многих кабаре, а исполнители продолжали экспериментировать с иллюзорными эффектами. Используя динамические элементы — подвижные панели и диафрагмы размером 2,5 м, открывается и закрывается, чтобы ослеплять публику светом, колер верил в мизансцену, которая предусматривала, что от начала и до конца вся постановка имеет быть расположена в движении, создавать напряжение. Монументальные декорации были впечатляющей и тщательно продуманной смесью графического дизайна, кубизма, конструктивизма и абстрактных геометрических работ. Они состояли из неоновых огней, круглого видеоэкрана и прямоугольного монитора кабельного телевидения. Система зеркал за сценой отражала и проектировала живые изображения людей. Круглый киноэкран использовался для проектирования предварительно записанного видеоряда. [11, 20]

Среди относительно современных перформансов и инсталляций, подражающие идеи, стоит отметить пер-

форманс группы Blast Theory (Desert Rain) 1999, в котором проекция пустынной равнины направлена на точную воду, похожую на стену дождя. [6]

В 1950-х развилась тенденция привлечения новых технологий для театра, в частности, 1958 Йозеф Свобода (Joseph Svoboda) и Альфред Радока (Alfred Radok) основали мультимедийный театр Laterna Magika в Чехословакии. [14] Вдохновленные Эмилем Бурианом (Emil Burian), который использовал слайды и видеопроекции для своих работ в «световом театре», группа создала видеопроекции на нескольких экранах и спецэффекты для создания иллюзий и усиление зрелищности. Они разработали сложные полиэкранные системы, объединив их с подвижными конвейерными лентами, эффектами рассеяния и направленного света, чтобы достичь синтеза проектированных изображений с синхронной игрой актеров. [8, 15]

Для свободы объединения видео и театра представляло уникальную междисциплинарную форму искусства, которая расширит драматургические возможности и создаст новые значения и арт-измерения. Равенство и баланс эстетических и драматичный политических функций обеих форм были основой его концепции: «Игра актеров не может существовать без видео и наоборот. Они становятся единым целым. Один не является фоном для другого; вместо этого вы получаете одновременность, синтез, слияние актеров и проекции. Видео имеет драматическое назначения» [3, 18].

Уделяя особое внимание синхронизации между сценическим действием и видеоизображением, Laterna Magika сильно повлияла на демонстрацию потенциала визуального синтеза живой игры и видеозаписи, а также их нарративных возможностей. Театр занял уникальное место в истории урбанистического синкретического искусства, осуществляя некоторые из самых сложных и новаторских экспериментов, нацеленных на визуальный синтез видео и живых исполнителей; создавая ощущение жизни, исходит из возможности видеть реальность под разными углами, на разных временных интервалах, сочетая образы, которые не могут быть помещены в ограниченном реальном мире.

В то время, как Laterna Magika развивала техники для усиления драматических рассказов, более абстрактные проекционные эксперименты и гепенинги начали появляться в США и других странах. Театр Милтона Коэна (Milton Cohen). [2] Space Theatre совместно с ONCE Group появился 1958, и они создали арт-пространство в духе нео-баухаус, где обращаются зеркала и призмы, совершали несколько проекций на треугольные экраны и куполоподобный потолок над зрителями, которые сидели или лежали на диванных подушках. Подобные

арт-объекты появлялись и позже, в 1970-х, как проект Алана Финнерана (Alan Finneran) «Theatre Machine», где использовались кинетические скульптуры и видеопроекции, вращающиеся вокруг своей оси. [9]

Было предложено третью категорию — диалогическое медиа-произведение, где существует равный баланс между записанными и живыми элементами, где видео влияет на перформанс через обмен между различными формами медиа. Этот акцент на влияние медиа с помощью диалогового обмена с «живым» действием на сцене существенно проявил себя в 1970-х и 1980-х в синкретическом перформанс-арте. [7, 23]

Современные процессы урбанизации размывают традиционное понимание города как социо-пространственного процесса (согласно которому городом считается сообщество горожан, которая живет в каком-то постоянном поселении на каком постоянном месте) или населенного пункта определенного размера с определенным количеством населения. Анализ численности населения украинских городов показывает, насколько разными являются физические признаки города. Город считается городом, если большинство его населения считает, что оно живет в городе, а не в деревне. Ключевым признаком городского образа жизни, отличает его от жизни на селе, является хорошее качество жизни [2, 23]. В Средние века само понятие «горожанин» совпадало с понятием «свободный», что свидетельствует немецкая пословица «Городской воздух делает свободным» (Stadtluft macht frei). В то время как крестьян в христианском мире называли «вилланов» (что имеет негативные коннотации «гнусные, злые, уродливые»). Связывают процесс формирования европейской модели с рядом достижений. Одним из основных считают бурное развитие городов в период Средневековья, а именно в XIII в. [24]

Из последних исследований наиболее заметной является теория перформативности, которая предлагает анализировать спонтанные собрания людей как своеобразные социальные перформансы, существенно меняют доминантные властные дискурсы. В частности, теоретик указывает на важность телесности: «Телесные действия разного типа порождают значение таким образом, что является ни дискурсивными, ни додискурсивными. Иначе говоря, сами формы собрания уже имеющие значение для выдвижения условий» [6, 8]. Таким образом, используются перформативную теорию для анализа народных протестов, особенно телесных образований внутри них, несмотря на марксистскую теорию общества. [1]

Существует иная теория о том, что субъективность формируется только благодаря перформативности, поскольку для человека ключевыми являются телесность,

память, аффект, мобильность и вообще постоянное взаимодействие с другими. Субъекта невозможно лишать вышеупомянутых антропологических атрибутов [7, 16]. В соответствии с этим, субъект находится в постоянном создании социальной реальности, одновременно изобретая и демонтируя самого себя под влиянием внутренних и внешних факторов. Перформативные процессы представления и самоидентификации играют основную роль в формировании социальной реальности [18, 19]. Все эти исследования связаны между собой тем, что ассоциируют перформанс с глобальными трансформациями нашего мира, где субъект каждый раз изобретает себя благодаря телесности и чувственности. Добавим, что особенностью перформативного открытия субъекта является возвращение к важности человека и социальной реальности, которую она конструирует. [9]

В этом контексте уместна идея о перформативном создании урбанистического знания в социальном мире. Суть заключается в объединении концепт перформативности и идею перформанса как среды знания и власти [14, 25]. Самое важное то, что перформативная власть существенно перестроила знания и законы его функционирования.

В современном мире основной формой организации культурной среды становится мегаполис — социокультурный феномен, наделенный собственным сознанием и содержанием. С образованием мегаполиса открывается новая страница развития культуры в постурбанистическом пространстве. Возникновение мегаполиса стало следствием изменений, которые уже произошли и которые происходят сегодня в информационном культурном ареале европейского и американского общества, а также глобалистических тенденций, охвативших мир в целом. [5]

Проблемы уникальности культуры мегаполиса, как социального феномена остаются до сих пор в стадии разработки и требуют детального изучения, философского и культурологического анализа, ибо мегаполис имеет потенциал, влияющий на возникновение системы, наполненной другими культурными смыслами. [25] Этот факт обуславливает актуальность исследования.

Цели исследования:

- ◆ раскрыть особенности семиотического анализа, что позволяет соотнести перформативный медиа-текст с широким контекстом медиакультуры, где он работает;
- ◆ раскрыть механизмы урбанистического компонента социокультурной действительности, возможным понимание роли медиакультуры как источника формирования представлений, вкусов, ценностей человека;

- ♦ обоснование основных аспектов формирования культурного пространства мегаполиса, его принципов и содержания современного театрального искусства, в котором закрепляются различные формы арт-урбанизма.

Методы

Анализ с позиции семиотики предполагает расшифровку символов и знаков, смысловых структур медиакультуры учитывая социальный, политический и общий культурный контекст. Через декодирования медиатекстов могут быть раскрыты глубинные скрытые смыслы и идеологии. Процесс познания смыслов и форм медиа происходит на нескольких уровнях: синтаксическом, семантическом и прагматических. Первый уровень предусматривает анализ и трактовка самого определителя, его форм и взаимодействия. Второй из-за оппозиции уровень — обозначаемое переходит к внутренней семантической плоскости объекта. И, на остальных, третий уровень — прагматический, Направленная на эффекты и использования знаков. Семиотический анализ идет в направлении от знака к широкому социокультурному контексту, а не наоборот: «... семиотика может быть определена как одна из социально-коммуникативных наук, имеющих непосредственное отношение к функционированию СМК» [2, 16].

В семиотическом анализе, независимо от сферы его использования, обычно выделяют три уровня исследования знаковых систем:

1. синтактика изучает сообщения знаков и способы их соединения;
2. семантика исследует знаковые системы как средства выражения смысла — основным ее предметом является интерпретация знаков и сообщений;
3. прагматика связана с изучением отношений между знаковыми системами и использует, и интерпретирует сообщения, помещенные в них.

По структурной лингвистике, то изучают структурные отношения знаков друг с другом. На основе этих отношений разработаны парадигматический и, соответственно, синтагматический анализы текста, которые применяют не только в структурной лингвистике, но и в литературоведении, антропологии и других отраслях использования методик семиотического анализа. [4, 17].

Обычно при использовании метода семиотического анализа выделяют культурные, социальные или социально обусловленные идеологические коды. В общении с эстетической функцией выделяют идиолект как индивидуальный, неповторимый стилистический код говорящего [9]. Сложный многоступенчатый код

или Совокупность различных кодов исследователи выделяют в процессе анализа так называемых коммуникативных систем синтетического уровня (театр, музыка, кино, танец, живопись, телевидения). Особенно большой репертуар кодов свойствен аудиовизуальным сообщениям, потому что они построены с помощью различных выразительных средств. Итак, среди категорий семиотического анализа выделяются как универсальные коды, организующие сообщения любого типа (социальный код, культурный код, идеологический код, код восприятия), так и специальные, присущие определенному типу коммуникативных произведений (кинематографический код иконографический код и т.д.). [11]

предлагает общую схему семиотического анализа:

1. знаки как единицы семиотического анализа: иконические; индексальные; символические;
2. уровни знаковых систем: синтактика; семантика; прагматика; уровне структурных отношений знаков: синтагматический; парадигматический;
3. коды как основные категории семиотического анализа: обязательные (денотативный и коннотативный) универсальные (социальный, идеологический, культурный) специальные (кинематографический, иконографический, монтажный и т.п.);
4. функции кодов:
 - а) универсальные: идеологические; социальные; коммуникативные;
 - б) специфические: референтные; эмотивные; металингвистическая; эстетические [8].

Матрицу семиотического анализа материалов театрального перформанса, предусматривает несколько этапов:

A. Необходимо выделить и проанализировать важнейшие знаки текста.

1. Какие важные качества и что они означают?
2. Какая система, позволяет наделять смыслом знаки?
3. Какие коды могут быть найдены в тексте?
4. Какие идеологические и социологические аспекты затронуты в тексте?

B. Какая парадигматическая структура текста?

1. Какое центральное противопоставление в тексте?
2. Какие парные оппозиции скрываются за разными категориями?
3. Имеют ли эти оппозиции социальное или психологическое привнесение?

C. Какая Синтагматическая структура текста?

1. Какие функции (по В. Проппу) могут быть применены к анализу текста?

2. Как организация последовательности повествования влияет на содержание?

D. Как канал телевидения влияет на текст?

1. Какие типы кадров, углов камеры и т.д. использованы?
2. Какую смысловую роль играют музыка, цвет, звук и т.д.? [5].

Для понимания системы социальной ответственности важно иметь информацию о количественных пропорциях, степени распространения различных аспектов ответственных отношений. Эти данные можно получить путем эмпирического исследования в форме анкетирования граждан обеих полов и возраста от 18 до 45 лет. Исследование проводилось в январе-марте 2019. Выборка районированная — 700 чел. Поскольку молодежь является одним из источников двигателя прогресса, среди респондентов выделена отдельная группа — студенты, состоящая из 170 человек в возрасте от 18 до 24 лет.

Результаты

Рассмотрим общее состояние ответственности по результатам анкетного опроса. На вопрос: «Считаете ли Вы себя ответственными за состояние дел в стране?» Были получены следующие ответы: «Да» — 18,6%, «В определенной степени да» — 39,1%, «Нет» — 42,3%. Следовательно, можно рассматривать эти величины, как восходящие данные социоморальной структуры общества и города. Конечно, нельзя полностью опираться на вербальные оценки и результаты рефлексии. Следует более детально проанализировать качества групп, создающих социоморальную структуру города. Пока что речь идет скорее об идеальной модели или концепции, которую следует наполнять эмпирическим данным и их теоретическим обобщениям. Эта модель будет неполной, если останавливаться только на чувствах и не принимать во внимание деятельность по реализации ответственности, а также возможности человека влиять на ситуацию, за которую она считает себя ответственной. Например, человек считает себя ответственным за действия своего государства, но она не в состоянии реально влиять на эти действия. Такая бессильна ответственность прозрачная, кажущаяся и бесплодна.

Если спуститься с глобального на региональный уровень объекта ответственности, то получаем следующие данные. Так, на вопрос: «Считаете ли Вы себя ответственными за состояние дел в своем городе?», Пункт «Да» отметило 17,6%. «В определенной степени, да» — 48%, «Нет» — 34,4%. Отрицательных ответов ощутимо меньше, но меньше и положительных. Можно сказать, что острота, или сила ответственности уменьшилась по региональному объекту, но суммарный индекс высшего

объекта более абстрактный. Город, конечно, есть конкретным за общество в целом. Общество — скорее символ, обобщающий объект идентификации, который имеет более политическую окраску, тогда как город, более конкретный, так сказать, объект повседневности. Важно также, что на вопрос: «В какой мере Вас интересуют проблемы города» 29,4% респондентов ответили «очень интересуют», 57,6% — «интересуют в средне- нем степени» и 13% — «не интересуют».

Пропорции, которые оказались при ответе на вопрос об ответственности перед обществом, стабильно сохраняются и при ответах на вопросы, которые близки по содержанию. Это подтверждает стабильность выявленных соотношений в социоморальной структуре общества. Так, на вопрос: «В какой мере люди вокруг Вас безответственные или ответственные?», Пункты «В основном ответственные» отметили 18,1% респондентов, «Чаще ответственные, чем безответственные» — 40,3%, «Чаще безответственные, чем ответственные» — 33,7%, «В основном безответственные» — 7,7%. Как видим, сумма третьего и четвертого пунктов, отражающих меру безответственности, составляет не более 40%. Меру ответственности отражают ответы на первый пункт — около 18%. Другое — промежуточная позиция умеренной ответственности.

По результатам исследования, студенты — жители крупного города (58,8%) хотя и представляют меньшинство в исследовании (4,25%), являются референтной группой в формировании отношения к потреблению урбанистического культурного продукта. Студенты — выходцы из среднего города в принципе придерживаются позиции индивидуализма (43,6%), но для них культура потребления не является основным индикатором индивидуальности. Они относят себя к группе «осознанной» культуры потребления, культуры, в которой иерархия потребностей связана не только с досуговыми практиками, но и с ориентациями на профессиональную компетентность. Показательно, что студенты — выходцы из малых городов, которых можно считать по количественным параметрам близкими к жителям среднего города (39%) обнаруживают меньшую значимость «высоких идеалов» (24,4%) и склонны полагать, что территориальность не является пространством формирования потребительских ориентаций. Это свидетельствует и о том, что малые города остаются консервативной культурно-потребительской средой и о том, что структура доходов населения малых городов «обязывает» к стратегиям экономии, рационального потребления.

Полученные результаты доказывают, что существует проблема урбанистического восприятия культурного продукта. Жители городов разных размеров чувствуют своеобразное давление урбанизма на культурном фрон-

те. Студенты, как важное звено формирования культуры потребления нового перформанса проявляют неготовность к восприятию новых способов представления перформансов.

что на них влияет два противоположных аспекта:

1. Универсализация потребления; возникновение феномена массового потребления, что выражается в появлении торгово-развлекательных центров — мест, где протекают процессы самоидентификации, «обучения» социальной структуре, проведения социальных границ и маркирования различий. Пространство торговых центров используется горожанами как коммуникативная среда, в которой индивиды, группы проявляются, составляют свое высказывание.
2. Влияние территориального аспекта на потребительские ориентации. Культурная традиция, национальная и территориальная специфика все же играет роль в формировании потребительского поведения. Несмотря на то, что цель глобализационных процессов — объединение всего мира под одним единым культурным стандартом, разница в этических, религиозных, национальных традициях и культурах все равно будет играть большую роль.

Обсуждение результатов

Современная урбанистическая культура — это образование, которое можно представить культуре классического городского типа, где все создают из материалов, взятых в природе, с которой поддерживалась тесная связь. Для культуры современного урбанизма характерно развитие науки и техники и практически творческая деятельность человека. [24]

С точки зрения общественной практики культура — это постоянное движение, переработка, воспроизведение идей, привычек, вследствие индивидуальной и совместной деятельности людей. Поэтому ее следует изучать не как единое целое, а дифференцированно. В современном большом городе культура характеризуется чрезвычайным разнообразием форм. Группы горожан порождают и поддерживают разнообразные черты образа жизни, разные ценности, нормы поведения, стиле жизни. Поэтому именно в больших городах можно наблюдать различные формы и разновидности культуры — элитарную, народную, массовую, субкультуру, контркультуру. [7, 13]

Говоря о социально-управленческом аспекте современного города, следует помнить, что город — это прежде всего определенная социальная общность людей, обладающая определенной целостностью; это сложный

организм, в котором взаимодействуют люди, природа, экономика и общество. [5, 18]

Город — это открытая социальная система, то есть сложноорганизованное упорядоченное целое, которое содержит отдельных индивидов и социальные общности, объединенных разнообразными связями и взаимоотношениями. Исследование города как объекта управления осложняется такими моментами. Во-первых, города, как правило, изучаются с позиций отдельных научных дисциплин — экономики, социологии, медицины и др. — каждая из которых характеризуется своим видением города. Совокупность этих научных представлений не формирует единого взгляда (фокуса) на город как целостное образование (объект управления), поскольку исключает возможность выявить и учесть в управленческом процессе причинно-следственные связи городских процессов качественно другой, междисциплинарной природы. Во-вторых, существующая классификация городов не позволяет адекватно отразить, с одной стороны, общее и особенное, а с другой — качественные различия города как объекта управления, так классификация в основном основывается на одном показателе — численности населения. В-третьих, существующие параметры города (численность населения и территория) отражают лишь некоторые их формальные признаки, но не дают представления о качественных особенностях процессов в городах, во рожденный концентрацией больших масс населения в условиях наиболее развитой антропогенной деятельностью природы, диктует особые правила и высокие темпы жизнедеятельности (часто на грани адаптационных возможностей человека). В-четвертых, управление городом нельзя свести к какому-то одному стилю урбанистического управления — федеральному, региональному или местному. В то же время, в управлении современными городами можно обнаружить отдельные элементы (функции) каждого из выделенных уровней. В-пятых, сложность исследования социально-управленческих аспектов современного города обусловлено его куматоидным характером. [9, 12]

В условиях глобализации, мироощущение каждого человека формируется в контексте борьбы или взаимодействия различных культур. В этой ситуации театр может стать одним из ведущих видов искусства и «механизмов» культуры по созданию новых жизненных форм и стратегий, сохранению культурной целостности и духовных ориентиров нации. [4]

Современный период трансформаций общества влияет на все составляющие культурной сферы. Именно поэтому особенно ярко эти процессы прослеживаются в урбанистической театрально-художественной деятельности, которая вывела на первый план значимость социальных факторов, оговорив необходимость переосмотра моральных ценностей. [9]

ВЫВОДЫ

Анализируя данные полученные в результате исследований следует сделать выводы что театральным зрителем — детерминантом в формировании театрально-зрительских отношений, а через них — и общественно-театральных отношений. Эволюция достижений театра происходит благодаря публике, поэтому такое важное значение для театра имеет количественное и качественное определение природы, характера, типологии потребностей публики в нем. Зрители театра являются особой социально художественной сообществом, которое формируется театральными потребностями, имеет специфические художественные взгляды, вкусы, систему норм, ценностей и общения, выполняет системообразующую роль, поскольку на удовлетворение его потребностей направлена вся театральная деятельность.

Современный зритель менее активен. Когда он навязывал свое мнение средствами массовой информации, сейчас уже зрителю навязывают определенные спектакли, актеров. Итак, поскольку искусство существует для общества, выразителем которого в театре есть публика, то она является центральным субъектом художественной жизни.

По результатам эмпирических исследований можно сделать вывод об относительной низкой ответственности населения города перед обществом и за общество, в определенной степени отражает вытеснения авторитарного сознания социалистической эпохи. От-

каз от ответственности за общество является результатом реакции людей на низком уровне, ответственности за благосостояние людей. Большинство респондентов считает себя ответственными прежде всего перед собой, отражающий отношение ответственности, характерное для современного индивидуалистического общества.

В ходе данного исследования выяснилось, что «территориальность», понимаемая как приверженность культурной традиции, значительно ослабляет «магию потребительства» и при противоречивости векторов потребительских устремлений студентов, укрепляет инструментальное отношение к культуре потребления.

Наблюдая за моделями потребления жителей большого города в условиях глобализации можно сказать, в анализе медиакультуры важным обнаруживается именно такой анализ медиатекста, где можно обнаружить скрытые механизмы мифологизации действительности. Семиотический анализ является противоположным идеологии, поскольку акцентирует внимание на проблемах языка медиа, а не политического или социального содержания медиатекста, но здесь понятие «идеология» смещены в сторону «идеологии самих вещей». Семиотический анализ медиакультуры раскрывает глубинные, скрытые смыслы медиамесседжей, позволяет использовать его для развенчания технологий тайного принуждения, часто незаметных механизмов влияния. Перспективы дальнейших исследований заключаются в применении разных схем и инструментов структурализма и углублении и расширении методологии семиотики в анализе медиакультуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Austin, J. L. *How to Do Things with Words* / J. L. Austin. — Oxford: Oxford University Press, 1975.
2. Baker, D. *Textual and Performative Interventions: Autobiographical Stage Writing as a Rescription of the Self* / D. Baker // *Social Alternatives*. — 2017. — No. 36 (2). — P. 20–24.
3. Berger, P. L., & Luckmann, T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge* / P. L. Berger, & T. Luckmann. — London: Penguin Books, 1991.
4. Beyers J. *Gaining and seeking access: The European adaptation of domestic interest associations [Text]* / J. Beyers // *European Journal of Political Research*. — 2002. — Vol. 41. — P. 585–612.
5. Blumer, H. *Symbolic Interactionism: Perspective and Method* / H. Blumer. — Berkeley: University of California Press, 1986.
6. Butler, J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity* / J. Butler. — New York: Routledge, 1999.
7. Butler, J. *Notes Toward a Performative Theory of Assembly* / J. Butler. — Cambridge: Harvard University Press, 2015.
8. Chatterton P. *Putting Sustainable Development into Practice? The role of local policy partnership networks [Text]* / P. Chatterton, S. Style // *Local Environment*. — 2001. — Vol. 6, № 4. — P. 439–452.
9. Derrida, J. *Limited Inc* / J. Derrida. — Paris: Galilée, 1990.
10. Dixon S. *Digital Performance: A History of New Media in Theater, Dance, Performance Art and Installation*. — N. Y., 2007.
11. Domańska, E. *'Zwrot performatywny' we współczesnej humanistyce* / E. Domańska // *Teksty Drugie*. — 2007. — No. 5. — S. 48–61.
12. Fischer-Lichter, E. *Performative Spaces and Imagined Spaces: How Bodily Movement Sets the Imagination in Motion* / E. Fischer-Lichter //
13. Florida, R. *The rise of the creative class. Revisited [Text]* / Richard Florida. — N.Y.: Basic Books, 2012. — 484 p.
14. Goffman, E. *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings* / E. Goffman. — New York: The Free Press.
15. Goffman, E. *The Presentation of Self in Everyday Life* / E. Goffman. — Edinburgh: University of Edinburgh, 1956.

16. Goldbeg R. Performance Art: From Futurism to the Present.
17. Handler, R. What's Up, Doctor Goffman? Tell Us Where the Action Is! /
18. Latour, B. Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network- Theory / B. Latour. — Oxford: Oxford University Press, 2005.
19. Locke, K. Performativity, Performance and Education / K. Locke // Educational Philosophy and Theory. — 2015. — No. 47 (3). — P. 247–259.
20. McKenzie, J. Perform or Else: From Discipline to Performance / J. McKenzie. — London: Routledge, 2001a.
21. McKenzie, J. Performance and Global Transference / J. McKenzie // The Drama Review. — 2001b. — Vol. 45 (3). — P. 5–7.
22. Proud, A. Cool' London is dead, and the rich kids are to blame [Text] / Alex Proud // The Telegraph. — 2014. — 09 April.
23. R. Handler // Journal of the Royal Anthropological Institute. — 2012. — No. 18 (1). — P. 179–190.
24. Reynolds, B. Intermedial Theater: Performance Philosophy, Transversal Poetics, and the Future of Affect / B. Reynolds. — London: Palgrave Macmillan, 2017.
25. Schechner, R. Performed imaginaries / R. Schechner. — London: Routledge, 2014.
26. Wulf, C. Zur Genese des Sozialen: Mimesis, Performativität, Ritual / C. Wulf. — Bielefeld: Transcript Verlag, 2005.

© Чжэн Ин (mnevelev@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ РЕФЛЕКСИИ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

THE PROBLEM OF STUDYING REFLECTION IN MODERN HUMANITARIAN KNOWLEDGE

T. Boldinova

Summary. the article presents the results of theoretical analysis of the problem of reflection in modern research. The variability and breadth of approaches to the study of the phenomenon of reflection are noted. Attention is focused on the thematic diversity of research on this issue.

Keywords: reflection, reflexive processes, reflexivity, aspects of reflection, personal reflection, professional reflection.

Болдино́ва Татьяна Николаевна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»
Boldinovatn@mail.ru

Аннотация. в статье представлены результаты теоретического анализа проблемы рефлексии в современных исследованиях. Отмечается вариативность и широта подходов к изучению феномена рефлексии. Акцентируется внимание на тематическом разнообразии исследований по данной проблематике.

Ключевые слова: рефлексия, рефлексивные процессы, рефлексивность, аспекты рефлексии, личностная рефлексия, профессиональная рефлексия.

Рефлексия является предметом изучения в различных сферах человеческого знания: философии, психологии, педагогике, управлении и др. Исследование рефлексии — одно из актуальных направлений в современной психологии. Неослабевающий интерес к данной проблеме с античных времён до сегодняшнего дня объясняется огромным влиянием, которое оказывает рефлексия на развитие личности человека.

Полифункциональность, многоаспектность феномена рефлексии, также как и важнейшая роль, которую рефлексия играет в формировании самосознания, самопонимания, самоосмысления, самоанализа, саморазвития личности отмечена в исследованиях как отечественных, так и зарубежных учёных: К.А. Абульханова, Н.Г. Алексеев, О.С. Анисимов, В.В. Барцалкина, А.В. Брушлинский, Л.С. Выготский, И.М. Войтик, Ю.В. Громыко, В.В. Давыдов, А.А. Деркач, С.В. Дмитриев, А.А. Деркач, С.В. Дмитриев, В.П. Зинченко, В.В. Знаков, А.В. Карпов, Ю.Н. Кулюткин, И.С. Ладенко, В.И. Моросанова, Я.А. Пономарёв, Г.С. Пьянкова, С.Л. Рубинштейн, В.В. Рубцов, И.Н. Семёнов, С.Ю. Степанов, Г.П. Щедровицкий, и многие другие, так и зарубежные А. Буземан, М. Вудкок, Д. Дернер, М. Келлер, М. Кеплинг, М. Мэнтей, Ж. Пиаже, Р. Росса, Д. Френсис, Р. Холленд, Д. Шон, М. Экенберг и другие.

В настоящее время складываются определённые традиции исследования рефлексивных процессов в отдельных областях психологии. Для раскрытия психологического содержания различных феноменов рефлексия рассматривается в рамках следующих подходов к исследованию:

- ◆ *сознания* (Выготский Л.С., Гуткина Н.И., Леонтьев А.Н, Семенов И.Н., Смирнова Е.В., Сопиков А.П., Степанов С.Ю. и др.);
- ◆ *мышления* (Алексеев Н.Г., Брушлинский А.В., Давыдов В.В., Зак А.З., Зарецкий В.К., Кулюткин Ю.Н., Рубинштейн С.Л., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. и др.);
- ◆ *творчества* (Пономарев Я.А., Гаджиев Ч.М., Степанов С.Ю., Семенов И.Н. и др.);
- ◆ *общения* (Андреева Г.М., Бодалев А.А., Кондратьева С.В. и др.);
- ◆ *личности* (Абульханова-Славская К.А., Анцыферова Л.И., Выготский Л.С., Зейгарник Б.В., Холмогорова А.Б. и др.).

Говоря относительно роли и места рефлексии в мышлении, можно отметить, что:

- ◆ рефлексия характеризуется проявлением высокого уровня развития мыслительных процессов (Н.Г. Алексеев, В.В. Давыдов, А.З. Зак, Ж. Пиаже, С.Л. Рубинштейн);
- ◆ рефлексия позволяет человеку сознательно регулировать, контролировать свое мышление, как с точки зрения его содержания, так и его средств (Л.Н. Алексеева, И.Н. Семенов, Д. Дьюи);
- ◆ рефлексия является фактором продуктивности мыслительной деятельности (И.С. Ладенко, Я.А. Пономарев);
- ◆ рефлексия помогает «войти» в ход решения задачи другого человека, осмыслить его, «снять» содержание и, в случае необходимости, внести необходимую коррекцию или стимулировать новое направление решения (Ю.Н. Кулюткин, С.Ю. Степанов, Г.С. Сухобская).

В личностной сфере человека рефлексия охватывает как коммуникативные процессы, так и процессы самоосмысления, самосознания:

- ◆ рефлексия является гарантом позитивных межличностных контактов, определяя такие партнерские личностные качества, как проницательность, отзывчивость, чуткость, участливость, терпимость, безоценочное принятие и понимание другого человека и др. (С.В. Кондратьева, В.А. Кривошеев, Б.Ф. Ломов);
- ◆ рефлексия обеспечивает взаимопонимание и согласованность действий партнеров в условиях совместной деятельности, кооперации (В.А. Лефевр, Г.П. Щедровицкий);
- ◆ рефлексия как способность человека к самоанализу, самоосмыслению и переосмыслению стимулирует процессы самосознания, обогащает «Я-концепцию» человека, является важнейшим фактором личностного самосовершенствования (А.Г. Асмолов, Р. Бернс, В.П. Зинченко);
- ◆ рефлексия способствует целостности и динамизму внутренней жизни человека, помогает стабилизировать и гармонизировать свой эмоциональный мир, мобилизовать волевой потенциал, гибко управлять им (В.В. Столин, К. Роджерс).

С каждым годом интерес к проблеме рефлексии возрастает. Появляется большое количество новых исследований, что способствует развитию проблематики рефлексии как в теоретическом, методологическом так и в практическом направлениях. Но, несмотря на это, анализ литературы по проблеме рефлексии позволяет нам сделать выводы, что на данный момент в области изучения рефлексии не существует единого концептуального подхода, единого понимания данного явления. Также наблюдается недостаточно проработанные представления о структуре рефлексии, описаний форм, видов и направлений изучения рефлексии, что ещё раз позволяет нам убедиться в многоаспектности, объёмности и разноплановости, рефлексии как явления, представляющего собой большую сложность для изучения.

Карпов А.В., отмечая вариативность и чрезвычайную широту подходов к изучению проблемы рефлексии, обращает внимание на отсутствие обобщающей психологической концепции рефлексии, что создаёт определённые трудности теоретического плана, а также создаёт неопределённость представлений о предмете [10].

Проблема рефлексии носит междисциплинарный характер, поэтому в зависимости от области в которой проводится исследование, выделяется определённая грань, определённый аспект рефлексии. Стоит отметить тот факт, что на современном этапе наблюдается рост прикладных и экспериментальных исследований рефлексии.

На данный момент существует большое количество интерпретаций понятия рефлексии, подходов, классификаций, описаний видов, типов, механизмов, форм, моделей, структуры, направлений рефлексии. Каждый учёный, занимающийся данной проблематикой, основываясь на проведённых исследованиях, предлагает своё понимание феномена рефлексии. В данной статье нам хочется обратить внимание на тематическое разнообразие современных исследований по проблеме рефлексии.

Холмогорова А.Б., анализируя различные когнитивно-бихевиоральные подходы в современной психотерапии, приводит пример рационально-эмотивной терапии Эллиса, в основе которой лежит в том числе и такая биологическая особенность человека, как способность осмысливать собственное мышление, тем самым влияя на имеющиеся у него иррациональные представления, изменяя их на реалистические и конструктивные.

Рефлексия по мнению Холмогоровой А.Б. и Гаранян Н.Г. приводит к осознанию базовых представлений о себе и о мире, и является важной составляющей когнитивной психотерапии [4].

По мнению Шадрикова В.Д., рефлексия как процесс включена в процессы мышления, а через него — во все когнитивные процессы. Говоря о рефлексивности как о качестве личности, автор полагает, что рефлексивность участвует во всех интеллектуальных операциях, направляет, контролирует и оценивает деятельность и её результат [15].

Веселин Костов Василев, доктор психологических наук, профессор

Пловдивского университета, проанализировав работы 120-ти авторов, изучавших рефлексия, выделил четыре основных модуса существования рефлексивных феноменов:

1. Интеллектуальная рефлексия
2. Личностная рефлексия
3. Праксиологическая рефлексия
4. Рефлексия как диалог

На основании проанализированных работ Василев В.К. предлагает общую классификационную схему рефлексии, считая её исчерпывающей.

В интеллектуальную рефлексия по данной классификации входят такие виды рефлексии как:

- ◆ интеллектуальная рефлексия в обучении;
- ◆ интеллектуальная рефлексия в науке (исследовательская).

Личностный тип рефлексии подразделяется на:

- ◆ рефлексия над поступками и деятельностью личности;
- ◆ рефлексия над качествами личности.

Рефлексия как диалог делится на:

- ◆ коммуникативную рефлекссию;
- ◆ кооперативную рефлекссию.

Праксиологический тип рефлексии делится на:

- ◆ профессиональную рефлекссию;
- ◆ технологическую рефлекссию [6].

В работах Клементьевой М.В. посвященных изучению биографической рефлексии, была теоретически разработана и экспериментально обоснована структура биографической рефлексии. Согласно исследованиям Клементьевой М.В. биографическая рефлексия исследования рефлексии содержит четыре функциональных составляющих: когнитивную (анализ собственных действий, понимание собственных возможностей, анализ способа упорядочивания жизненных событий), личностную (осознание собственных личностных качеств, привнесение смысла в поступки и события жизни), социально-перцептивную (понимание субъективности чужих оценок жизни, осознание жизненной дороги других людей), конфигуративную (объединяющие различные представления об одном и том же. В биографической рефлексии рассматривая нарратив).

Клементьевой М.В. была разработана, описана и апробирована авторская методика оценки биографической рефлексии. Выявлено влияние возраста и пола на показатели биографической рефлексии и её составляющие. [11].

Рассматривая рефлекссию с точки зрения важного психологического ресурса личностного развития, Роберт Дилтс разработал теоретическую модель логических уровней, применяемую для подбора необходимых ресурсов для эффективного продвижения человека к желаемой цели [6], что послужило основой для создания трёхмерной модели — «поле поиска решения проблем посредством рефлексии», состоящей из восьми логических уровней, трёх временных контуров (прошлое, настоящее, будущее) и трёх позиций восприятия (собственная точка зрения, точка зрения другого участника проблемы, позиция наблюдателя). Таким образом, преодолевая трудности и решая проблемы человек может развиваться в нескольких направлениях одновременно, следовательно, изменения происходят на разных уровнях внутренней организации психологических ресурсов человека, таких как: 1. рефлексия места и окружения; 2. рефлексия поведения и действий; 3. рефлексия способностей и навыков; 4. рефлексия намерений; 5. рефлексия

убеждений; 6. рефлексия ценностей; 7. рефлексия самоидентичности; 8. рефлексия миссии. Активизация рефлексии на более высоких логических уровнях позволяет эффективно работать с возникающей у человека проблемно-конфликтной ситуацией [8].

Деркач А.А. трактует рефлекссию как способность взглянуть на жизнь объективно, оценив себя, свои неудачи и достижения, свои проблемы, свой способ жизни [9].

Аникина В.Г. разработала, описала и апробировала авторскую методику — рефлексивный тренинг «Творческое разрешение личностью проблемно-конфликтных ситуаций», целью которого было формирование рефлексивной культуры и рефлексивной компетентности личности в решении проблемно-конфликтных ситуаций. Аникиной В.Г. была сконструирована теоретическая модель рефлексии, разработаны рефлексивные методы и приёмы, составляющие содержание тренинга, выявлены параметры эффективности и условия организации тренинга. В результате проведения тренинга был выявлен высокий уровень соответствия теоретической модели рефлексивного процесса реальному процессу принятия решения в условиях организованного обучения [2].

Рубцова О.В. и Уланова Н.С., принимавшие участие в международном исследовательском проекте «Global Perspectives on Learning and Development with Digital Video-Editing Media: A Qualitative Inquiry in Everyday Lives of Marginalized Young People», проводившегося в 2012–2014 гг., изучали влияние цифровых технологий на развитие рефлексии в процессе обучения у студентов факультета информационных технологий одного из московских вузов. Опираясь на позиции культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и деятельностный подход, проведённое авторами исследование даёт возможность рассматривать цифровые технологии как новое средство опосредования, которое совмещает в себе знаковые и орудийные признаки. Как орудия, применяемые участниками ИКТ направлены на внешние события (свойства, признаки ситуации), а как знаки — на высшие психологические функции (мышление, внимание, память), ориентированные на управление ситуацией. А заключении авторы делают вывод: ИКТ, выступая в функции знака, создают предпосылки для развития коммуникации и взаимопонимания участников, что содействует возникновению рефлексии в отношении их собственных действий в социальной ситуации [13].

В.Г. Аникина разработала сетевую функциональную модель рефлексии, состоящую из элементов (базовых понятий), которые задают описание рефлексии:

- ◆ «Я-в-рефлексии» — то, что понимает, и осознаёт.

- ◆ Хронотоп рефлексии — Я «вне» ситуации, относительно которой осуществляется рефлексивный процесс.
- ◆ Рефлексивная позиция — другой, деятельность, относительно

которого происходит поворот сознания на восприятие рефлексивной реальности, организация рефлексивных отношений для преобразования рефлексивной реальности.

- ◆ Рефлексивное построение — создание (схемы, модели, образа) представлений о рефлексивной реальности.
- ◆ Рефлексивное отношение — активность в организации

Взаимосвязи между рефлексивными построениями.

- ◆ Результат рефлексии — рефлексивное построение, полученное в ходе реализации рефлексивных отношений (постижение нового знания, новых смыслов, нового плана действий, деятельности и т.п.) [2].

Также стоит сказать о недостаточной разработанности и вариативности имеющегося на вооружении у исследователей диагностического инструментария.

Князева Е.С., исследуя познавательную рефлексивность у детей дошкольного возраста, столкнулась с недостаточной разработанностью диагностического инструментария по исследуемой проблеме. Для решения поставленных в исследовании задач были разработаны три группы экспериментальных методик, позволяющие выявить наличие или отсутствие ориентировки на каждом этапе процесса решения познавательной задачи. Первая группа методик названа — «УСЛОВИЕ». В основу данной группы методик положено моделирование проблемных ситуаций, в которых ребёнок, ещё до начала выполнения предлагаемого задания, должен оценить собственные возможности. Методики данной

группы направлены на выявление возможностей детей ориентироваться на условия поставленной перед ними задачи.

Вторая группа методик, названная «ДЕЙСТВИЕ», нацелена на выявление возможностей ребёнка ориентироваться на способ выполнения поставленной перед ним задачи. Предлагая ребёнку два способа решения задачи, Князева Е.С. сразу могла видеть продуктивным или менее продуктивным способом решения воспользовался ребёнок. Неэффективность выполнения задания свидетельствует об отсутствии у ребёнка ориентировки на способ действия.

Третья группа методик — «РЕЗУЛЬТАТ», позволяет выявить возможности ребёнка ориентироваться на результат выполненной задачи. Смоделированные проблемные ситуации составлены так, что ребёнок, проанализировав результат, должен был определить достигнута ли конечная цель или нет. Затем ребёнок оценивал результат другого участника исследования. Минимальное совпадение оценок ребёнка с объективными оценками результатов свидетельствовало об отсутствии у ребёнка ориентировки на результат.

Князева Е.С. экспериментально доказала, что предпосылки познавательной рефлексии у детей дошкольного возраста проявляются в возникновении и развитии ориентировки на условие, способ и результат решения поставленной задачи, а возможности детей ориентироваться на данные компоненты решения задачи, способствуют в последующем формированию и развитию познавательной рефлексии как целостного новообразования [12].

Несмотря на большой интерес к проблеме рефлексии существует дефицит эмпирических исследований, стоит сказать о недостаточной разработанности и вариативности имеющегося на вооружении у исследователей диагностического инструментария.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова -Славская. — М.: Мысль, 1991.-299 с.
2. Аникина В. Г. Рефлексивный тренинг как средство разрешения конфликтных ситуаций// Культурно-историческая психология. — М.: Издательство МГППУ, 2009. — № 3. — С. 72–80.
3. Аникина В. Г. Культурно-диалогический подход в психологическом исследовании рефлексии: философско-методологические основания. Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 46–74.
4. Боковикова А. М. Основные направления современной психотерапии — М.: «Когито-Центр», 2000. — 379 с. (Современная психотерапия)
5. Болдинова Т. Н. Динамика развития рефлексии студентов-психологов в процессе обучения в вузе// Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. Том 5. № 5А. С. 100–110.
6. Василев В. Рефлексията в познанието, самопознанието и практиката. Пловдив: Макрос, 2006. 290 с.
7. Деева, Н.А., Рефлексивные механизмы переживания кризиса и изменение ценностно-смысловой сферы / Н. А. Деева // Диссертация на соиск.канд. психол. наук. Омск, 2005. — 175с.

8. Дилтс Р. Изменение убеждений с помощью НЛП / Перевод с англ. В. П. Чурсина. — М.: Класс, 2000. — С. 149.
9. Деркач А. А. Акмеология: учебник / под общ. ред. Деркача А. А. — Москва: РАГС, 2002. — 299с.
10. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. — 424 с. Стр. 7.
11. Клементьева М. В. Понятие биографической рефлексии и методика ее оценки // Культурно_историческая психология. 2014. Т. 10. № 4. С. 80–93.
12. Князева Е. С. Развитие предпосылок познавательной рефлексии у детей дошкольного возраста: автореферат дис. кандидата психологических наук: 19.00.13 / Князева Елена Станиславовна; [Место защиты: Моск. гос. психол.-пед. ун-т]. — Москва, 2013. — 26 с.
13. Рубцова О. В., Уланова Н. С. Психологические предпосылки развития рефлексии в условиях применения цифровых технологий // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19. № 4. С. 101–112.
14. Семенов И. Н., Туровцев Н. П. Системно-психологический подход к изучению рефлексивных ресурсов профессионального развития // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2013. — N5–6 — стр. 35–71.
15. Шадриков В. Д. Ментальное развитие человека. — М.: Аспект Пресс, 2007. — 284с. Стр. 220.
16. Шаров, А. С. Онтология рефлексии: природа, функции и механизмы / А. С. Шаров // Рефлексивные процессы и управление. 2005. — № 1. — С. 71–92.

© Болдинова Татьяна Николаевна (Boldinovatn@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный психолого-педагогический университет

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ У ВРАЧЕЙ-ХИРУРГОВ: АНАЛИЗ И ОБОБЩЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ УЧЕНЫХ

EMOTIONAL CHANGES IN SURGEONS: ANALYSIS AND SYNTHESIS OF THE VIEWS OF SCIENTISTS

Yu. Kekteeva

Summary. The purpose of this work is to study the causes of emotional changes in surgeons. The scientific novelty lies in the fact that a comprehensive study of the structure of the professional burnout syndrome among surgeons has been conducted.

Keywords: professional deformation, surgeon, doctor, emotional burnout.

Кектеева Юлия Игоревна

Ассистент, Российский национальный
исследовательский медицинский университет имени
Н. И. Пирогова
ulechka87-87@mail.ru

Аннотация. Целью данной работы является исследование причин возникновения эмоциональных изменений у врачей-хирургов. Научная новизна заключается в том, что проведено всестороннее исследование структуры синдрома профессионального выгорания среди врачей-хирургов.

Ключевые слова: профессиональная деформация, хирург, врач, эмоциональное выгорание.

Выбор профессии в современной жизни строится на основе принятых решений, взвешенных и обдуманных. Выбор профессии хирурга — шаг втрое осознанный, несущий долгую перспективу и преданность своему делу.

Врачи-хирурги не только преданы своему делу, но в большей степени погружены всецело в процесс, часто не могут абстрагироваться от него в повседневной жизни [6].

Профессиональная деформация заключается в изменении качества жизни врача, которая проявляется в результате многолетней профессиональной деятельности. На плечах медицинского персонала, в особенности хирурга лежит колоссальная ответственность за жизнь пациентов. Зачастую через усилия и профессионализм хирурга удается спасти пациента на грани гибели.

Такие факторы, как страдание, боль, тревога пациентов накладывают отпечаток на психологическом состоянии врача, и, как следствие, происходит деформация личности [1].

Как показывает практика, с момента начала деятельности, молодой врач-хирург старается как можно больше сопереживать пациентам в их проблемах. Он берет на себя повышенную ответственность за свои действия,

так как еще не до конца уверен в собственном профессионализме [7].

Далее под влиянием тех или иных качеств личности хирурга начинают проявляться различные деформации. Например, врач может чрезмерно погружаться в проблему пациента, либо наоборот относиться к больному как материалу. При излишнем заикливании на заболевании, специалист может пропустить ухудшение эмоционального состояния больного. Все это приводит к нередким врачебным ошибкам.

Безусловно, врач должен выработать в процессе профессиональной деятельности определенную сопротивляемость к проблемам пациентов, но он также не должен терять качества, характерные для эмпатичного человека и профессионала [8].

Для профессии хирурга зачастую характерно состояние авторитарности, которое выражается в излишнем высокомерии, неприятии критики, прямолинейности.

Синдром профессионального выгорания может проявляться в виде эмоционального истощения, снижении самооценки, занижении своих профессиональных качеств. Вследствие этого меняется отношение к пациентам, они воспринимаются как источник повышенного стресса, виновники всех проблем [6].

Выгорание может также проявляться в виде циничных высказываниях в сторону пациентов, иногда это может быть враждебность, в итоге начинает теряться профессиональная связь врач-пациент, пропадает гуманность к больному [2].

Многие авторы в своих работах делают акцент на то, что профессиональная деформация проявляется не сразу, иногда она протекает скрыто, латентно десятилетиями, поэтому выявить ее сразу не так просто.

Проблема влияния профессионального стресса на состояние работающих врачей-хирургов на протяжении последних десятилетий находится в центре внимания специалистов различных медицинских специальностей [8].

Для более детального понимания картины профессионального выгорания хирургов необходимо разобратся в причинах кратковременного и долгосрочного стресса.

Так, принято считать, что проявление профессионального стресса характеризуется влиянием на врача факторов, которые связаны с условиями профессиональной деятельности. Многие авторы уточняют, что деформация может появиться тогда, когда внешняя обстановка воспринимается специалистом как возникновение требования, которое может нести угрозу его способностям и ресурсам [9].

Когда воздействия на человека кратковременны, ярко проявляются различные симптомы стресса. Краткосрочный стресс — это резкое использование «поверхностных» адаптационных сил, однако вместе с этим происходит мобилизация более глубоких.

В случае, когда «поверхностных» резервов слишком мало для адекватного ответа на внешние раздражители, а скорости мобилизации «глубоких» слишком мало для того, чтобы восполнить резервы, то человек не выдержит и погибнет, а внутренние резервы так и останутся не израсходованы [10].

Непрерывный стресс обуславливается мобилизацией и истощением «поверхностных», а также «глубоких» резервов организма. Специфика различных состояний стресса, находится в зависимости не только от внешнего влияния, но и от цели деятельности, оценки ситуации, в которой он находится.

Многие ученые сходятся во мнении, что более полной и характерной сегодняшнему этапу понимания механизмов стресса является классификация, которую предлагает Медведев В. И. В ней довольно четко отраже-

ны внешние стрессорные факторы, которые оцениваются как первичные источники напряжения и перенапряжения, а также внутренние личные факторы, которые опосредуют влияние первых и определяют особенности психологического отражения и оценки ситуации [1].

По характеристике Медведева В. И., экстремальные раздражители являются крайними значениями тех факторов ситуации, которые формируют оптимальный фон для деятельности или во всяком случае не вызывают ощущения дискомфорта. Однако оценка (ощущение) того предела, при котором эти элементы при их сдвигах в крайние значения становятся «предельными», является сугубо субъективной, индивидуальной величиной [2].

Стоит подчеркнуть, что в работе хирурга, факторы появления стресса взаимосвязаны с экстремальными влияниями самого рабочего процесса и организационных, социальных, экологических и технических особенностей профессиональной деятельности.

Таким образом, возникновение стресса у хирурга непременно связано не только с его рабочим процессом, но и с событиями из его личной жизни, с разными сферами его общения. В связи с этим, исследования причин появления деформирующего стресса следует проводить с учетом разных событий, не только профессиональных [5].

В 1978 году Т. А. Beehr и J. S. Newman выявили 37 рабочих или организационных факторов, которые могут оказаться различными стрессорами. Они были разделены на четыре категории:

- а) рабочие требования и факторы решаемых задач;
- б) требования либо ожидания;
- в) организационные требования или ожидания;
- г) внешние требования или факторы.

Следовательно, сегодня общепринятым многими авторами остается понятие профессионального стресса, как комплексного феномена, который выражается в психосоматических реакциях на различные ситуации в профессиональной сфере хирурга [7].

В данном случае, при профессиональном стрессе нарушения психофизиологической адаптации выражаются в снижении эффективности рабочего процесса, разладом личностных контактов на работе и дома.

В 80-х годах 20 века, когда разные научные подходы к вопросу профессионального выгорания стали разбавляться научными моделями ее исследования, возник новый этап изучения феномена профессионального стресса.

Создание методик для выявления выгорания, в особенности разработанной С. Maslach и Jackson (1981) ме-

тодики «Maslach Burnout Inventory» (MBI), дали возможность ученым выявить более принципиальные понятия о сути этого феномена.

Исследования авторов последних лет не только утвердили более широкое представление синдрома выгорания, но и дали возможность значительно увеличить

сферу его проявления, не ограничивая исследования только лишь социальной средой [10].

Психическое выгорание теперь осознается как профессиональный и индивидуальный кризис, который связан с мощными нагрузками на работе в целом, а не только с личными отношениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Г. С. Психология в медицине / Г. С. Абрамова, Ю. А. Юдичи. — Кафедра-М, 2016. — 334 с.
2. Бобков Ю. Г., Виноградов В. М. Фармакологическая коррекция умственной и физической работоспособности // Фармакологическая регуляция процессов утомления / Под ред. Ю. Г. Бобкова. М.: Изд-во НИИ фармакологии АМН СССР, 2012. С. 7–33.
3. Бобровицкая С. В. Некоторые особенности мотивации поступления в педагогический вуз / С. В. Бобровицкая // Психологическая служба образования. — СПб. — 2017. — с. 48–53
4. Гришпун С. С. Интересы и склонности при выборе профессии / С. С. Гришпун // Школа и производство. — № 6. — 2014.
5. Кулагин Б. В. Основы профессиональной психодиагностики / Б. В. Кулагин. — Л.: Медицина, 1984. — 216 с.
6. Ларцева Л. И. Профессиональный стресс врачей и методы его коррекции: Автореф. дисс. докт. мед. наук. — М., 2018. — 43 с.
7. Леонова А. Б. Комплексная методология анализа профессионального стресса: от диагностики к профилактике и коррекции // Психологический журнал. 2014. № 2. С. 76–85.
8. Медицинская реабилитация: Руководство для врачей в 3-х томах / Под ред. академика РАМН В. М. Боголюбова. — Пермь: Звезда, 2017. — 1950 с.
9. Пешиков О. В. Выбор будущей специальности. Осознанный выбор или случайный факт? / О. В. Пешиков, О. Г. Максимова // Материалы IV всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Профессионально компетентная личность в мировом образовательном пространстве». — Новосибирск: Сибмедиздат НГМУ. — 25–26.05.2016. — с. 154–156.
10. Тополянский В. Д. Психосоматические расстройства / В. Д. Тополянский, М. В. Струковская. — Медицина, 2015. — с. 256.

© Кектеева Юлия Игоревна (ulechka87-87@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова

СРЕДОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ У МОЛОДЕЖИ Г. ИРКУТСКА

PLACE IDENTITY: PROBLEMS OF ITS STUDY AND DEVELOPMENT IN THE YOUTH OF IRKUTSK

*M. Kuzmin
A. Vershkova
E. Mironova*

Summary. The article presents the study of place identity and ways of its development in the youth of Irkutsk. With the help of a focus group study, the authors identified the key components of the place identity of young people in Irkutsk. Then, a survey was conducted on a sample of 185 subjects aged 18–30 years, aimed at identifying the relevance of the components of place identity for young people. Irkutsk, the actual state of place identity (using the method of “Twenty statements”) and differentiation of images that make up the place identity (using the method of Semantic differential). The results of the study showed that for the youth of Irkutsk place identity is not relevant. At the same time, the potential for the development of place identity associated with relevant symbols for young people was discovered.

Keywords: place identity, identity, youth, Irkutsk, “Twenty statements».

Кузьмин Михаил Юрьевич

*К.псх.н., доцент, Иркутский государственный университет
mirroy@mail.ru*

Вершкова Анна Георгиевна

Иркутский государственный университет

Миронова Елена Ивановна

Старший преподаватель, Иркутский государственный университет

Аннотация. В статье представлено исследование средовой идентичности и путей ее развития у молодежи г. Иркутска. При помощи фокус-группового исследования авторы выявили ключевые компоненты средовой идентичности молодежи г. Иркутска. Затем на выборке в 185 испытуемых в возрасте 18–30 лет был проведен опрос, направленный на выявление актуальности компонентов средовой идентичности для молодежи г. Иркутска, актуальное состояние средовой идентичности (при помощи методики «Двадцать утверждений») и дифференцированности образов, составляющих средовую идентичность (при помощи методики Семантический дифференциал). Результаты исследования показали, что для молодежи г. Иркутска средовая идентичность не является актуальной. При этом был обнаружен потенциал развития средовой идентичности, связанный с актуальными для молодежи символами.

Ключевые слова: средовая идентичность, идентичность, молодежь, г. Иркутск, «Двадцать утверждений».

Введение

В современной психологии все более актуальной становится потребность в осмыслении феномена средовой идентичности человека. Данные попытки предпринимались как в отечественной (Муравьева О.И., Литвина С.А., Богомаз С.А. [4], упоминались Кузьминым М.Ю., Конопаком И.А. [2]), так и в зарубежной (Tugurian, L.P.; Carrier, S.J. [9], Schmitt M.T., Mackay C., Droogendyk L.M., Payne, D. et. al.[8]). С одной стороны, причину этого можно усмотреть в том, насколько широко в современной психологии рассматривается идентичность — причем не только в аспекте ее актуального содержания: идентичность, по мнению Г.М. Андреевой, не исчерпывается только принадлежностью личности к различным социальным группам, а включает и ее отнесенность к будущему и к прошлому («временная идентичность» (time identity), «возможной» идентичности» (possible selves) и, собственно, к конкретному контексту («средовая идентичность» (place identity) (Андреева Г.М. [1]). С другой стороны, изменение роли места проживания в глобальном контексте, вовлеченность городов в конкуренцию, постоянная трансформация социокуль-

турного пространства, миграция обуславливают необходимость изучить соотношение людей с местом своего проживания.

Современные подходы к средовой идентичности разнообразны. Так, с позиций О.И. Муравьевой, С.А. Литвиной и С.А. Богомаза, рассмотрение средовой идентичности предполагает понимание среды как ментального пространства, описываемого через такие измерения, как место, время, ценности [4]. О.Н. Яницкий раскрывает данное понятие как «набор референтных групп для личности, представление о своих «корнях», Малой Родине, ценности своего «места» (местности)» [4]. В ряде зарубежных работ данное понятие сводится к «идентичности с местом» (place-identity) [Proshansky H.M., Fabian A.K., Kaminoff R. [7]) или к идентичности с конкретным населенным пунктом — городом или поселением (urban-related identity) (Lalli M. [6]).

На наш взгляд, понятие средовой идентичности, предполагая отождествление себя с определенным местом, неизбежно включает в себя некий его образ (когнитивный компонент) и эмоциональное отноше-

ние (аффективный компонент). И в этом смысле чем более определенное содержание будет предложено для формирования образа, чем более определенным эмоциональным посылом оно будет заряжено, тем проще может произойти идентификация со средой — даже в том случае, если она не является средой фактического проживания. Город «на берегах Невы» (Санкт-Петербург), «Вечный город» (Рим) или «Большое яблоко» (Нью-Йорк) предлагают достаточно определенное содержание, позволяющее идентифицироваться с ними даже тем, кто никогда в них не был, однако очень хотел бы посетить (как части «возможного Я»).

В этой связи мы провели исследование средовой идентичности молодежи г. Иркутска, включающей следующие аспекты:

- ◆ актуальная средовая идентичность;
- ◆ образ места проживания;
- ◆ эмоциональное отношение к месту проживания.

Были использованы следующие методы и методики: фокус-группа, беседа, Семантический дифференциал, методика «Двадцать утверждений» М. Куна и Т. МакПартленда [5] в авторском способе обработки [3]. Выборку исследования составили 185 человека — студенты ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» в возрасте 18–30 лет. Обработка полученных данных осуществлялась при помощи критерия ранговой корреляции Спирмена и U-критерий Манна-Уитни.

Фокус-групповой этап исследования

Всего была проведена одна фокус-группа с 9-ю женщинами и мужчинами..., часть из которых проживает в Иркутске, а часть находится в городе по делам (работе либо учебе). Дискуссия продолжалась 1 ч. 52 мин в соответствии с заранее разработанным гайдом. В результате исследования были получены качественные данные...

На основе рукописи транскрипта фокус-группового интервью представляется возможным выделить следующие блоки (проблемные точки) анализа.

Первый блок вопросов касался проблематики символа г. Иркутска. Все участники сошлись во мнении, что таковым прежде всего является Бабр — мифический зверь, запечатленный на гербе Иркутска и Иркутской области. При этом они дифференцировали символ города для его жителей и для жителей других городов России и зарубежья. Для последних были предложены такие варианты, как «оз. Байкал», «снег», «Ольхон», «пианист Денис Мацуев». Наконец, лично для себя участники ассоциируют г. Иркутск с университетом, где они учатся, церквями, храмами и театрами, набережной. Кто-то отвечал так:

«с частным сектором, которые дома стоят рядом с многоэтажками в центре города», «я не знаю, у меня просто дом, да дом». На вопрос «Какое место в Иркутске является знаковым» значительная часть ответов была отведена торговым центрам. Также были названы такие места, как сквер им. Кирова, площадь графа Сперанского, 130 квартал. Любимыми местами в Иркутске участники назвали «дикие пляжи на Якоби», «Кайская роща», «Кругобайкальская ЖД», для кого-то это был просто дом.

Второй блок вопросов касался достоинств и недостатков г. Иркутска как места для проживания. Участники фокус-группы достоинствами города посчитали «дешевое электричество», «дешевый поезд», «чистая вода», «ну что город относительно небольшой, везде рукой подать», «удобные пешие маршруты», «мне кажется еще, что железная дорога непосредственно в городе, не за чертой, ни где-то далеко. Среди недостатков города участниками были отмечены не налаженная работа системы транспорта («Пробки, движение. Люди в движении. Люди в пробках и на дороге — они не всегда такие вежливые. В Иркутске же была какая-то статистика, что у нас водители не пропускают и прочее. Водители агрессивны, каждый сам за себя») и уборки мусора («Если сравнивать с тем же Санкт-Петербургом, где в 5 утра уже убирают мусор. У нас его вывозят в 5 утра, но не моют дороги. Их только последнее время стали мыть, и то не часто. Потому что у нас много пуха, и тоже было бы хорошо с этим как-то справиться»), хулиганство («Опять же пробки и хулиганство»).

Третий блок вопросов касался особенностей выражения идентичности с городом, свойственной его жителям. Среди самоописаний, которые, по мнению участников фокус-группы, должны отличать жителей г. Иркутска, были названы «иркутянин/иркутянка», «сибиряк/сибирячка», «ангарчанин/ангарчанка», «житель г. Иркутска», «житель столицы Восточной Сибири». Среди особенностей тех жителей г. Иркутска, которые гордятся своим городом, участники фокус-группы предложили такие характеристики, как осведомленность об истории города, знания основных исторических памятников города, знание выдающихся жителей г. Иркутска. При этом сами участники фокус-группы оказались не очень осведомлены о каждом из означенных аспектов.

В целом, наибольший интерес у участников вызвал блок вопросов, направленных на выявление ассоциаций: своих, жителей других городов и иностранцев. Кроме того, интерес вызывают вопросы, связанные с личным отношением к городу и непосредственным опытом проживания в нём: участники фокус-групп охотно делились своим мнением, открыто и распространённо отвечая на вопросы. При этом обнаружилась достаточно четкая поляризация в ответах на вопросы у жителей г. Иркут-

ска и тех, кто находится в городе по делам (работе либо учебе). Проявление эмоционального компонента, связанное с отношением к городу и испытываемых по отношению к нему чувств, у коренных жителей Иркутска имеет либо ярко выраженный положительный (Участник 1: «Для меня он любимый, красивый, какой-то «свежий»...и, наверное, теплый. Люблю я Иркутск, в общем»), либо противоречивый характер (Участник 2: «Для меня он (Иркутск), наверное, свободный, в плане тех же пробок, дышится свободнее. Но в плане возможностей он для меня замкнутый. Какая-то двойкость у меня»). Группа «неместных» участников часто демонстрирует ярко выраженное негативное отношение к Иркутску (Участник 2: «...Я из Иркутской области и чувствую давление Иркутска на наш город, поэтому я ненавижу Иркутск»).

Таким образом, в рамках фокус-группового этапа была получена информация об проблематике символов г. Иркутска, субъективно воспринимаемых достоинствах и недостатках проживания в нем, а так же об особенностях выражения идентичности с городом. При этом была обнаружена поляризация в оценках города среди его постоянных жителей и лиц, временно проживающих в городе.

Результаты опроса

В рамках данного этапа в первую очередь мы проанализировали актуальное состояние средовой идентичности испытуемых при помощи методики «Двадцать утверждений». Была проанализирована частота встречаемости категорий, отражающих идентичность с г. Иркутском, выработанных на фокус-групповом этапе. Оказалось, что большинство участников не указало ни одной характеристики. 30% указали одну характеристику соответствующую средовой идентичности. И только 1% указали не менее четырех характеристик. Таким образом, выраженность идентификации с г. Иркутском по отношению к прочим самоописаниям составила 3,2%. Данное распределение может показывать, что идентичность с г. Иркутском не является приоритетной для его жителей в возрасте 18–30 лет.

На втором этапе мы при помощи анкетирования установили частотность встречаемости различных объектов, воспринимаемых респондентами как символы г. Иркутска. Испытуемым был задан вопрос: «Какие символы Иркутска Вы знаете?». По результатам 67% всех ответов пришлось на упоминание мифического существа «Бабр», а 13,4% — на озеро Байкал. Остальные варианты ответов упоминались единожды или дважды.

Далее испытуемым был задан вопрос, какие ассоциации возникают у них с г. Иркутском. На этот вопрос были даны более разнообразные ответы. Так, у 31,5% опро-

шенных г. Иркутск ассоциируется с оз. Байкал, у 11% — с рекой Ангарой, у 10% — с Сибирью. Остальные ассоциации упоминались единожды или дважды.

Наконец, испытуемым было предложено указать плюсы и минусы г. Иркутска. В качестве плюсов города 28% респондентов указали оз. Байкал, 12,2% — архитектурные особенности города, 8,7% — памятники и достопримечательности. При этом количество названных отрицательных сторон города превысило положительные: среди них 36% опрошенных указали инфраструктуру, 20% — количество мусора, 11% — удаленное местоположение.

Результаты оценки г. Иркутска по методу «Семантический дифференциал» [по 3]. В рамках данного этапа мы проанализировали не содержательный, а эмоционально-оценочный компонент идентификации молодежи г. Иркутска со своим городом.

Прежде всего, оказалось, что оценка г. Иркутска имеет ряд гендерных особенностей. Так, мужчины в целом значимо ниже оценивают г. Иркутск по шкале «Оценка» (Плохой — хороший), чем женщины. U-критериев равен 428, $p < 0,01$.

Закономерно обнаружилось, что, по сравнению с другими городами, молодежь г. Иркутска оценивает его выше. В частности, они считают г. Иркутск более активным ($U=538$, $p < 0,01$). Так же закономерно, что именно показатель Активности является основным при решении, остаться в Иркутске или уехать в другой город. Из тех, кто собирается остаться в Иркутске, значимо большее число людей считают, что г. Иркутск скорее «Хороший» ($U=380$, $p < 0,02$) и значимо более «Активный» ($U=356$, $p < 0,01$).

При этом существует тесная корреляция между тем, сколько лет проживает человек в городе Иркутске и его отношении к Иркутску: оказалось, что чем дольше человек живет в г. Иркутске, тем более пассивным он его считает ($r = -0,38$, $p < 0,01$).

Наконец, устанавливая связи между образами, наиболее важными для оценки г. Иркутска, мы установили следующее. Существует положительная связь между восприятием г. Иркутска как хорошего и такими ассоциациями, как «Байкал» ($r=0,39$, $p < 0,01$). При этом испытуемые, выделяющие Байкал как основную ассоциацию с г. Иркутском, оценивают его преимущественно как пассивный ($r=0,23$, $p < 0,05$). Возможно, речь идет о том, что они в большей мере ценят уют и созерцательность.

Наоборот, испытуемые, оценивающие г. Иркутск как плохой, выделяют такие проблемы города, как Пробки

($r = -0,33$, $p < 0,01$) и Грязь ($r = -0,34$, $p < 0,01$). Наконец, образ реки Ангара оказался важным для тех, кто оценивает г. Иркутск как активный ($r = 0,33$, $p < 0,01$).

Результаты и обсуждение

Подводя итог изучения выраженности средовой идентичности у молодежи г. Иркутска, мы можем говорить о том, что только четверть участников упомянула категории, соответствующие средовой идентичности, а общее отношение идентификации с г. Иркутском по отношению к прочим самоописаниям составила 3,2%. Таким образом, для молодежи г. Иркутска средовая идентичность не является актуальной.

При этом на основе проведенного теоретического и эмпирического анализа был обнаружен потенциал для развития средовой идентичности молодежи г. Иркутска. Так, мы выделили символы и ассоциации характерные для данной среды, плюсы и минусы проживания в данном городе. Повторяющимися символами и ассоциациями Иркутска мы выделяем водные ресурсы, причем это не только Байкал, это река Ангара, это набережные, указанные как одно из самых рекомендуемых туристам мест Иркутска. Самым популярным символом остается все еще Бабр, но так же присутствуют такие интересные ассоциации, как театры, студенчество, город молодежи, торговля.

Двойственное отношение к Иркутску проявляется в упоминании одних и тех же характеристик Иркутска, как положительными, так и отрицательными. Таким характеристиками является размер города, инфраструктура, климат и местоположение. Самыми сильными минусами Иркутска по мнению респондентов является загрязненность города и плохая инфраструктура. В анкетах были упомянуты плохие дороги, отсутствие общественного транспорта и парковок, серость, грязь и мусор.

Проецирование данных характеристик образа города повысит уровень идентичности с городом. Так же повышение осведомленности о городе Иркутске, знание событий, происходящих в настоящем и истории города способствует чувству привязанности к месту и принятием среды как контекста индивидуальной биографии личности.

Следующим шагом нашего исследования может стать определение ведущих каналов получения информации о Иркутске среди молодежи города.

Транслирование информации, повышающей средовую идентичность через выявленные каналы, может сделать формирование средовой идентичности более эффективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. — 2011., — 6(20). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.06.2018)
2. Кузьмин М. Ю., Конопаков И. А. Устойчивость и изменчивость идентичности в подростковом и юношеском возрасте // Российский психологический журнал. — 2018, — Т. 15, № 4. — С. 113–141. DOI: 10.21702/rpj.2018.4.
3. Кузьмин М. Ю. Сравнение идентичности и ее динамики у младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста // Российский психологический журнал. — 2017. -Т. 14, № 2. — С. 67–89. DOI: 10.21702/rpj.2017.2.4
4. Муравьева О. И., Литвина С. А., Богомаз С. А. Средовая идентичность: содержание понятия [Электронный ресурс] // СПЖ. — 2015. — № 58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredovaya-identichnost-soderzhanie-ponyatiya> (дата обращения: 20.01.2018).
5. Kuhn M. H., McPartland T. S. The Empirical Investigation of Self-attitude // American Sociological Review. 1954. Vol. 19, № 1. P. 68–76. DOI: 10.2307/2088175
6. Lalli M. Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings // Journal of Environmental Psychology. V. 12. № 4. 1992.
7. Proshansky H.M., Fabian A. K., Kaminoff R. Place-identity: physical world socialization of the self // Journal of Environmental Psychology. 1983, № 3;
8. Schmitt M. T., Mackay C. M.L., Droogendyk L. M., Payne D. What predicts environmental activism? The roles of identification with nature and politicized environmental identity. Journal of Environmental Psychology, 2019~<61:20–29. DOI: 10.1016/j.jenvp.2018.11.003
9. Tugurian, L. P. Carrier, S. J. Children's environmental identity and the elementary science classroom. Journal of Environmental Education. 2017, 48(3):143–153. DOI: 10.1080/00958964.2016.1191415

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА И УТРАТА: СПЕЦИФИКА РАБОТЫ В РАМКАХ ГЕШТАЛЬТ ПОДХОДА

Мочалкина Анна Александровна

Аспирант, Новосибирский государственный
педагогический университет, г. Ханты-Мансийск
dontdie@mail.ru

PSYCHOLOGICAL INJURY AND LOSS: SPECIFICS OF WORK WITHIN THE GESTALT APPROACH

A. Mochalkina

Summary. The article actualizes the problem of overcoming the post-traumatic condition resulting from injury and loss. The author considers this problem from the standpoint of identifying the therapeutic potential of the gestalt approach. The article describes the concept of gestalt trekking. Its conceptual foundations as a psychotherapeutic method are revealed. The author substantiates the importance of gestalt therapy in the conditions of modern realities, analyzes the views and practical justification of the positive impact of this approach in the work of the gestalt therapist. The article substantiates the effectiveness of the gestalt approach from the standpoint of restoring the integrity of the cycle of realization of needs, the residence of unresolved feelings and emotions with their translation into the necessary life experience. The author also focuses on the methodological specifics of the gestalt approach in the case of dealing with injury and loss through modeling the process of therapeutic treatment, in which it identifies the blocks and stages of gestalt therapy.

Keywords: psychological trauma, loss, gestalt approach, modeling, gestalt therapy model blocks and stages, specific character of the work of the gestalt therapist.

Аннотация. В статье актуализируется проблематика преодоления посттравматического состояния, полученного в результате травмы и утраты. Автор рассматривает данную проблему с позиций выявления терапевтического потенциала гештальт подхода. В статье рассмотрена концепция гештальт подхода. Выявлены его концептуальные основания как психотерапевтического метода. Автор обосновывает важность гештальт терапии в условиях современных реалий, анализирует взгляды и практическое обоснование положительного влияния данного подхода в работе гештальт-терапевта. В статье обоснована эффективность гештальт подхода с позиций восстановления целостности цикла реализации потребностей, проживание неразрешенных чувств и эмоций с переводом их в необходимый жизненный опыт. Автор также акцентирует внимание на методологической специфике гештальт подхода в случае работы с травмой и утратой посредством моделирования процесса терапевтического воздействия, в котором выделяет блоки и стадии гештальт-терапии.

Ключевые слова: психологическая травма, утрата, гештальт подход, моделирование, блоки и стадии модели гештальт-терапии, специфика работы гештальт-терапевта.

Условия современных реалий на сегодняшний день, к сожалению, изобилуют повышающейся распространенностью травмирующих ситуаций в рамках практически всех сторон социальной жизнедеятельности человека. В такой ситуации возрастает роль своевременно оказанной психотерапевтической помощи, благодаря которой возможна прогрессивная динамика в преодолении травмирующего состояния и нивелирования последствий травмы [8].

Явление переживания человеком травмы и утраты как психологически феномен определяется реакцией данного человека на стрессовое воздействие той жизненной ситуации, которая вызвала появление травмирующего состояния. Эта реакция может иметь различную степень глубины внутренних переживания. Однако, если у человека возникает ощущение «жизни до» и «жиз-

ни после» травмы или утраты, то, в данном случае, как правило, психолог диагностирует симптомы шоковой травмы [4; 7].

Тема исследования результативности подходов к преодолению психологических состояния после травмы или утраты широко исследуется в настоящее время в области психологии.

Так, например, исследованию собственно феномена психологической травмы и ее соматических последствий посвящены работы И. В. Никнютевой, Н. И. Козлова и др. [3; 6].

Аспекты психотерапевтической помощи лицам, перенесшим тяжелую психологическую травму или утрату, раскрыты в исследованиях К. А. Якунина, М. В. Новиковой [8].

Специфике профессиональной подготовки практикующих психологов в работе с травмой и утратой, в частности, на основе гештальт-подхода, подробно изучена А. А. Мочалкиной, С. Кондратенко и др. [4; 5].

Необходимо отметить, что достаточно серьезные аспекты разработки данной научной проблематики связывают с возможностями различных подходов в работе с травмой и утратой, среди которых особую нишу занимает гештальт-подход.

Концептуальные основания гештальт подхода актуализируют не анализ прошлой жизни личности в связи с поиском причинно-следственных связей возникновения травмы, а, наоборот, обращают внимание человека на настоящий момент, в котором могут быть прогрессивно оценены и использованы все возможности «здесь» и «сейчас», чтобы осуществить проработку имеющейся проблемы и отыскать в себе силы вернуться к полноценной и содержательной жизни [1; 4].

Гештальт подход в работе с травмой и утратой реализует императив незавершенного действия или ситуации. Это происходит в связи с тем, что глубокая психическая травма, как правило, связана именно с не до конца решенной жизненной ситуацией, эффект респонсивной реакции, в которой остался довольно низким.

Низкий респонсивный эффект вызывает у человека осознание незавершенности соответствующего жизненного момента, что влечет за собой сильную потребность в непроявленных и не пережитых эмоциях, в реализации «не случившихся» чувств. Все эти потребности человека, имеющего сильную травму или утрату «стремятся», влекомые сознанием личности, быть завершенными [4; 5].

Потенциал гештальт подхода позволяет в данном случае восстановить так называемую целостность цикла реализации потребностей, а также преодолеть такие механизмы прерывания цикла контакта как проекция, интроекция, ретрофлексия и слияния.

Говоря о методологической специфике гештальт подхода в случае работы с травмой и утратой, необходимо отметить, что основная фундаментальная область методологии лежит в плоскости техники воздействия на чувства и соматику посредством моделирования психологического эксперимента, в котором также используется и техника диалогического взаимодействия [1; 4; 7].

Анализируя состояние человека (в рамках гештальт подхода), перенесшего травму или утрату, нужно различать разновидность психологической травмы по длительность ее воздействия и степени оказываемого влияния.

Так, например, если травма была получена посредством повторяющихся негативных для человека воздействий, вызывая стабильно переживаемый негативный стресс, то в таком случае принято говорить о травме развития. А, если же, травма или утрата носили внезапный эффект, в контексте которого не произошло эффективной респонсивной реакции на содержание самой травмы, то в данном случае психолог, как раз, имеет дело с травмой шокового характера.

В случае травмы развития психолог, действующий методом гештальт подхода, помогает пациенту выяснить саму сущность незавершенности ситуации, понять, что именно не доведено до конца, что не сделано или что не сказано.

После того, как концепт незавершенности, а также содержание данного концепта осознаны, гештальт-терапевт направляет свою работу на поиск путей символического завершения нужной ситуации.

При травме шокового характера или внезапной утрате гештальт-терапевт констатирует неспособность механизмов адаптации человека в обеспечении нормальной деятельности его психических и психофизиологических функций, исходя из чего шоковый опыт случившейся ситуации создает своеобразную «оболочку» вокруг пациента, в которой, то и дело, бесконечно воплощаются и проявляются переживания, чувства и эмоции, которые для данного человека не могут быть покинутыми и пережитыми на настоящем этапе существования.

Такая «оболочка» может становиться все плотнее, а ее образы все отчетливее и навязчивее, что усугубляет положение человека, который пока не может принять свои переживания, не может говорить о них, оставляя их не переработанными.

В таких случаях, гештальт подход к психотехнологии взаимодействия с человеком, перенесшим шоковую травму или утрату, будет актуализировать методы и приемы восстановления способности данного человека к осознанию и принятию им возможности свободной активности, которая в последствии поможет осуществить поиск и активизировать самопоиск приспособительных механизмов, расширяя тем самым адаптивный потенциал пациента в различных жизненных ситуациях.

Говоря о моделировании процесса гештальт-терапии, можно, таким образом, выделить несколько блоков в работе гештальт-терапевта:

- ◆ блок диагностики, в рамках которого психотерапевтом диагностируется статус самой травмы;

- ◆ блок анализа респонсивных реакций, целью которого является установление так называемой «глубины» травмы, утраты;
- ◆ блок установления контакта.

Блок установления контакта является важным, но не последним в модели процесса гештальт-терапии. В рамках данного блока начинается работа гештальт-терапевта, направленная на поиск и увеличение ресурсов пациента для формирования у него способности построить гештальт с ясными контурами, благодаря чему у пациента появляется возможность скорректировать свой эмоциональный фон для более полного присутствия себя в жизни.

Далее, блок контакта включает в себя так называемый процесс непосредственного «контактирования», в контексте которого пациент переживает эмоции горя, утраты, т.е. те эмоции, которые в процессе травмы остались невостребованными у данного пациента. Этот этап в рамках гештальт подхода отмечается тем, что не пережитые эмоции начинают востребовать своего проявления у человека, перенесшего травму, утрату.

Специфика же данного этапа в работе гештальт-терапевта отличается тем, что пациенту необходимо обеспечить (для переживания эмоций) поддержку, так как, если переживание эмоций будет происходить в одиночестве и человеку будет не с кем поделиться своим горем, то он может не продвинуться далее в проработке сущности своей травмы или утраты.

Если же переживание эмоций пережито пациентом в должной мере, наступает так называемая третья стадия — стадия полного контакта, когда эмоции готовы трансформироваться в действие к объекту травмы, утраты. На данном этапе процесса гештальт-терапии человек приобретает опыт осознания неразрешенных эмоций и умения их переработать на практике. Эта стадия позиционирует результат поиска путей «завершения» не пережитых эмоций в работе с травмой, утратой [4].

- ◆ блок сопровождения, в рамках которого осуществляется стадия пост-контакта, в процессе которой человек принимает опыт утраты и учится вводить его в собственную жизнь в виде необходимого опыта.

Таким образом, подводя итоги статьи, считаем необходимым еще раз отметить, что психологическая травма или утрата в большинстве случаев являются своеобразными катализаторами глубокой внутренней травмирующей ситуации, работа с которой методом так называемого «прямого воздействия» недопустима. Такая позиция в гештальт-терапии обосновывается тем, что процесс прямого подхода к работе с травмой или утратой может вызвать эффект ретравматизации, который может усугубить и без того кажущееся безвыходным положение пациента.

Анализируя концептуальную специфику гештальт-подхода, следует отметить его результирующую опосредованность в работе с травмой и утратой, при которой воздействие на эмоциональную область пострадавшего ведется с привлечением косвенных инструментов, активизирующих возникновение потребности человека в продуцировании не пережитых эмоциональных всплесков и сопутствующих чувств.

Данный механизм воздействия в гештальт-терапии обусловлен тем, что человек, перенесший глубокую травму, утрату, становится зажатым, не гибким, а также теряет способность к жизненной актуализации посредством проявления своего собственного практического опыта жизнедеятельности. Такая ситуация, связанная с неспособностью пережить и трансформировать собственные эмоции, которые вводятся в статус иерархических потребностей человека, требует такого подхода, в рамках которого у пациента возникает необходимость принять и переработать данные эмоции и чувства.

В связи с этим, гештальт-подход, как подход «мягкого» глубинного воздействия, выступает методологическим психотерапевтическим инструментом конформного «лечения» психики пациента, в результате чего полученный жизненный опыт становится принимаемым, осознанным и приобретает статус необходимого в контексте индивидуального течения жизни пациента. Благодаря такому воздействию, человек не только обретает возможность трансформировать собственные эмоции, но и развивает в себе способность к дальнейшему творческому «непатерналистскому» существованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова, И. В. Методы гештальт-терапии в работе с аутистами / И. В. Абакумова, С. С. Кузенко // Северо-Кавказский психологический вестник. — 2008. — № 2. — С. 5–10.
2. Голованова (Верятина), Ю. А. О гештальт-терапии своими словами [Электронный ресурс] / Ю. А. Голованова (Верятина). — 2009. — Режим доступа: <https://www.b17.ru/article/5690/>
3. Козлов, Н. И. Психологическая травма, психотравма [Электронный ресурс] / Н. И. Козлов. — 2014. — Режим доступа: <https://www.psychologos.ru/articles/view/psihologicheskaya-travmazpt-psihotravma>

4. Кондратенко, С. Избранные аспекты работы с горем в гештальт-методе / С. Кондратенко // Российский гештальт. — Вып. 5 / Под ред. Н. Б. Долгополова, Р. П. Ефимкиной. — Новосибирск: Научно-учебный центр НГУ, 2003. — 7 с.
5. Мочалкина, А. А. Вопросы подготовки психологов к работе с травмой и утратой в гештальт подходе / А. А. Мочалкина // Конструктивизм в педагогике и психологии: Сборник статей международной научно-практической конференции. — Казань, 2017. — С. 149–153.
6. Никнютьева, И. В. Психологическая травма [Электронный ресурс] / И. В. Никнютьева. — Москва, 2019. — Режим доступа: <https://www.b17.ru/article/130046/>
7. Сгибов, В. Н. Применение гештальт-подхода при подготовке клинических психологов / В. Н. Сгибов, И. Л. Лан // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество» — 2005. — № 1. — С. 499–501.
8. Якунин, К. А. Аспекты психотерапевтической помощи детям, пережившим тяжелую психологическую травму / К. А. Якунин, М. В. Новикова // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. — 2014. — № 3. — С. 88–96.

© Мочалкина Анна Александровна (dontdie@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Ханты-Мансийск

ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ОРГАНИЗМА У ВЗРОСЛЫХ: ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ (НА ПРИМЕРЕ МЕТОДА «ПОЮЩИХ ЧАШ»)

PSYCHOSOMATIC DISORDERS OF FUNCTIONAL SYSTEMS OF THE ORGANISM IN ADULTS: PSYCHOTHERAPEUTIC HELP (BASED ON THE EXAMPLE OF THE "SINGING BOWLS" METHOD)

**V. Ogui
A. Tarasenko**

Summary. Any mental experience is reflected in one way or another in the physical body of a person: in posture, tension of certain muscle groups, habitual movements. By acting on this reflection, by changing motor stereotypes, can be solved specific psychological problems, get rid of internal conflicts, eliminate the somatic symptoms of mental trauma, which are understood as physical manifestations of emotional experiences and underlie the etiopathogenetic chain of all psychosomatic diseases.

The theory and practice, special methods and techniques of psychocorrection of psychosomatic disorders have been developed in various areas of body-oriented psychotherapy. This article describes the mental and physical effects of "singing bowls", which we recommend to use as a tool for vibro-acoustic massage.

At present, it has been proven that vibroacoustic stimulation of the body can cause relaxation states of various emotional valences and, in general, the psychological, psychotherapeutic and physiological effects of vibro-acoustic effects are colossal.

Keywords: vibroacoustic massage, the method of «singing bowls», health, psychosomatic disorders, bodily psychotherapy.

Огуй Виктор Олегович

Независимый исследователь (Нижний Новгород, РФ)

DoktorNN@yandex.ru

Тарасенко Анна Александровна

Независимый исследователь (Нижний Новгород, РФ)

anettmodi@mail.ru

Аннотация. Все интрапсихические переживания определённым образом находят отражение в физическом теле человека: в его поструральном положении, осанке, напряжении в определенных мышечных группах, привычных движениях. Воздействуя на физиологические последствия психических процессов, меняя двигательные стереотипы, можно с успехом разрешить определённые психологические задачи, а также избавиться от внутренних конфликтов, устранить соматические симптомы психических травм, которые находят отображение в качестве телесных проявлений эмоциональных переживаний и являются фундаментом этиопатогенетической цепочки многих психосоматических заболеваний.

В различных направлениях телесно-ориентированной психотерапии разработаны теория и практика, специальные методики и техники психокоррекции психосоматических расстройств. В данной статье описываются психические и физические эффекты «поющих чаш», которые мы рекомендуем применять, как инструмент для виброакустического массажа.

В настоящее время доказано, что виброакустическая стимуляция тела может вызывать релаксационные состояния различной эмоциональной валентности и, в целом, психологические, психотерапевтические и физиологические эффекты от виброакустического воздействия колоссальны.

Ключевые слова: виброакустический массаж, метод «поющих чаш», здоровье, психосоматические расстройства, телесная психотерапия.

Существует множество определений психосоматики. Главное различие во взглядах исследователей заключается в соотношении психологической и медицинской составляющих. По мнению Николаевой В. В. и Ариной Г. А., психосоматика — это учение о телесной взаимосвязи психических и соматических процессов в организме [29, с. 250]. Манегетти, в свою очередь, больше склоняется к исключительно психиче-

ской природе психосоматических заболеваний, говоря, что психосоматика выражает концепцию гилеморфического единства — единства действия человека. В более узком смысле означает функционально-историческое искажение, вызванное исключительно психической причиной. [29, с. 252]. Обобщая эти и другие научные определения, можно говорить о том, что психосоматика — это междисциплинарное учение о взаимном не-

разделимом функционировании психического и телесного, о неизбежном влиянии психических процессов на соматическую сферу и наоборот.

«К психосоматическим расстройствам (ПСР) относится группа болезненных состояний, возникающих и развивающихся на основе взаимодействия психических и физиологических факторов. ПСР проявляются развитием различных функциональных нарушений органов и систем под влиянием психогенных факторов, соматизацией психических нарушений и психическими расстройствами как реакции на соматические заболевания.» [28, с. 97].

Мы согласны с мнением известного русского психолога Лурия А.Р., который считал, что «нет никаких только психических и только соматических болезней, а имеется лишь живой процесс в живом организме; жизненность его и состоит именно в том, что он объединяет в себе и психическую, и соматическую сторону болезни.» [25, с. 83]

С точки зрения психосоматики, а также телесно-ориентированной психологии — лечить заболевание только лишь средствами фармакотерапии, в то время, как этиологические причины находятся в области психологии, порой безрезультативно и нецелесообразно.

В настоящее время практически каждое психотерапевтическое направление предлагает свои методы коррекции ПСР: суггестивная психотерапия, психосинтез, позитивная психотерапия, гештальт-терапия, когнитивно-поведенческая психотерапия, символдрама, транзактный анализ, арт-терапия, психодрама, танцевально-двигательная терапия, телесно-ориентированная психотерапия, семейная психотерапия, нейролингвистическое программирование.

Выбор направлений и методов коррекции ПСР в каждом конкретном случае зависит от совокупности индивидуальных факторов, личностных особенностей пациента, приверженности терапевта к той или иной психотерапевтической школе, его практическим навыкам.

Телесно-ориентированная психология постулирует тот факт, что любое психическое переживание, состояние, проблема, тем или иным образом отражается в нашем физическом теле: в позе, осанке, напряженности определенных групп мышц, привычных движениях и т.д. Воздействуя на это отражение, изменив двигательные стереотипы, можно решить конкретные психологические задачи, избавиться от внутренних конфликтов, осознать свои внутренние ресурсы. Важно, что соматические симптомы психических травм

понимаются как телесные проявления эмоциональных переживаний.

В различных направлениях телесно-ориентированной психотерапии разработаны теория и практика, специальные методики и техники психокоррекции ПСР. В настоящее время используются методы работы с телом и как в непосредственном телесном контакте с психотерапевтом, так и опосредованно, без прикосновений.

Виброакустическая стимуляция тела может вызывать релаксационные состояния различной эмоциональной валентности. Уровень проводимости кожи тонической электродермальной активности является показателем симпатического возбуждения вегетативной нервной системы и, следовательно, показателем релаксационного ответа. Психологические, психотерапевтические и физиологические эффекты от виброакустического воздействия колоссальны.

Виброакустическая терапия — это сравнительно новое нелекарственное направление, использующее звук слышимого диапазона как источник механических вибраций, напрямую передающихся телу человека [26, с. 2].

Данный вид массажа, выполняемый контактным или бесконтактным способом, с применением «тибетских поющих чаш» (ТПЧ), оказывает комплексное саногенное физиологическое действие на сердечно-сосудистую, лимфатическую, вегетативную системы и на психоэмоциональное состояние человека. Виброакустический массаж поющими чашами (ВАМПЧ) позволяет дифференцированно, по специальной технологии воздействовать на отдельные части тела, центральную и периферическую нервную систему, на ткани и системы органов [27, с. 56].

В предыдущих наших работах мы уже обосновывали эффективность вибрационно-акустического массажа «поющими чашами» (ВАМПЧ), как эффективного метода при лечении субклинических нарушений эмоций и сна и оценивали эффективность ВАМПЧ в коррекции тревожных и инсомнических расстройств [26, 27].

Так же мы обосновали эффективность применение данного массажа для быстрой и нелекарственной коррекции тревожной симптоматики, что позволило нам рекомендовать его применение в условиях оздоровительных и психологических центров, а также для преподавания массажистам широкого профиля.

Углубляясь в механизм действия ВАМПЧ, важно отметить, что любая живая система от клеточных орга-

нелл (ядро, хромосомы) до клеток тканей (эритроциты, капилляры) характеризуется наличием высокочастотных механических колебаний. Это позволяет считать колебательные процессы одним из главных проявлений жизни [2].

Экспериментальные факты свидетельствуют о том, механические колебания участвовали в создании биологических структур при истоках зарождения жизни. Колебательные процессы сопровождают жизнь на разных ступенях ее организации. Они являются постоянно действующим фактором на нашей планете и наблюдаются во всех сферах [5, с. 19].

Обнаружено, что существует непосредственное преобразование энергии космического происхождения (электромагнитного излучения) в интенсивные акустические колебания атмосферы, гидросферы и литосферы. Эти акустические колебания могут быть в различных диапазонах — от слышимых звуков до акустико-гравитационных волн. В свою очередь, сами звуковые волны могут сопровождаться электромагнитными излучениями [5, с. 16].

В соматической медицине, виброакустическая терапия уже давно нашла своё место. Одним из методов физиотерапии, применяемых в комплексном лечении различных заболеваний, является виброакустическое воздействие (ВAV). Целью одного из современных исследований было изучение влияния ВAV на клеточную динамику очага воспаления. Результаты экспериментального исследования показали, что физиотерапевтический фактор ВAV оказывает противовоспалительное действие благодаря активному вовлечению клеточных компонентов физиологических мер защиты организма [14, с. 340].

Активация механизмов саногенеза под влиянием ВAV привела к его включению в физиотерапевтический комплекс для лечения острого простого бронхита у детей, что позволило сократить сроки их лечения. Противовоспалительный эффект ВAV заключается в ограничении альтеративных и усилении репаративных явлений, учитывая, что нейтрофилы играют ведущую роль в развитии воспалительного процесса, а моноциты-макрофаги и фибробласты — в его затухании.

Виброакустическое воздействие может быть показано при кровотечениях, гиполактинии, нарушении овариально-менструальной функции [15].

Показано, что вибрационный массаж может нормализовать корково-подкорковые отношения, улучшить состояние эндокринной системы, повысить лабильность нервных центров. «Оно обладает выраженным

трофическим, обезболивающим, антиспастическим и противовоспалительным действием, а также ускоряет процессы регенерации и репарации, в том числе и нервных волокон. Например, курс вибромассажа поясничной области благоприятно влияет на восстановительные процессы травмированных седалищных или локтевых нервов [16].

Установлено положительное действие вибромассажа в лечении больных с неврологическими проявлениями остеохондроза. Таким образом, применение вибрации было успешным при лечении ряда заболеваний: неврологических проявлений остеохондроза позвоночника, травматических поражений нервных стволов конечностей, детских церебральных параличей, при гинекологических, бронхолегочных и других заболеваний.

Положительные результаты при использовании вибротерапии получены также при лечении эндартерита, сколиоза. Эффект вибрационной терапии подтверждается стойкостью и длительностью сохранения достигнутых результатов в отдаленные сроки.» [7]

Влияние лечения монохордом и прослушивания расслабляющей музыки (рандомизированное клиническое исследование) на эктодермальную активность и уровень кортизола в связи с эмоциональной валентностью опыта были исследованы у пациентов с психосоматическими расстройствами в одном из современных исследований зарубежных авторов [18, с. 190]. Образцы слюнного кортизола собирали непосредственно до и после экспозиции. Субъективный опыт измерялся с помощью шкал самооценки.

В целом, как воздействие монохорда, так и воздействие расслабляющей музыки вызывали улучшение настроения пациентов и вызывали очень значительное снижение ЭДА (эктодермальной активности). Более эмоционально положительный опыт расслабления коррелировал с немного более сильным снижением ЭДА. Оба условия лечения вызывали небольшое увеличение слюнного кортизола, которое было значительным после воздействия первой обработки. Возможно, что состояние релаксации воспринималось как эмоциональный вызов из-за внутренних образов и необычных ощущений, которые могли возникнуть.

ЭДА обозначает изменения электрической проводимости кожи и рассматривается как индикатор изменений в возбуждении вегетативной симпатической нервной системы. Тонический уровень проводимости кожи, который включает в себя медленные спонтанные колебания активности симпатической инклюзивной потовой железы, считается допустимым параметром

для реакции расслабления и считается индикатором общего возбуждения [13].

Более того, ЭДА считается ключевым индикатором эмоциональной активности. Различные исследования показали связь между снижением тону́са ЭДА и индукцией приятных эмоций, таких как удовлетворенность (описывается как чувство благополучия, расслабления и умиротворения) и чувства безопасности. Неприятные эмоции, такие как гнев, беспокойство, страх и отвращение, связаны с увеличением тону́са ЭДА [14].

Помимо активации симпатической нервной системы, высвобождение кортизола, который модулируется осью надпочечников гипофиза, является еще одним показателем психофизиологической реакции на стресс. Слюнный кортизол считается достоверным показателем кортизола в плазме [19] и наиболее распространенным биологическим параметром в исследованиях стресса. Несколько исследований показали прямое влияние различных методов релаксации на снижение уровня кортизола [17–21].

Аналогичным образом, прослушивание музыки оказывает модулирующее влияние на высвобождение кортизола. Например, медитационная музыка была связана со снижением уровня кортизола [14, с. 98], прослушивание музыки после индукции стрессовой реакции привело к более сильному снижению уровня кортизола, а прослушивание музыки во время инвазивных медицинских вмешательств было связано с более низким повышением уровня кортизола [23, с. 2].

Техники релаксации и медитации обычно характеризуются фокусировкой внимания, что связано с увеличением фронтальной ЭЭГ-тета. В некоторых исследованиях [19, с. 113] по восприятию музыки наблюдалась активация тета-волн во время эмоционально положительной атрибуции, другие показывали латерализацию электрокортикальных процессов в атрибуции музыки, вызванной эмоциями различной валентности.

В одном из исследований [20, с. 67] изучались эффекты виброакустической стимуляции с использованием монохорда тела и обычной музыки для релаксации с аудио компакт-диска на спонтанную ЭЭГ пациентов, страдающих психосоматическими заболеваниями. Каждая процедура занимала около 20 минут.

Субъективный опыт записывался по шкале самооценки. Спектры мощности ЭЭГ полос Theta, Alpha-1 и Alpha-2 были проанализированы и сопоставлены между двумя условиями. Не было зафиксировано латерализации электрокортикальной активности с точки зрения эмоционального опыта переживания музы-

кальных произведений. Снижение мощности Альфа-2 произошло во время обеих процедур. Эмоционально положительная атрибуция переживания виброакустически вызванного состояния релаксации характеризуется более выраженным освобождением от негативно-го компонента. Спонтанная ЭЭГ показала увеличение мощности тета-волн, особенно в лобной медиальной и центральной медиальной области [19, с. 115].

Как подробно описано в некоторых исследованиях [25], лечение с помощью виброакустических методов используется в качестве телесно-ориентированной музыкальной терапии, в которой используется виброакустическая стимуляция с целью индукции ощущения глубоких релаксационных состояний и чувства измененного восприятия тела [26].

К примеру, исследования по терапевтическому применению виброакустической стимуляции с помощью Body Monochord были проведены с онкологическими пациентами [18, с. 298] и пациентами с паллиативной помощью. Сообщалось о положительных эффектах, таких как уменьшение тревоги и улучшение самочувствия, а также расслабления и успокоения [18, с. 300].

В одном исследовании изучалось, отличается ли виброакустическая стимуляция с помощью специальных инструментов от прослушивания музыки для релаксации с аудио CD относительно реакции психофизиологической релаксации, а также изменением тонической электродермальной активности и уровня кортизола в слюне у пациентов с психосоматическими расстройствами.

Было показано, что музыка в сочетании с тактильным восприятием низких частот, оказывает более сильное влияние на снижение артериального давления и улучшение самочувствия у депрессивных пациентов, чем простое слуховое восприятие музыки [20, с. 160].

В одном из исследования авторов, посвященном виброакустическим эффектам, каждый пациент получил 20-минутную экспозицию монохорда и 20-минутную презентацию медленной согласной расслабляющей музыки (фортепьяно с фортепианным сопровождением), которая была воспроизведена на аудио-CD. Струны Body Monochord были настроены на пятую настройку (высоты тона: D3, A2, D2, с дополнительными A1 и D1 по три струны в каждой), что позволило ему издавать звук с разнообразным обертоном спектром. Монохорд тела был построен производителем музыкальных инструментов Бернхардом Дойцем в Берлине.

Предыдущие исследования о влиянии музыки и/или медитации на уровень кортизола, в основном из-

учали здоровых людей, не страдающих психологическими расстройствами [15, с. 110]. Поскольку пациенты в исследовании [18, с. 299] страдали от депрессивных расстройств, тревожных расстройств, расстройств адаптации и соматоформных расстройств, которые, как предполагалось, связаны с отдельными психосоциальными стрессовыми факторами, часть их стрессовых факторов могла бы активироваться после виброакустической стимуляции и прослушивания музыки. Однако воздействие как виброакустического воздействия, так и расслабляющей музыки привело к повышению настроения и снижению тревожной депрессии, гнева и вялости (измерения шкалы настроения BMS — Berlin).

Состояние релаксации, вызванное виброакустической стимуляцией или прослушиванием музыки на CD, связано с уменьшением электродермальной активности и, следовательно, симпатического возбуждения, которое было более выраженным во время более высоких эмоционально положительных ощущений во время лечения.

Выявленные рядом автором физиологические эффекты «поющих чаш», такие, как — снижение показателей кровяного давления, значимая редукция уровня соматической боли, ликвидация мышечного спазма — позволяют расширить показания для применения медитаций с «поющими чашами» у группы пациентов с психосоматической патологией или с сопутствующими хроническими заболеваниями. Данный вид медитации прост в применении на практике ввиду того, что звуки «поющих чаш» вызывают изменения электрической активности головного мозга, приводя к автономному состоянию глубокой релаксации, которую, зачастую, бывает сложно добиться у некоторых групп пациентов [1–4].

В другом исследовании, были изучены психологические и физиологические критерии (до и после 60-дневного эксперимента с бинауральными ритмами). Психологические критерии: депрессия (Inventory-2 Beck Depression Inventory-2), тревожность (State-Trait Inventory), настроение (Profile of Mood State), поглощение (Tellegen Absorption Scale) и качество жизни (World Health Organization-Quality of Inventory). Физиологические эффекты: кортизол, дегидроэпандростерон, мелатонин, инсулиноподобный фактор роста-1, серотонин, дофамин, адреналин, норэпинефрин, вес, артериальное давление, высокочувствительный C-реактивный белок. Наблюдались следующие значимые результаты исследования: снижение тревожности ($p = 0,004$), повышение субъективного качества жизни ($p = 0,03$), снижение инсулиноподобного фактора роста-1 ($p = 0,01$) и дофамина ($p = 0,02$) [3, с. 26].

Если объединить полученные научные данные, которые были убедительно продемонстрированы в исследованиях последних лет — становится очевидным, что телесные практики и техники психокоррекционного и психосоматического воздействия важно уметь сочетать. Мы считаем, что виброакустический массаж поющими чашами, с высокой степенью вероятности относится к такому уникальному сочетанию физического и звукового психотерапевтического воздействия, которое позволяет дифференцированно, по специальной технологии, воздействовать на отдельные части тела, центральную и периферическую нервную систему, на ткани и системы органов.

Основой метода ВАМПЧ-терапии является использование резонансного контакта терапевта с телом клиента, основанного на представлении о неразрывной связи тела и духовно-психического состояния, которое лежит в основе всех психосоматических расстройств [26, с. 1].

Психические и физические эффекты «поющих чаш», а также бинауральные ритмы и медитативные техники, наряду со стандартными методами групповой и индивидуальной психотерапии, позволяют добиться клинически выраженного противотревожного, анксиолитического, а также целого ряда психосоматических эффектов.

Выявленные физиологические эффекты, такие, как — снижение показателей кровяного давления, значимая редукция уровня соматической боли, ликвидация мышечного спазма — позволяют расширить показания для применения медитаций с «поющими чашами» и ВАМПЧ у группы пациентов с психосоматической патологией или с сопутствующими хроническими заболеваниями. Данный вид психотерапии прост в применении на практике, а звуки «поющих чаш» неизменно вызывают изменения электрической активности головного мозга, приводя к автономному состоянию глубокой релаксации, которую, зачастую, бывает сложно добиться у некоторых групп пациентов [27].

Наряду с накопившейся теоретической и эмпирической базой зарубежных исследований, нашим коллективом авторов ранее была предложена авторская немедикаментозная методика вибрационно — акустического массажа для уменьшения симптомов тревожных и инсомнических нарушений, которая оправдала себя в результате проведенного исследования и позволила рекомендовать её применение в условиях медицинских, оздоровительных и психологических центров, а также для преподавания массажистам широкого профиля [26, с. 2].

Таким образом, методы виброакустического воздействия на психику и организм человека, акцентированы на знакомстве клиента с собственным телом, подразу-

мевающем расширении осознания им телесных ощущений, исследование того, как потребности, желания и психические проблемы кодируются в различных телесных состояниях. Обучение реалистичному разре-

шению внутренних конфликтов в этой области, а также курс ВАПМЧ — являются эффективными способами устранением этиологических факторов психосоматической патологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Allen L, Shealy N. An exploration of the effects of toning and quartz crystal bowls on the energetic balance in the body as measured electrically through the acupuncture meridians. *Subtle Energies Energy Med.* 2005;16(2):5–8.
- Binaural beat technology in humans: a pilot study to assess psychologic and physiologic effects. Wahbeh H, Calabrese C, Zwickey H.J *Altern Complement Med.* 2007 Jan-Feb;13(1):25–32.
- Booij SH, Bos EH, de Jonge P, Oldehinkel AJ. The temporal dynamics of cortisol and affective states in depressed and non-depressed individuals. *Psychoneuroendocrinology.* 2016; 69, 16–25 pmid:27017429
- Bradt J., Dileo C. Music for stress and anxiety reduction in coronary heart disease patients. *Cochrane Database Systematic Review:* 2009; 12: CD006577.
- Bradt J., Dileo C., Grocke D., Magill L. Music interventions for improving psychological and physical outcomes in cancer patients. *Cochrane Database Systematic Review.* 2011; 8: CD006911.
- Calbrese C, Zwickey H. Binaural beat technology in humans: A pilot study to assess psychologic and physiologic effects. *J Altern Complement Med.* 2007; 13 (1), 25–32. [PubMed]
- Cella D. *Manual of the Functional Assessment of Chronic Illness Therapy (FACIT) Scales,* 1997.
- Chan M F, Chung YF, Chung S W, Lee OK. Investigating the physiological responses of patients listening to music in the intensive care unit. *Journal of Clinical Nursing.* 2009; 18(9), 1250–1257 pmid:18775053
- Gingras B, Pohler B, Fitch WT. Exploring Shamanic Journeying: Repetitive Drumming with Shamanic Instructions Induces Specific Subjective Experiences but No Larger Cortisol Decrease than Instrumental Meditation Music. *PLOS ONE,* 2014; 9(7): e102103. pmid:24999623
- Han L, Li JP, Sit JW, Chung L, Jiao ZY, Ma WG. Effects of music intervention on physiological stress response and anxiety level of mechanically ventilated patients in China: a randomised controlled trial. *Journal of Clinical Nursing.* 2010; 19(7–8), 978–987 pmid:20492042
- Hellhammer D, Wüst S, Kudielka B. Salivary cortisol as a biomarker in stress research. *Psychoneuroendocrinology.* 2009; 34, 163–171 pmid:19095358
- Hoyt LT, Craske MG, Mineka S, Emma K, Adam EK. Positive and Negative Affect and Arousal: Cross-Sectional and Longitudinal Associations With Adolescent Cortisol Diurnal Rhythms, *Psychosomatic Medicine.* 2015; 77, 392–401 pmid:25905661
- Incollingo Rodriguez AC, White ML, Standen EC, Seckl JR, Tomiyama AJ. Hypothalamic-pituitary-adrenal axis dysregulation and cortisol activity in obesity: A systematic review. *Psychoneuroendocrinology.* 2015; 62, 301–318 pmid:26356039
- Koelsch S, Fiermetz J, Sack U, Bauer K, Hohenadel M, Wiegel M, et al. Effects of music listening on cortisol levels and propofol consumption during spinal anesthesia. *Frontiers in Psychology.* 2011; 2, 58, 1–9
- Kreibig SD. Autonomic nervous system activity in emotion: A review. *Biological Psychology.* 2010; 84, 394–421 pmid:20371374
- Landry JM. Physiological and psychological effects of a Himalayan singing bowl in meditation practice: a quantitative analysis. *Am J Health Promot.* 2014;28:306–309. [PubMed]
- Lee E-J, Bhattacharya J, Sohn C, Verres R. Monochord sounds and progressive muscle relaxation reduce anxiety and improve relaxation during chemotherapy: a pilot study. *Complementary Therapies in Medicine.* 2012; 20, 409–416 pmid:23131371
- Sandler H, Fendel U, Peters E, Rose M, Bösel R, Klapp BF. Subjective experience of relaxation — induced by vibroacoustic stimulation by a Body Monochord or CD music—a randomised, controlled study in patients with psychosomatic disorders. *Nordic Journal of Music Therapy.* 2015.
- Sandler H, Tamm S, Fendel U, Rose M, Klapp BF, Bösel R. Positive emotional experience—induced by vibroacoustic stimulation using a Body Monochord in patients with psychosomatic disorders—is associated with an increase in EEG-theta and a decrease in EEG-alpha power. *Brain Topography.* 2016.
- Sandstrom GM, Russo FA. Music hath charms: the effects of valence and arousal on recovery following an acute stressor. *Music and Medicine.* 2010; 2, 137–143
- Teut M, Dietrich C, Deutz B, Mittring N, Witt CM. Perceived outcomes of music therapy with Body Tambura in end of life care — a qualitative pilot study. *BMC Palliative Care.* 2014; 13(1), 18 pmid:24708801
- Warth M, Kessler J, Kotz S, Hillecke TK, Bardenheuer HJ. Effects of vibroacoustic stimulation in music therapy for palliative care patients: a feasibility study. *BMC Complementary and Alternative Medicine.* 2015; 15:436 pmid:26669437
- Weeks BP, Nilsson U. Music interventions in patients during coronary angiographic procedures: A randomized controlled study of the effect on patients' anxiety and well-being. *European Journal of Cardiovascular Nursing.* 2011; 10, 88–93 pmid:20685168
- Евстафеева Е. А., Филиппенкова С. А. Психосоматическая проблема в контексте психологии здоровья // Актуальные проблемы психосоматики в общемедицинской практике: сб. науч. ст. — СПб., 2014. — С. 68–70.
- Лурия П.А. Внутренняя картина болезни и ятрогенные заболевания. 4-е изд. Москва: Медицина; 1977. 85 с
- Огуй В. О. Вибрационно — акустический массаж в коррекции тревожных и инсомнических нарушений. Внедрение в науку и практику / Огуй В. О., Свирищ Е. Н., Тарасенко А. А. // Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции «Проблемы внедрения результатов инновационных разработок» (Самара, 22.06.2018 г.) / в 2 ч. Ч. 2 — Стерлитамак: АМИ, 2018. — С. 56–59

27. Огуй В. О. Эффективность виброакустического тибетского массажа для снижения уровня тревожности Огуй В. О., Свищ Е. Н., Свищ Е. В. // Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития науки в России и мире» (Челябинск, 08 апреля 2018 г.) / в 2. ч. Ч. 2 — Стерлитамак: АМИ, 2018. — С. 14–16
28. Петрова Н. Н. Основы психосоматической медицины: учеб.-метод. пособие. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2013. — 72 с.
29. Сторожкова Г. И. Расстройства психосоматического спектра: патогенез, диагностика, лечение: руководство для врачей / под ред. Г. И. Сторожкова, В. К. Шамряя. — СПб.: СпецЛит, 2014. — 303 с.: ил

© Огуй Виктор Олегович (DoktorNN@yandex.ru), Тарасенко Анна Александровна (anettmodi@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Нижний Новгород

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

VALUE-SEMANTIC ORIENTATIONS OF PROFESSIONAL DETERMINATION

A. Ostrik

Summary. the article is devoted to the construction of theoretical foundations of value and semantic reference points in the context of professional definition of students.

The article analyzes the relationship between the concepts of professional definition and self-determination, value and semantic guidelines and orientation. The conditions of development and formation of value and semantic reference points in the educational environment of secondary school are discussed.

The author reveals the ideas of formation and development of value and semantic reference points in the inextricable connection of social and interpersonal interaction, as well as the idea of self-development through the inclusion of this person in the reflexive-evaluative activity.

Keywords: values, meaning, value-semantic orientation, orientation, orientation, professional identity, professional orientation, interaction, environment, needs, maturity of personality, life choices.

Острик Антонина Александровна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-
Педагогический университет»
Ostrikaa@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена построению теоретических оснований ценностно-смысловых ориентиров в контексте профессионального определения учащихся.

Анализируются соотношения понятий профессиональное определение и самоопределение, ценностно-смысловые ориентиры и ориентации. Обсуждаются условия развития и формирования ценностно-смысловых ориентиров в образовательной среде общеобразовательной школы.

Раскрываются идеи формирования и развития ценностно-смысловых ориентиров в неразрывной связи социального и межличностного взаимодействия, а также идея саморазвития через включение этой личности в рефлексивно-оценочную деятельность.

Ключевые слова: ценности, смысл, ценностно-смысловые ориентиры, ориентации, ориентиры, профессиональное самоопределение, профессиональное определение, взаимодействие, среда, потребности, зрелость личности, жизненный выбор.

Направленность на инновации в современном обществе, предполагает наличие высокой зрелости личности, ориентированной на успешность, продуктивность и саморазвитие во всех сферах общественной жизнедеятельности, способной адаптироваться к меняющимся условиям жизни и творчески преобразовывать их. В связи с этим существенно возрастают требования к качеству подготовки выпускников среднего полного образования. Это выражается, прежде всего, в способности обучающихся сознательно выбирать будущую профессиональную деятельность, и выбрать ее таким образом, чтобы впоследствии адекватно включиться в решение насущных задач социально-экономического развития страны. Специфика жизненного выбора связывается с характеристиками зрелой личности (Носкова Н. В., 2008; Петровский В. А. 1996, Леонтьев Д. А., 1997, 2002). В ряду жизненных выборов личности чаще исследуются профессиональный выбор (Климов Е. А., 1972; Митина Л. М., 1997, 1998; Пряжников Н. С., 1996; Пряжникова Е. Ю. и др.), тем самым обеспечивается конкурентоспособность будущих специалистов, их социализация в быстро изменяющихся социально-экономических, информационно-профессиональных условиях и ценностно-смысловых ориентирах. С точки зрения ав-

тора статьи, именно ценностно-смысловые ориентиры, направленные на выбор жизненного пути, лежат в основе создания целостной теории профессиональной ориентации в школе.

В сложившейся теории и практике профориентационной работы одной из наименее изученных проблем являются ценностно-смысловые ориентиры профессионального определения. Понятие «определение» (в отличие от более привычного понятия «самоопределения») в этой связи фиксирует необходимость разработки психологического сопровождения профориентации, предполагающего активную профессиональную позицию психолога-профориентолога, несущего ответственность за создание психологических и организационных условий для сознательного выбора профессии с учетом личностных особенностей учащихся.

В психологическом сопровождении профессионального самоопределения, трактуемого таким образом, важное место занимают ценностно-смысловые аспекты выбора профессии, которые недостаточно исследованы современной психологической наукой. Основной акцент в изучении проблем профориентации в психоло-

гических исследованиях делается на анализе и обобщении данных об уже предполагаемых профессиональных предпочтениях, но не на их ценностно-мировоззренческих основаниях.

Между тем, именно последние в настоящее время имеют особую значимость, связанную как с необходимостью добросовестного отношения к выполняемым профессиональным обязанностям, так и с адекватным пониманием той или иной профессии как общественно значимой, а не только средством личного обогащения. Многочисленные факты коррупции, мошенничества, имитации реальной профессиональной активности и т.д. свидетельствуют об отсутствии у многих выбравших ту или иную профессию ценностно-мировоззренческих ориентиров, необходимых для выработки профессиональной этики и социальной ответственности за результаты своей профессиональной деятельности.

По мнению современных исследователей (Исаева Е.Ю., Исаева Ю.В. [11]) усиление динамики социальных противоречий обостряет вопросы ценностно-смыслового самоопределения современной молодежи. Исходя из этого, мы полагаем, что развитие и функционирование систем личностных смыслов и ценностных ориентаций носит взаимосвязанный и взаимодействующий характер. Особую значимость приобретает выделение ценностно-смысловых ориентиров, способствующих выбору профессии как выбору жизненного пути.

Теоретико-методологической основой исследования служит культурно-историческая теория Л.С. Выготского и концепция С.Л. Рубинштейна, предполагающие реализацию целостного системного подхода к человеку и миру, а также принцип единства сознания, практического действия и рефлексии в профессиональном самоопределении.

В процессе профессионального самоопределения актуализируются личностные и жизненные ценности индивида. М.В. Сергеева определяет жизненное самоопределение как «целостный процесс развития мотивационно-потребностной сферы, мировоззренческих установок, индивидуальных способностей и свойств, личности, необходимых для наиболее полной самореализации и сознательного выбора социальных ролей» [22]. С точки зрения Н.С. Пряжникова и Е.Ю. Пряжниковой [20], Е.А. Климова [14, 15], Э.Ф. Зеера [9], В.В. Чебышевой [24], профессиональное самоопределение рассматривается как сложный процесс неотделимый от целостного развития личности и деятельности человека в зависимости от стадии его развития как субъекта трудовых и деловых межличностных отношений (Е.А. Климов [15]). Основными критериями самоопределения следует считать

уровень понимания личностью смысла жизни, смену воспроизводящего вида деятельности и полноту уровня соотнесенности «хочу» — «могу» — «есть» — «требуют» у конкретной личности [21].

В отличие от *ориентации* личности на те, или иные ценности и смыслы, носящей достаточно устойчивый характер употребляемое нами понятие «*ориентир*» показывает возможность их изменчивости под влиянием тех или иных внутриличностных или внешних факторов. По данным различных наблюдений в условиях размывания устойчивых общественных ценностных ориентиров в современном обществе профориентационный выбор, особенно у подростков и молодежи, все больше смещается в сторону принятия ситуационных решений в области профессионального самоопределения в результате тех или иных внешних воздействий (пожеланий родителей, мнения сверстников, моды, воздействия СМИ, Интернета и пр.). Соответственно актуально изучение процесса возникающих профессиональных ориентиров, которые со временем для многих выбирающих профессию могут стать устойчивыми профессиональными ориентациями, имеющими жизненно важное значение.

Нуждается в дополнительном разъяснении и понятие «ценностно-смысловые ориентиры», как и различие понятий «ценности» и «смыслы». В отечественной психологии ценность рассматривается как основа личностных ориентаций, связанных с достижением «потребного будущего», выступающего в качестве той или иной нравственной нормы и эталона для собственных действий и устремлений. Как психологический процесс ценностная ориентация разворачивается в виде движения от «будущего» к «настоящему» и носит в большинстве случаев опережающий характер по отношению к тем или иным видам человеческой активности. Имея желательный, ценностно окрашенный образ или идеал будущего, индивид способен выстраивать соответствующие планы своих действий и претерпевать многие нежелательные жизненные обстоятельства, что в условиях распространенных социальных неблагополучий в современном обществе становится для многих членов общества единственной возможностью обретения смысла собственного существования.

Тем самым ценности начинают взаимодействовать со смыслами в реальной жизнедеятельности, обретая необходимую конкретизацию и программность для решения актуальных жизненных задач. В профориентологическом контексте важным является также различие понятий «смысл» и «значение», которые достаточно часто употребляются как синонимы, в значительной мере обедняя представления исследователей о проблемах, связанных с профессиональным самоопределением.

Так, отмечается, что понятие «смысл» более уместно употреблять для обозначения того, что является важным и содержательным для самого индивида, а «значение» фиксирует общеупотребительное содержание безотносительно к его пониманию и значимости отдельными индивидами. Если «смыслы» и «значения» никак не связываются друг с другом той или иной личностью, то мы имеем дело с психической неадекватностью. Еще один патологический вариант — поглощение индивидуальным смыслом тех или иных значений или наоборот — растворение личностных смыслов в общепринятой системе значений. В первом случае наблюдается движение к аутизму и безграничному индивидуализму. Во втором случае — налицо тенденция обезличивания человека, потеря им самоидентичности.

Эти «нестыковки» смыслов и значений в сопоставлении с системой принятых ценностей и составляют основное проблемное поле психологических исследований профессионального самоопределения. Так, особой психологической проблемой является выбор личностью тех ценностей, которые позволяют найти органичную взаимосвязь смыслов и значений для отдельной личности.

В настоящее время в системе профессионального выбора и отбора, предлагаемого обществом, преобладают ценности меркантилизма и «жизненного успеха», трактуемого как высокий уровень удовлетворения материальными благами. Этот акцент в предлагаемом выборе профессий постоянно воспроизводит все новые фрустрации у тех, кто рискует попасть в число «неудачников», выбравших «не ту профессию», как не приносящую больших материальных выгод. Психологически незащищенными от этих внутренних состояний оказываются также и многие «успешные» люди, отказавшиеся от выбора профессии как жизненного призвания.

Очевидно, что актуальной задачей профессионального определения в этой ситуации с помощью психологического сопровождения становится смещение акцентов в самосознании оптантов в сторону общественного служения и реализации индивидуальных интересов и запросов в выборе профессии, связанных с самим содержанием той или иной трудовой деятельности.

Первым шагом в этой работе должно стать изменение психологического отношения к труду как к таковому в качестве жизненной ценности. В настоящее время одним из препятствий для полноценной профориентации особенно подростков и молодежи является распространенность консюмеризма как образа и стиля жизни. Насаждаемые рекламой, СМИ, многими образовательными учреждениями установки на «цивилизованное потребление» дезориентируют многих молодых людей в мире профессий, в которых предпочитают видеть воз-

можность личного обогащения, но не условие творческой самореализации в созидательном труде.

Характерным в этой связи креном на рынке труда является высокая престижность профессий юриста, экономиста, менеджера, оцениваемых чаще всего как источник материальной выгоды (данные наблюдений и опросов абитуриентов многих вузов подтверждают эту тенденцию). В массовое же сознание постоянно вбрасывается в качестве наиболее востребованной деятельность предпринимателя, бизнесмена, что смещает ценностно-смысловые ориентиры в профессиональном самоопределении в сторону личного жизненного благополучия, зачастую в ущерб общественным интересам. Тем самым происходит скрытая или явная криминализация сознания значительной части общества, стремящейся задавать основные «тренды» в профессиональном самоопределении.

Психологический ущерб от такой обработки массового сознания огромен и выражается в стремлении искать самые различные «обходные пути» в приобретении максимальной выгоды от той или иной профессии, которые противоречат как моральным, так и правовым нормам. «Криминальность» в профессиональном самоопределении зарождается уже на уровне выбора тех или иных жизненных ценностей тем или иным индивидом и состоит в жестком противопоставлении, часто уже в подростковом возрасте, между выполняемой социальной ролью и ее личностно-психологическим содержанием.

Так, например, роль учащегося многими представителями порастающего поколения оценивается как, прежде всего, переход к будущему приобретению тех или иных жизненных благ (подготовка с этой целью к поступлению в «престижные» вузы, поиск «выгодных» в материальном отношении профессий и т.д.), но не как возможность собственного саморазвития и самосовершенствования. В этой связи становится вполне объяснимым низкий престиж в глазах многих подростков и молодежи рабочих профессий, предлагающих возможности реальной пользы обществу через соответствующий созидательный труд.

В духовно-ценностном аспекте такая жизненная позиция может изучаться в качестве дихотомии «быть» и «казаться». Характерно, что одной из самых распространенных профессий в современном обществе становятся специалисты по «пиар-технологиям», способные «создавать впечатление» для потенциальных потребителей того или иного товара или услуги. Распространенность формальных показателей успеваемости (опять надо «успеть») в образовательных учреждениях и унифицированность требований к учащимся закрепляет за многими из них в качестве желательного поведенче-

ского стереотипа формирование внешнего образа «примерного» ученика при отсутствии собственных устойчивых жизненных и ценностных ориентаций, собственной личностной позиции по отношению к принятой роли учащегося. Если такая позиция и появляется, то она чаще всего является негативной. По данным последних опросов учащихся можно сделать вывод, что стремительно растет доля тех, кто школу «терпит», но «не любит» и это становится распространенной тенденцией. Тем самым, в среде подрастающего поколения формируется привычный стереотип лицемерного и циничного отношения к окружающему миру, что, как отмечалось выше, становится предпосылкой для последующего формирования криминальной психологии, извращающей сам смысл профессионального самоопределения.

Таким образом, психологическое содержание профессионального определения должно заключаться, прежде всего, в формировании жизненной позиции, направленной на служение обществу. Эта позиция должна стать определяющей в выборе жизненных ценностей и смыслов и может складываться преимущественно через соответствующую систему взаимоотношений с окружающими на основе *сотрудничества* и взаимопонимания. В задачи психолога-исследователя и психолога-консультанта должно в этом случае входить создание психологической среды разнообразного самопроявления учащихся в интересах окружающих и в соответствии с личностными особенностями.

Это, прежде всего, поле неформальных межличностных взаимодействий, не привязанных однозначно к выбору профессии, но к развитию умений «дружить и любить», развиваемых в специально организуемых игровых и интерактивных формах на соответствующем культурно-познавательном материале. В качестве последнего могут выступать произведения литературы и искусства, в которых широко отражена проблематика жизненного призвания, «лишнего человека», выбора жизненных ценностей и т.д., т.е. класса проблем, без обсуждения и осмысления которых профориентационная работа лишается каких-либо внятных ценностно-смысловых ориентиров.

Специально организуемый на литературно-художественном материале психологический тренинг может быть основан на организации диалога и разнообразных интеракциях, актуализирующих познавательное и ценностное содержание произведений литературы и искусства. Тем самым создается необходимое аксиологическое пространство и реализуются соответствующие когнитивные технологии, способствующие, прежде всего, личностному самоопределению и самоидентификации учащихся как основы будущего выбора профессии [16,17].

В задачи статьи не входит подробное рассмотрение такого тренинга как и соответствующей психодиагностической работы. Но можно выделить основные темы произведений литературы и искусства, которые могут быть востребованы системой профессионального определения [13].

Тема «лишнего человека». Эта тема может иметь множество вариаций в зависимости от соответствующего психологического диагноза, который ставят своим персонажам создатели произведений художественной литературы. Например:

- ◆ появление «лишних людей» как результат несовершенства или отсутствия должного образования (например, «Недоросль» Д.А. Фонвизина, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина);
- ◆ невостребованность талантов и способностей человека окружающим обществом и умение противостоять этой тенденции (например, «Горе от ума» А.С. Грибоедова, «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова);
- ◆ отсутствие реалистического взгляда на окружающую действительность, приводящее к неадаптированности в окружающем социуме (например, «Обыкновенная история» Гончарова, «Кто виноват?» Герцена);
- ◆ дилетантизм как образ жизни, не позволяющий субъекту стать настоящим профессионалом в той или иной сфере (например, «Обрыв» Гончарова).

Тема приспособленчества и потери собственной идентичности в окружающем социуме:

- ◆ конформизм в поступках и мыслях как способ психологической адаптации (например, Молчалин в «Горе от ума» Грибоедова);
- ◆ карьеризм ценой отказа от собственной индивидуальности и собственного призвания (например, «На всякого мудреца довольно простоты» Островского);
- ◆ мошенничество как основа образа жизни «приспособленца» (например, Трилогия Сухова-Кобылина).
- ◆ потеря чувства собственного достоинства и ложное смирение (например, «Шинель» Гоголя).

Тема социального бунта как замена поиску жизненного призвания:

- ◆ криминализация сознания и поведения, оправдываемая социальной несправедливостью (например, «Преступление и наказание» Достоевского);
- ◆ аморализм как форма отторжения окружающей социальной действительности (например, «Братья Карамазовы» Достоевского);
- ◆ попытка перестроить мир на безрелигиозной основе (например, «Бесы» Достоевского);

- ◆ нигилистическое отношение к окружающей действительности (например, «Отцы и дети» Тургенева).

Этот перечень тем можно было бы продолжить в зависимости от решаемых профориентационных задач. Важно отметить, что обращение к ценностям и смыслам на соответствующем культурном материале (включая

материалы и других учебных дисциплин) на основе персоналистического подхода к изучению проблем профориентации (обращение к литературным персонажам, историческим героям, деятелям науки, духовным подвижникам и т.д.) позволяет наполнить реальным психологическим содержанием и личностными смыслами процессы профессионального самоопределения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. О субъекте психической деятельности. М., 1973. 288 с.
2. Баева Л. В. Ценностные основания индивидуального бытия: Опыт экзистенциальной аксиологии: Монография. М.: Прометей. МПГУ, 2003. 240 с.
3. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986. 421 с.
4. Бим-Бад Б. М. Педагогическая антропология. М., 1998.
5. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968. 464 с.
6. Божович Л. И. Этапы формирования личности в онтогенезе // *Вопр. психол.* 1979. № 4. С. 23–34.
7. Братусь Б. С. Аномалии личности. — М. Мысль, 1988.—301с.
8. Гинзбург М. Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // *Вопросы психологии*, № 2. 1988. С. 19–27
9. Зеер, Э. Ф. Психология профессий: Учебное пособие для студентов вузов. — 2-е изд., перераб., доп. — М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2003. — 336 с.
10. Иванова Н. Л. Самоопределение личности в бизнесе: Монография. -Изд-во: МАПН-«Аверс-Плюс», М.-Ярославль, 2007.-204 с.
11. Исаева Е.Ю., Исаева Ю. В. Среднерусский вестник общественных наук. УДК 316.752–053.6, № 3~<2012. 68с.
12. Каменец А. В. Введение в теорию социального взаимодействия: монография /А.В. Каменец.-М.: КНОРУС: ООО «Квант Медиа», 2016.-462с.
13. Каменец А. В. Использование произведений русской художественной литературы в профориентировании подрастающего поколения: учеб. пособие. М.: Изд-во РГСУ, 2011. 94с.
14. Климов, Е. А. Введение в психологию труда: Учебник. — М.: Издательство Московского университета; Издательский центр «Академия», 2004. — 336 с.
15. Климов, Е. А. Некоторые психологические проблемы подготовки молодежи к труду и выбору профессии / Е. А. Климов // *Вопросы психологии*. — 1985. — № 4.
16. Острик А.А., Пряжникова Е. Ю. Когнитивные технологии как средство акмеологического тренинга на этапе профессионального определения старшеклассников // *Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология»*. 2015 № 4. УДК 159.99. ISSN1999–4133/ ВАК, 413с
17. Острик А.А., Пряжникова Е. Ю. Уточнение понятия «дистанционное психологическое сопровождение педагогического взаимодействия» для использования в когнитивных технологиях// «Коллективная монография, выпуск 9, «Понятийный аппарат педагогики и образования», Екатеринбург 2016, УДК 37.0, ISBN978–5–7186–0802–1, с. 231–241
18. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. — М., 2003.
19. Психологическая теория коллектива / Под ред. А. В. Петровского. М., 1979. 239 с.
20. Пряжников, Н.С., Пряжникова, Е. Ю. Психология труда и человеческого достоинства: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и спец. «Психология». — М.: Акад., 2003. — 476 с.
21. Сафин, В.Ф., Ников, Г.П. Психологический аспект самоопределения личности / В. Ф. Сафин, Г. П. Ников // *Психологический журнал*. — 1984. — Т. 5. — № 4. — С. 165–174.
22. Сергеева, М. В. Взаимосвязь социально–психологических установок в мотивационно — потребностной сфере и самоотношения при разного рода зависимостей / М. В. Сергеева // *Вектор науки. Серия: Педагогика, психология*. —2016. —№ 1. 25 с.
23. Слостенин В.А., Чижакова Г. И. Введение в педагогическую аксиологию: Учеб. Пособие для студ.вышш.пед.учеб.заведений. — М.: Академия, 2003. — 192с
24. Чебышева, В. В. Классификация профессий и профориентация / В. В. Чебышева // *Вопросы психологии* — 1971. — № 4. — С. 143–148.

© Острик Антонина Александровна (Ostrikaa@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ АЛКОГОЛЬНО-ЗАВИСИМОЙ ЛИЧНОСТИ

THE SPECIFIC FEATURES OF CHARACTER PROFILE OF THE PERSONALITY WITH ALCOHOL DEPENDENCY

**S. Petrosyan
I. Makarevskaya
Z. Ryabikina**

Summary. The article describes the character profile of personality with formed alcohol dependency. The profile has been configured on the basis of the data obtained with the help of the author's dispositional reactions questionnaire. In the present article, we provide the comparison between the character profile of the personality of an addict and the personality of individuals that do not suffer from alcohol abuse. Differences in the profiles are analyzed from the viewpoint of specific features and mechanisms of formation of particular positions in relationships, as mediators of alcohol dependency. Rational grounds are given to prove the statement that combination of certain manifested reaction positions forms a specific psychotype of personality prone to alcohol dependency.

The obtained data allow to establish a more comprehensive concept of the ways of formation and enforcement of the character of alcohol-dependent personality.

Keywords: alcohol dependency, dispositional reaction, personal character profile.

Петросьян Светлана Николаевна

*К.псх.н., доцент, Сочинский государственный университет
svpet@mail.ru*

Макаревская Ирина Георгиевна

*Ст. преподаватель, Сочинский государственный университет
athoc@yandex.ru*

Рябикина Зинаида Ивановна

*Д.псх.н., профессор, Кубанский государственный университет
z.ryabikina@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлен характерологический профиль личности со сформированной зависимостью от алкоголя, составленный на основе данных авторского опросника диспозиционного реагирования. Приведено сопоставление характерологического профиля зависимой личности и личности, не злоупотребляющей алкоголем. Проанализированы различия в профилях с точки зрения особенностей и закономерностей формирования определенных позиций в отношениях, как медиаторов алкогольной зависимости. Обосновывается положение о том, что сочетание определенных позиций реагирования в их выраженности составляет специфический психотип личности, склонной к алкогольной зависимости.

Полученные данные позволяют составить более объемное представление о путях формирования и реализации характера личности с зависимостью от алкоголя.

Ключевые слова: алкогольная зависимость, диспозиционное реагирование, характерологический профиль личности.

Введение

На сегодняшний день употребление алкоголя становится все более массовым явлением. По данным ВОЗ 2018 г. во всем мире в результате вредного употребления алкоголя ежегодно происходит 3,3 миллиона смертей, что составляет 5,3% всех случаев смерти. Помимо последствий для здоровья вредное употребление алкоголя наносит значительный социальный и экономический ущерб отдельным людям и обществу в целом. В этом контексте психологические исследования, посвященные проблеме алкоголизма, становятся все более актуальными [39].

Изучение психологических медиаторов возникновения алкогольной зависимости, в целом, можно свести к двум направлениям: 1) поиск «личности» алкоголика, 2) изучение характерных личностных черт алкоголика [34].

Первое направление центрировано на идее о том, что личность алкоголика отличается от личности неалкоголика, и изначально опиралось на идеологию психотерапии алкоголизма, лежащую в основе многочисленных организаций типа Ассоциации анонимных алкоголиков. Но к 1960 гг., в силу недостаточности теоретической базы, такие исследования зашли в тупик, и влияние персонологических концепций алкоголизма снизилось вплоть до 1980 гг, когда открытия в области биологии и генетики позволили вновь сделать допущение о существовании некой первичной патологии личности алкоголика [14, 19, 23, 34, 28].

Второе направление появилось под сильным влиянием бихевиоризма, и основывалось на мысли о том, если невозможно выявить целостные характеристики личности алкоголика, все же различия стоит найти, но тогда уже в каких-то отдельных значимых характеристиках личности и ее поведения [34].

Поначалу такие исследования также зашли в тупик, обрисованный Келлером (1972), который отмечал, что «исследование какой-либо черты в алкоголиках покажет, что у них ее больше или меньше (чем в неалкоголиках)», и пришел к заключению, что алкоголики «отличаются в таком многообразии проявлений, что уже нет никакой разницы» [25].

Тем не менее, к 2000 г. накопились исследования, наглядно демонстрирующие у лиц с алкогольной зависимостью более высокие показатели по трем глобальным критериям личности: (1) импульсивность/расторженность, (2) нейротизм/негативная эмоциональность, (3) экстраверсия/зависимость от поощрения. Эти критерии чаще всего измерялись с помощью личностного опросника Айзенка (EPQ) [18] и трехфакторного личностного опросника Клонингера (TPQ) [15].

Критерий (1) «импульсивность/расторженность» включает в себя такие черты как поиск острых ощущений, агрессивность, импульсивность и психотизм [11, 33, 34]. Кроме того, по данным ряда исследований, импульсивность, антисоциальное поведение, поведенческие расстройства и гиперактивность в детстве и подростковом возрасте предположительно являются достоверными предпосылками будущей алкогольной зависимости [16, 29, 33, 40]. Также, наблюдается высокий процент сопутствия алкоголизму расстройств личности с нарушением импульс-контроля, таких как антисоциальное и пограничное расстройство личности [11, 33, 34, 36].

Критерий (2) «нейротизм/негативная аффективность» описывает тенденцию испытывать состояния психологического стресса и негативно окрашенного настроения [33, 34]. Данные исследований указывают на то, что у пациентов с алкогольной зависимостью часто наблюдаются симптомы депрессивного или тревожного спектра. Следовательно, сделано предположение о том, что употребление алкоголя может являться попыткой саморегуляции таких симптомов стресса, как тревожность, страх или депрессивные чувства [33, 37].

Критерий (3) «экстраверсия/зависимость от поощрения» по мнению одних исследователей, не является решающим [33, 34], в то время как в исследованиях других ученых [21] приводятся данные, показывающие значимую связь данного критерия с возникновением алкогольной зависимости, но в сочетании с двумя предыдущими критериями.

С конца прошлого века, в исследованиях алкогольно-зависимой личности большую популярность приобрела пятифакторная модель личности [32]. Пять центральных факторов личности в данной модели, это — экстраверсия, доброжелательность, сознатель-

ность, нейротизм и открытость опыту. Многовариантность сочетания факторов этой модели позволяет достаточно системно описать личность в ее различных модификациях. К тому же, другие элементы личности, как правило, имеют высокую корреляцию с одним или более из этих пяти факторов. Например, расторможенность и импульсивность (один из критериев алкогольно-зависимой личности) имеют отрицательную корреляцию с сознательностью [29, 27].

В контексте пятифакторной модели личности выполнены многочисленные исследования проблемы алкогольной зависимости. Данные мета-анализов показывают, что в больших количествах алкоголь употребляется лицами с низкой сознательностью, низкой доброжелательностью и высоким нейротизмом [21, 22, 26, 30]. В то время, как отказ от алкоголя ассоциируется с высокой доброжелательностью и низкой открытостью опыту [21, 38].

И хотя Пятифакторная модель признается наиболее всеохватывающей концептуализацией структуры личности [24, 30], она не дает ответа на вопрос о происхождении подобных личностных характеристик, и следовательно, о путях возможной психологической поддержки и помощи лицам, страдающим алкогольной зависимостью.

В России исследования алкоголизма ведутся, преимущественно, в области социально-психологической и медицинской сфер. Так, в исследовании Э. С. Шарафиева (2016) показано, что отношения алкоголезависимых с окружением детерминированы амбивалентными тенденциями: выраженной симбиотической потребностью и асоциальными установками и поведением. При этом, подобная диспозиция, по мнению автора является ключевой в понимании механизмов глубокого внутреннего конфликта, лежащего в основе отношений алкоголиков с социумом [10].

В психологических исследованиях, посвященных данной проблеме, алкоголизм рассматривается, преимущественно, как вид аддиктивного поведения, при этом подчеркивается, что прием алкоголя дает аддиктам возможность ухода от реальности, а также иллюзию восстановления равновесия в жизни, иллюзию безопасности (например, исследования А. Е. Войкунского [2]).

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что многочисленные исследования алкогольной зависимости указывают на факт формирования предпосылок такой зависимости в детском возрасте, влияние личностных черт на степень расстройств, связанных с употреблением алкоголя, и возможность наличия некоего личностного психотипа, обозначенного как «личность

алкоголика», влияющего на риск возникновения алкогольной зависимости, поиск которого продолжается и в настоящее время.

Одним из кризисных моментов развития современной психологии является разрыв между теоретической и практической психологией. Такой разрыв наиболее наглядно проявляется в области практической психологии и психотерапии, которая, начиная с З. Фрейда, традиционно, не несет в себе строго научной доказательной базы. И хотя самые захватывающие открытия в психологии XX века сделаны как раз в области психотерапии (З. Фрейд, Ф. Перлз, А. Минделл и др.), такие открытия, в их совокупности, достаточно хаотичны, так как не несут в себе общих оснований, позволяющих объединить многообразный опыт наблюдений феноменологии проявлений человеческой психики. Данный факт отразился, в том числе, в проблеме поиска «личности алкоголика».

Субъектно-бытийный подход к личности (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, З.И. Рябикина и др.) позволяет трактовать развитие ребенка как расширение личностной бытийности, что, в свою очередь, дает основание для описания стадий развития личности в контексте поэтапного становления системы отношения в со-бытийных диадах Я — Мир, Я — Ты (Другой), Я — Они (Другие) и соответствующих позиционных дихотомиях: «Базовая агрессия — Базовый страх», «Равнодушие — Ненужность», «Жестокость (вторжение) — Инфантилизм (беззащитность)», «Власть — Подчинение», «Контроль — Подконтрольность», «Обвинение — Вина», «Осуждение — Подсудность», «Могущество — Немощность».

Развитие личности через отношения в дихотомиях регулируются переживаниями опасности/безопасности среды, где на каждом возрастном этапе развития соответствующий сильный полюс диспозиции может переживаться в качестве внешней угрозы во взаимодействии или отношениях.

Логика выделения со-бытийных дихотомий связана с основными задачами возрастного развития и отражает логику поэтапного становления личности.

Важно отметить, что на сигнал опасности/безопасности среды индивид отвечает диспозиционной реакцией. То есть, оба полюса реагирования присутствуют в индивидуальном психическом поле как взаимодополняющая целостность, где, как правило, с одним полюсом личность идентифицируется, другой — проецирует вовне.

Со-бытийная позиционная дихотомия «Базовая агрессия — Базовый страх» появляется в первичной

системе реагирования организма на угрозу в пренатальном периоде развития, обслуживает базовую потребность в выживании, проявляясь в переживаниях (в терминологии Фрица Римана) архаичной агрессии и страха, и реакциях сжатия/отталкивания (диада Я — Мир). В исследованиях зарубежных коллег подобная первичная направленность личности описывается в терминах «базового доверия/недоверия к миру». Такая первичная «ориентировочная» реакция является надличностной, представляя собой «элементарное импульсивное инстинктивное действие [7]. Данную диспозицию можно классифицировать как пре-диспозицию, так как она в качестве первичной пра-системы реагирования на угрозу может существенно повлиять на дальнейшее формирование системы отношений в со-бытийной диаде как предпочтительный выбор определенных позиций реагирования и степень их выраженности.

Период досознательного развития личности (пренатальный и перинатальный) характеризуется отношениями слияния, где мать для ребенка представляет собой его вселенную (диада Я — Мир, со-бытийная дихотомия Равнодушие — Ненужность) [6], и связан с формированием способности к взаимосвязи.

Период первичной сепарации от матери связан с формированием границ личности и способности к независимости и самостоятельности. Возрастная психология связывает этот период с кризисом одного года. Здесь начинается развитие в диаде Я — Ты (дихотомия Жестокость (вторжение) — Инфантилизм (беззащитность)).

Дальнейшее развитие в диаде Я — Ты связано с развитием воли (3–6 лет, дихотомии Власть — Подчинение) и произвольности, (Контроль — Подконтрольность) [6], что служит базовым образованием для возможности сознательного управления своими действиями в соответствии с принятым решением.

Следующий этап возрастного развития характеризуется подготовкой к вхождению в социум (к отношениям в социальной диаде Я — Они), и связан с формированием морально-нравственного сознания, как регулятора отношений в социальной сфере (дихотомии Обвинение — Вина, Осуждение — Подсудность). Причем, если дихотомия Обвинение — Вина связана, преимущественно, с эмоциональным реагированием, — дихотомия Осуждение — Подсудность отражает тенденцию к рационализации этого конструкта, которая проявляется в способности строить суждение, и соответственно, ориентироваться в сфере социальных норм и правил.

Итогом возрастного развития становится формирование системы связей и отношений, которая определяет возможность, или, соответственно, невозможность са-

моререализации в социуме (дихотомия Могущество — Немощность).

В процессе осваивания позиций в отношениях, личность может занимать сильную или слабую позицию реагирования, причем слабая позиция реагирования является, преимущественно воспринимающей и отражает, словами С.Л. Рубинштейна, ситуацию Мир во мне. («Восприятие надо рассматривать как взаимодействие человека, реального материального существа с действительным, т.е. воздействующим на него миром» [8]). Соответственно, сильная позиция реагирования, отражает ситуацию «Я в Мире» и является преимущественно экспансивной, воздействующей.

Устойчивая позиция реагирования, оформившаяся и закрепившаяся во взаимодействии со-бытийной диады (например, Мать — Дитя), в дальнейшем трансформируется в характерологический признак личности.

Выявление базовых позиций в отношениях, формирующихся онтогенетически, которые становятся встроенными в структуру личности, и составляют паттерны ее эмоционально-поведенческого реагирования, дает возможность не только составить целостное представление о характере личности, закономерностях его формирования, но и прогнозировать линию поведения конкретного человека в тех или иных жизненных условиях и ситуациях.

О формировании характера как комплекса устойчивых моделей реагирования говорили такие отечественные и зарубежные исследователи, как Л.И. Выготский, Ф. Перлз, Э. Берн и др. Позднее были разработаны периодизации возрастного развития, учитывающие особенности формирования тех или иных сторон характера, в основу которых был положен принцип дуальности (самые известные из них — периодизации Э. Эриксона [17] и Л. Марчер [31]).

Наш подход отличается от предложенных ранее тем, что диспозиционное реагирование в со-бытийной диаде рассматривается как взаимообусловленное, взаимобратимое, и носит диалектический характер [5]. То есть, полюса диспозиции полярны, они как бы отрицают друг друга, но одновременно друг без друга не существуют. В классической диалектике Гегеля данный принцип звучит как принцип единства и борьбы противоположностей. Такой подход позволяет рассматривать противоречие (диспозицию) как базовое имманентное свойство психики индивида, организующее не только систему ее выборов, но, в силу возможности интеграции полюсов диспозиции в новое личностное качество, — и ее развитие, переход на качественно новый уровень организации.

Например, интеграция полюсов диспозиции «Жестокость» (Вторжение, нападение, нарушение границ) — «Инфантилизм» (Открытость границ, готовность к слиянию) приводит к образованию гибких границ личности и способности эти границы защищать.

Психологический портрет личности, составленный благодаря сопоставлению профилей диспозиционного реагирования обычных людей и лиц с зависимостью от алкоголя, позволяет выделить выраженные позиции реагирования для лиц с зависимостью от алкоголя в качестве конкретных личностных черт, присущих последним, что создает возможность более глубокого анализа как путей формирования характера личности, в том числе, патологического, так и особенностей его проявления и реализации.

Цель исследования

Выявить характерологические особенности алкогольно-зависимой личности с учетом выраженности полюсов диспозиционного реагирования.

Были поставлены следующие задачи исследования:

- ◆ проанализировать особенности диспозиционного реагирования зависимой личности, сопоставив профили диспозиционного реагирования испытуемых со сформированной зависимостью от алкоголя и испытуемых, для которых не характерна такая зависимость.
- ◆ описать психологический портрет алкогольно-зависимого типа личности.

Методы исследования

В ходе исследования был использован авторский опросник для определения типа диспозиционного реагирования. Методика представляет собой многошкальный опросник, результаты которого могут быть представлены в виде индивидуального профиля диспозиционного реагирования.

В состав методики входят 227 вопросов, которые могут быть сгруппированы в шкалы, соответствующие со-бытийным позиционным дихотомиям: «Базовая агрессия — Базовый страх», «Равнодушие — Ненужность», «Жестокость — Инфантилизм», «Власть — Подчинение», «Контроль — Подконтрольность», «Обвинение — Вина», «Осуждение — Подсудность», «Могущество — Немощность». Также методика содержит две дополнительные шкалы, отражающие особенности реагирования личности на властную и контролирующую позиции: Саботирующее подчинение, Саботирующая подконтрольность.

Таблица 1. [Описательные статистики по шкалам опросника, полученные в экспериментальной и контрольной группе]

Активный полюс позиционной дихотомии	Эксперим. группа		Контрол. группа		Пассивный полюс позиционной дихотомии	Эксперим. группа		Контрол. группа	
	X ср	σ	X ср	σ		X ср	σ	X ср	σ
Базовая агрессия	15,3	8,1	12,9	7,7	Базовый страх	14,5	9,4	7,4	5,2
Равнодушие	24,1	8,1	24,8	8,9	Ненужность	20,3	12,2	10,6	8,5
Жестокость	24,1	10,3	17,9	9,7	Инфантилизм	35,3	8,8	26,9	9,9
Власть	26,0	8,4	21,0	8,2	Подчинение	19,8	5,6	12,5	6,1
					Саботирующее подчинение	20,5	9,9	17,4	8,4
Контроль	33,3	8,4	28,7	8,8	Подконтрольность	24,1	9,4	15,1	7,6
					Саботирующая подконтрольность	28,2	10,7	21,3	9,2
Обвинение	20,3	6,9	16,9	9,3	Вина	24,9	7,4	14,1	8,2
Осуждение	23,7	8,1	24,0	9,0	Подсудность	29,9	5,8	20,1	9,4
Могущество	35,8	8,9	35,3	9,3	Немощность	27,0	12,1	17,0	10,7

Проведенная валидизация методики продемонстрировала основные психометрические показатели надежности и валидности на достаточном уровне: внутренняя согласованность «альфа — Кронбаха» в целом по опроснику равна 0,93, ретестовая надежность — 0,85. Эмпирическая валидность отдельных шкал опросника колеблется в диапазоне от 0,7 до 0,83.

Дизайн проведенного исследования

На первом исследовательском этапе в соответствии с поставленными исследовательскими вопросами мы анализировали особенности диспозиционного реагирования людей со сформированной зависимостью от алкоголя. На этом этапе сопоставлялись результаты, полученные в «нормальной» выборке и группе испытуемых с аддиктивным поведением. Осуществлялось эмпирическое исследование, построенное по типу *expostfacto*. В качестве воздействия (позитивного значения независимой переменной) в данном случае выступила сформированная зависимость от алкоголя. Таким образом, в исследовании в качестве экспериментальной группы выступили находящиеся на лечении в реабилитационном центре мужчины и женщины с алкогольной зависимостью, в стадии ремиссии — 30 человек в возрасте от 20 до 45 лет. В контрольную группу вошли 30 мужчин и женщин в возрасте от 20 до 45 лет, не имеющие зависимости от психоактивных веществ. Подбор испытуемых в контрольную группу осуществлялся на основе метода попарного уравнивания, при этом уравнивались испытуемые на основе таких показателей, как: пол, возраст, образование, семейный и социальный статус.

Для обработки результатов исследования использовались: непараметрический критерий Манна-Уитни.

Результаты

Проанализируем особенности диспозиционного реагирования личности испытуемых с зависимым поведением.

Проведенный качественный анализ показал, что испытуемые с алкогольной зависимостью показывают большую выраженность в диспозиционных парах таких активных полюсов дихотомии, как Базовая агрессия, Равнодушие, Власть, Контроль, Могущество; и большую выраженность таких пассивных полюсов как Инфантилизм, Вина, Подсудность. Это свидетельствует о том, что при достаточной выраженности позиций реагирования, обеспечивающих реализацию в социуме (положительные стороны активных полюсов: Базовая агрессия обеспечивает активность, Равнодушие — возможность дистанцироваться, Власть и Контроль — возможность успешности волевых актов, Могущество — возможность выстраивать социальные контакты, продвигать свои идеи), личность с алкогольной зависимостью инфантильна, то есть, имеет слишком открытые личностные границы, что делает ее зависимой, внушаемой и уязвимой, а также испытывает груз вины, осуждения и самосуждения, препятствующий такой самореализации. Именно уязвимость личностных границ может создавать предпосылки для формирования позиций Вины и Подсудности, так как при «воспитательных» воздействиях родители и общество часто занимают не позицию сотрудничества и позитивного партнерства, но позиции Обвинения и Осуждения.

Полученные в контрольной и экспериментальной группе данные мы сопоставили с помощью критерия U-Манна-Уитни. Выявленные статистически значимые различия между показателями диспозиционного реа-

Таблица 2. [Статистическая значимость различий в показателях диспозиционного реагирования испытуемых экспериментальной и контрольной группы]

Полюса позиционной дихотомии	Mann-Whitney U	Asymp.Sig. (2-tailed)
Базовый страх	231.000	0.001
Ненужность	223.500	0.001
Жестокость	304.000	0.031
Инфантилизм	245.500	0.002
Власть	291.000	0.019
Подчинение	186.500	0.000
Подконтрольность	227.500	0.001
Саботирующая подконтрольность	286.500	0.016
Вина	144.000	0.000
Подсудность	163.500	0.000
Немощность	236.500	0.002

гирования испытуемых экспериментальной и контрольной группы представлены ниже в виде таблицы.

Проведенный статистический анализ позволяет нам утверждать, что испытуемым, для которых характерна зависимость от алкоголя, более свойственны, по сравнению с обычными людьми, проявления таких полюсов диспозиций, представленных в таблице выше, как: «Базовый страх», «Ненужность», «Жестокость», «Инфантилизм», «Власть», «Подчинение», «Подконтрольность», «Саботирующая подконтрольность», «Вина», «Подсудность» и «Немощность».

Таким образом, выраженность данных позиций реагирования составляют профиль диспозиционного реагирования, характерный для лиц, страдающих алкогольной зависимостью.

Немного подробнее охарактеризуем каждую из выявленных характерных позиций реагирования:

Первичный тип со-бытийности — организмический.

Соответственно, со-бытийная позиционная дихотомия «Базовая агрессия — Базовый страх» появляется в первичной системе реагирования организма на угрозу, и обслуживает базовую способность к выживанию. Отечественные и зарубежные исследователи в данном случае говорят о пренатальном периоде развития и значимости пренатальных впечатлений ребенка для появления немотивированных негативных эмоциональных состояний у взрослого человека [1].

Другими словами, по степени выраженности полюсов первой диспозиции мы можем констатировать присутствие стресса, на фоне которого начиналось развитие организма. Память о таком стрессе в виде выраженности определенной позиции реагирования как готовности

к стрессовой реакции (базовый страх/базовая агрессия) остается в памяти индивида на архаическом, до-личностном уровне и именно поэтому во взрослой жизни практически не поддается сознательной регуляции.

Испытуемые со сформированной зависимостью от алкоголя показывают большую по сравнению с обычной выборкой выраженность позиции реагирования «Базовый страх», а следовательно, им более свойственны: страх смерти, носящий немотивированный характер, ощущение отсутствия «права на жизнь».

Следующий тип событийности характерен для отношений слияния/изоляция. Соответственно, со-бытийная позиционная дихотомия «Равнодушие — Ненужность» отражает пренатальную и постнатальную (до одного года) ситуацию развития, где равнодушие является сигналом отсутствия эмоциональной связи как заинтересованности в судьбе и благополучии ребенка. И поэтому равнодушие является вторым по эмоциональной значимости типом угрозы, которая может стать причиной гибели формирующегося организма ребенка, а также гибели ребенка младенческого возраста. Л. Марчер [31] в подобном случае говорит о нарушении взаимосвязи как способности переживать самих себя в отношениях с другими, Дж. Боулби — о нарушении формирования привязанности как качества отношений ребенка и взрослого [13].

Необходимо заметить, что позиция Равнодушия в экспериментальной и контрольной группах выражена примерно одинаково (24,1 и 24,8,— соответственно) и превалирует внутри дихотомии над позицией Ненужности. В экспериментальной группе выраженность позиции Равнодушия даже ниже, чем в контрольной. Однако выраженность позиции Ненужности в экспериментальной группе значимо превышает выраженность такой же позиции в контрольной группе (20,3 и 10,6,— соответ-

ственно), что отражает ее повышенную, по сравнению с обычным человеком, тенденцию к экзистенциальному переживанию одиночества. Такие переживания особенно сильны потому, что данная позиция реагирования осваивается в период, когда переживания носят надличностный характер.

Оформление личности через обретение ею границ происходит в следующий возрастной период, в отношениях первичной сепарации от матери. Данный тип отношений является переходным от Мы-отношений к отношениям в диаде Я-Ты.

Таким образом, в возрасте около года, ребенок впервые выходит на уровень самостоятельности, в том числе учится защищать себя сам — как от внешних воздействий, так и от собственных ошибок. Поэтому любые резкие ограничивающие действия со стороны взрослого, а также агрессивные воздействия среды воспринимаются как жесткие, и часто переживаются как жестокие [6].

Представляется логичным, что, не имея опыта переживания благополучного и устойчивого слияния с матерью на предыдущих возрастных этапах, личность не готова к адекватному освоению темы данного этапа возрастного развития — темы автономии [6].

И действительно, в диспозиционной дихотомии «Жестокость-Инфантилизм» у испытуемых с зависимостью от алкоголя более выражены, чем у людей без зависимости, оба полюса диспозиции (при значительном превалировании полюса Инфантилизма внутри дихотомии): с одной стороны, у зависимых людей чаще проявляется склонность к выражению агрессии, в том числе, физической; — с другой стороны, зависимые люди более инфантильны, не способны быть самостоятельными и нуждаются в опеке. То есть, алкогольно-зависимые люди не способны к отстаиванию собственных психологических границ, хотя, одновременно, склонны к вторжению в границы другого.

Развитие в системе Я — Ты отношений продолжается как осваивание позиций в отношениях власти/сотрудничества. Таким образом, четвертая и пятая со-бытийные дихотомии, — «Власть — Подчинение», «Контроль — Подконтрольность», — связаны с возрастным этапом эмоционально-волевого развития личности ребенка [6], начинающимся с кризиса 3-х летнего возраста, по Выготскому — с кризиса «волеизъявления».

В позиционной дихотомии «Власть-Подчинение» у людей с алкогольной зависимостью также более выражены оба полюса диспозиции, чем у людей без зависимости: с одной стороны, им характерно стремление

к власти и доминированию, с другой — склонность к подчинению, что отражает специфику созависимого поведения.

Более выражена у людей с зависимостью, чем для испытуемых из «нормальной» выборки, позиция «Саботирование контроля», что показывает большую степень наличия такого характерологического свойства, как недостаток ответственности, с одной стороны, и нежелание подчиняться внешним воздействиям, с другой стороны.

В дошкольном возрасте (3–7 лет) также активно формируется и развивается нравственное сознание как основная ценностная форма общественного сознания, в которой находят отражения общепринятые нормативы и оценки человеческой деятельности (Выготский Л. С., Колберг и др.).

Личность в этом возрасте осваивает позиции в отношениях, которые будут в дальнейшем служить морально-нравственными регуляторами межличностного и социального поведения. Со-бытийные позиционные дихотомии «Обвинение — Вина», «Осуждение — Подсудность» являются образованиями, характерными для подготовки личности к вхождению в социум [6].

У людей с зависимостью от алкоголя, по данным нашего исследования, более выражены такие полюса диспозиции, как «Вина» и «Подсудность», что говорит о том, что они часто чувствуют себя виноватыми как бы «априори» и, как следствие, у них может исчезать импульс к развитию, так как они считают, что все равно сделают все не так. О связи алкогольной зависимости с чувством вины, в частности, писал Potter-Efron R. Shame (2002) [35].

Вина, таким образом, парализует, препятствует возможности двигаться вперед, актуализирует у людей с зависимостью установку: «Я плохой, и не заслуживаю хорошего», человек при этом тратит время и ресурс на самообвинение.

Логичным при этом становится большая выраженность у людей с зависимостью позиции «Немощности», которая выражается в ощущении «отсутствия ресурса», неспособности что-то поменять в своей жизни, субъективном ощущении «отсутствия контроля над жизнью» и поиске ресурса, помощи и поддержки вовне — в другом человеке.

Еще раз отметим, что диспозиция «Могущество — Немощность» является «результатом» прохождения всех предыдущих этапов возрастного развития и отражает возможность, или, соответственно, невозможность самореализации в социуме.

Совокупный анализ выраженности позиций диспозиционного реагирования позволяет дать следующую характеристику для людей со сформированной зависимостью от алкоголя:

- ◆ для них в большей степени, нежели для «среднестатистического человека» характерны: страх смерти, носящий немотивированный характер, ощущение отсутствия «права на жизнь», экзистенциальное переживание одиночества и ненужности.
- ◆ у таких людей чаще проявляется склонность к физическому выражению агрессии, с другой стороны, зависимые люди более инфантильны, не способны быть самостоятельными и нуждаются в опеке, не способны к отстаиванию собственных психологических границ, хотя одновременно, склонны к вторжению в границы другого.
- ◆ алкогольно-зависимые люди, с одной стороны, стремятся к власти и доминированию, с другой — проявляют склонность к подчинению, что отражает специфику созависимого поведения. По сравнению с общей выборкой, они показывают большую степень наличия такого характерологического свойства, как недостаток ответственности с одной стороны, и нежелание подчиняться внешним воздействиям, с другой стороны.
- ◆ люди с зависимостью от алкоголя часто чувствуют себя виноватыми как бы «априори» и, как следствие, у них может исчезать импульс к развитию, так как они считают, что все равно сделают все не так. Вина, таким образом, парализует, препятствует возможности двигаться вперед, актуализирует у людей с зависимостью установку: «Я плохой, и не заслуживаю хорошего», человек при этом тратит время и ресурс на самообвинение.

Логичным при этом становится большая выраженность у алкогольно-зависимых людей по сравнению с контрольной группой, позиция «Немощности», которая выражается в ощущении «отсутствия ресурса», неспособности что-то поменять в своей жизни, субъективном ощущении «отсутствия контроля над жизнью» и поиске ресурса, помощи и поддержки вовне — в другом человеке.

По данным, представленным в таблице, легко заметить, что выраженность диспозиционного реагирования у лиц с зависимостью от алкоголя значительно выше, чем у обычных людей, что свидетельствует о большем эмоциональном напряжении такой личности.

Значительная выраженность позиции Базового страха по сравнению с обычной выборкой, позволяет предположить, что выраженность именно данной позиции

может служить ключевым фактором для формирования алкогольно-зависимого типа личности, так как реакции страха, физиологически сопровождающиеся реакцией сжатия, могут создавать потребность в употреблении веществ, способных расслабить тело и снять остроту такой реакции в плане как физиологии, так и психики. Предположительно, выраженность позиции Базового страха предопределяет большую выраженность позиции Ненужности и формирует позицию Инфантилизма, как подсознательное стремление к слиянию в поисках защиты.

При этом, скорее всего, алкогольно-зависимый тип личности формируется в условиях авторитарного воспитания. Об этом свидетельствует значительная выраженность позиций Вины и Подсудности. Это, возможно, второй по значимости фактор, создающий предпосылки злоупотребления алкоголем.

В целом, людей с зависимостью от алкоголя можно охарактеризовать как более импульсивных (выраженность позиций Базовой агрессии и Базового страха), конфликтных (выраженность позиций Жестокости, Власти и Контроля), уязвимых (выраженность позиции Инфантилизма), безответственных (выраженность позиций Инфантилизма и Немощности), социально неадаптивных (выраженность позиций Саботирующей подконтрольности и Немощности) и эмоционально напряженных (большая выраженность полюсов диспозиционного реагирования в целом).

Таким образом, проведенное нами исследование позволило описать профиль диспозиционного реагирования людей со сформированной зависимостью от алкоголя, отражающий характерологические особенности алкогольно-зависимой личности.

Основными выводами исследования являются следующие положения:

1. Испытуемые с алкогольной зависимостью показывают доминирующую выраженность (внутри своей группы) активных полюсов диспозиции: Власть (26,0), Контроль (33,0), Могущество (35,8). При этом из пассивных позиций реагирования доминируют Инфантилизм (35,3), Саботирующая подконтрольность (28,2), Подсудность (29,9), Немощность (27,0). Статистическую значимость различий показывают позиции Власти, Инфантилизма, Подсудности, Немощности. Из них доминируют в порядке убывания Инфантилизм (35,3), Подсудность (29,9), Саботирующая подконтрольность (28,2), Немощность (27,0).

Таким образом, наиболее характерным для алкогольно-зависимого типа личности будет именно данный

профиль диспозиционного реагирования: при выраженности полюсов реагирования, обеспечивающих реализацию в социуме (Власть, Контроль, Могущество), алкогольно-зависимая личность демонстрирует выраженность пассивных полюсов диспозиции (Инфантилизм, Саботирующая подконтрольность, Подсудность, Нemoщность) препятствующих такой реализации. То есть, несет в себе значимый внутриличностный конфликт.

2. По общей напряженности диспозиции (суммирование показателей выраженности дихотомии) в группе алкогольно-зависимых лиц выделяются шкалы «Вторжение / Инфантилизм», «Контроль / Саботирующая подконтрольность», «Могущество / Нemoщность», — что может говорить о личности алкоголика как об инфантильно-агрессивной, сопротивляющейся (неуправляемой) и болезненно переживающей отсутствие социальной само-реализации.

Таким образом, мы выполнили поставленные задачи и достигли цели исследования, заключающейся в выявлении характерологических особенностей алкогольно-зависимой личности с учетом типа ее диспозиционного реагирования.

Обсуждение/дискуссия

Для уточнения результатов исследования представляется необходимым провести его на большем количестве испытуемых.

Также, интересно было бы провести отдельный опрос алкогольно-зависимых лиц по типам, выделенным Р.Клонингером и Т.Бабором — типу А (пассивному) и В (агрессивному) [12, 15]. Так как известно, что

«агрессивные» алкоголики не признают себя таковыми и не любят лечиться, то скорее всего, в нашем исследовании они либо не принимали участие совсем, либо их участие было минимальным; и, возможно, их характерологический профиль будет другим, — как минимум, различия должны наблюдаться в первой диспозиции. Так, мы предполагаем, что выраженность базовой агрессии у «агрессивного алкоголика» будет значимо превышать среднестатистический уровень и превышать индивидуальную выраженность позиции базового страха.

Тем не менее, основываясь на полученных в исследовании данных, мы считаем, что при проектировании коррекционных и реабилитационных мероприятий для лиц со сформированной зависимостью от алкоголя, необходимо учитывать специфику диспозиционного реагирования такой личности, представляющей ее систему отношений с миром.

Результаты исследования позволят более системно подойти к вопросам формирования и проявлений характера алкогольно-зависимой личности, как устойчивой модели эмоционально-поведенческого реагирования, оформившейся в онтогенезе.

Сведения об авторах

Концепция исследования разработана С.Н. Петросьян при консультировании З.И. Рябикиной. Схема проведения исследования составлена С.Н. Петросьян и И.Г. Макаревной. Тестирование и сбор данных — С.Н. Петросьян и И.Г. Макаревной. Анализ и интерпретация данных — С.Н. Петросьян и И.Г. Макаревной. Итоговая версия рукописи одобрена всеми авторами для подачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брехман Г.И. (2008) Пренатальные (дородовые истоки немотивированного насилия / Вестник Ивановской медицинской академии. Т. 13, № 3–4.
2. Войскунский А.Е. (2011) Основные задачи психологии Интернета // Психологическая помощь социально незащищенным лицам с использованием дистанционных технологий: материалы межведомств. науч.-практ. конф., 24–25 февраля 2011 г. М: МГППУ, 2011. С. 166–171.
3. Выготский Л.С. (1984) Проблема возраста // Собрание сочинений в 6-ти т., Т. 4. Детская психология. М., «Педагогика».
4. Знаков В.В., Рябикина З. И. (2017) Психология человеческого бытия. М.: Смысл.
5. Петросьян С. Н. (2016) Диалектическая природа эмоционально-поведенческого реагирования в кризисной ситуации / Международный научно-исследовательский журнал Успехи современной науки, 4 (4), с. 41–49.
6. Петросьян С. Н., Рябикина З. И. (2018) Характерология личности с учетом типов онтогенетических со-бытийных дихотомий: субъектно-бытийный подход / Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». С. 1715–1722.
7. Риман Ф. Основные формы страха Исследования в области глубинной психологии. / пер. с нем. Э.Л. Гушанского. — М.: Алетей, 1998.
8. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. (1973) М.: Педагогика.
9. Рябикина З.И. (2005) Личность как субъект бытия и со-бытия: психологический аспект анализа // Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа: Материалы 3-ей Всероссийской научно-практической конференции. — Краснодар.
10. Шарафиев Э.С. (2016) Тerciарная социализация аддиктивной личности // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. № 2. С. 56–61.
11. Álvarez, A., Ávila, J. J., Palao, D. J., Montejo, A.L.: Influence of Personality Traits on the Severity of Alcohol Use Disorders: J. Clin. Med. 2018, 7(6), 127; <https://doi.org/10.3390/jcm7060127>

12. Babor T. F., Hofmann M., DelBoca F.K., Hesselbrock V., Meyer R. E., Dolinsky Z. S., et al. Types of alcoholics I. Evidence for an empirically derived typology based on indicators of vulnerability and severity. // Arch Gen Psychiatry, 1992; 49: 599–608. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6025520/>
13. Bowlby, J. (1988). Attachment, communication, and the therapeutic process. New York: Basic Books.
14. Cloninger, C.R., Bohman, M., Sigvardsson, S. Inheritance of alcohol abuse. Cross-fostering analysis of adopted men. Archives of General Psychiatry 1981; 38:861–868.
15. Cloninger, C.R. A systematic method for clinical description and classification of personality variants. Arch. Gen. Psychiatry 1987, 44, 573–588.
16. Diemen, L.von, Bassani, D.G., Fuchs, S.C., Szobot, C.M. and Pechansky, F.: Impulsivity, age of first alcohol use and substance use disorders among male adolescents: a population based case-control study. Addiction 103: 1198–1205, 2008.
17. Erikson, E.H. (1959) Identity and the life cycle: Selected papers. New York: International Universities Press.
18. Eysenck, H. J., & Eysenck, S. B. G. (1975). Manual of the Eysenck personality questionnaire. London: Hodder and Stoughton. Google Scholar.
19. Fromme, K. and D'Amico, E.J.: Neurobiological bases of alcohol's psychological effects. In: Psychological Theories of Drinking and Alcoholism. Leonard KE and Blane HT (eds.). Guilford Press, pp. 422–456, 1999.
20. Hair, P., & Hampson, S. E. (2006). The role of impulsivity in predicting maladaptive behaviour among female students. Personality and Individual Differences, 40, 943–952.
21. Hakulinen, C., Elovainio, M., Batty, G. D., Virtanen, M., Kivimäki, M., Jokela, M. Personality and alcohol consumption: Pooled analysis of 72,949 adults from eight cohort studies. Drug and Alcohol Dependence 151 (2015) 110–114.
22. Hicks, B.M., Durbin, C.E., Blonigen, D.M., Iacono, W.G., McGue, M., 2012. Relationship between personality change and the onset and course of alcohol dependence in young adulthood. Addiction 107, 540–548.
23. Hintz, T. and Mann, K.: Comorbidity in alcohol use disorders: focus on mood, anxiety and personality. In: Dual Diagnosis: The Evolving Conceptual Framework. Stohler R and Rossler W (eds.). Karger, pp. 65–92, 2005.
24. John, O.P., Naumann, L.P., Soto, C.J., 2008. Paradigm shift to the integrative big-five trait taxonomy: history, measurement, and conceptual issues. In: John, O.P., Robins, R.W., Pervin, L.A. (Eds.), Handbook of Personality: Theory and Research. Guilford Press, New York, pp. 114–158.
25. Keller, M. The oddities of alcoholics. Quarterly Journal of Studies on Alcohol 1972; 33:1147–1148.
26. Kotov, R., Gamez, W., Schmidt, F., Watson, D., 2010. Linking big personality traits to anxiety, depressive, and substance use disorders: a meta-analysis. Psychol. Bull. 136, 768.
27. Krueger, R. F. Linking antisocial behavior, substance use, and personality: An integrative quantitative model of the adult externalizing spectrum. J. Abnorm. Psychol. 2007, 116, 645–666.
28. Leggio, L., Kenna, G.A., Fenton, M., Bonenfant, E. and Swift, R.M.: Typologies of alcohol dependence. From Jellinek to genetics and beyond. Neuropsychol Rev 19: 115–129, 2009.
29. Littlefield, A.K., Sher, K.J. and Wood, P.K.: Do changes in drinking motives mediate the relation between personality change and “maturing out” of problem drinking? J Abnorm Psychol 119: 93–105, 2010.
30. Malouff, J.M., Thorsteinsson, E.B., Rooke, S.E., Schutte, N.S., 2007. Alcohol involvement and the five-factor model of personality: a meta-analysis. J. Drug Educ. 37, 277–294.
31. Marcher, L., Fich, S. (2010) Body Encyclopedia: A Guide to the Psychological Functions of the Muscular System. Berkeley, CA, North Atlantic Books.
32. McCrae, R. R., & Costa, P. T., Jr. (1997). Personality trait structure as a human universal. American Psychologist, 52(5), 509–516.
33. Mellos, E., Liappas, I., Paparrigopoulos, T. Comorbidity of Personality Disorders with Alcohol Abuse. In Vivo. 2010 Sep-Oct; 24 (5): 761–9.
34. Mulder, R.T. (2002) Alcoholism and personality / Australian and New Zealand Journal of Psychiatry; 36:44–52. (Vol. 36, № 1. P. 44–52).
35. Potter-Efron, R. (2002) Shame, Guilt, And Alcoholism: 2nd (Second) edition Paperback — June 1.
36. Rubio, G., Jiménez, M., Rodríguez-Jiménez, R., Martínez, I., Iribarren, M.M., Jiménez-Arriero, M.A., Ponce, G. and Avila, C.: Varieties of impulsivity in males with alcohol dependence: the role of cluster-B personality disorder. Alcohol Clin Exp Res 31: 1826–1832, 2007.
37. Tragemer, S.L., Sher, K.J., Trull, T.J. and Park, A.: Personality disorder symptoms, drinking motives and alcohol use and consequences: cross-sectional and prospective mediation. Exp Clin Psychopharmacol 15(3): 282–292, 2007.
38. Turiano, N.A., Whiteman, S.D., Hampson, S.E., Roberts, B.W., Mroczek, D.K., 2012. Personality and substance use in midlife: conscientiousness as a moderator and the effects of trait change. J. Res. Pers. 46, 295–305.
39. World Health Organization. News bulletin. August 2018. <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/alcohol>
40. Zernicke, K.A., Cantrell, H., Finn, P.R. and Lucas, J.: The association between earlier age of first drink, disinhibited personality, and externalizing psychopathology in young adults. Addict Behav 35: 414–418, 2010.

© Петросьян Светлана Николаевна (svpet@mail.ru),

Макаревская Ирина Георгиевна (athos@yandex.ru), Рябикина Зинаида Ивановна (z.ryabikina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ И ПРОЯВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ ДЕЙСТВИЙ У ОСУЖДЕННЫХ МОЛОДЕЖНОГО ВОЗРАСТА НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

PSYCHODIAGNOSTICS STUDY OF THE STATE AND MANIFESTATIONS OF CONTROL OVER THE ACTIONS OF YOUTH CONVICTS AT VARIOUS STAGES OF SERVING A SENTENCE IN A CORRECTIONAL COLONY

A. Prishvina

Summary. The article presents a study of the state and manifestations of control over the actions of youth convicts serving sentences in correctional colonies, taking into account the duration of their stay in the penal colony. A comparative analysis of the values of indicators of volitional control, evaluated on a scale of control over the action, in convicts of two age groups: from 19 to 24 years; from 25 to 30 years.

Keywords: convicted youth age, action control, volitional control, intention, infantilism, strong-willed sphere of the person, responsibility, self-management, self-control, relapse of crimes.

Пришвина Алина Игоревна

*Адъюнкт, Академия ФСИН России. Рязань
prishvina1993@bk.ru*

Аннотация. В статье представлено исследование состояния и проявления контроля действий у осужденных молодежного возраста, отбывающих наказание в исправительных колониях, с учетом длительности нахождения их в исправительной колонии. Проведен сравнительный анализ значений показателей волевого контроля, оцениваемого по шкале контроля за действием, у осужденных двух возрастных групп: от 19 до 24 лет; от 25 до 30 лет.

Ключевые слова: осужденные молодежного возраста, контроль действий, волевой контроль, намерение, инфантилизм, волевая сфера личности, ответственность, самоуправление, саморегуляция, рецидив преступления.

Проблема молодежной преступности в России имеет повышенный интерес со стороны государства. Это обосновано тем, что снижение уровня преступности среди лиц молодежного возраста является одним из главных направлений государственной молодежной политики Российской Федерации [1]. В России лицами молодежного возраста (18–30 лет) совершается почти половина от всех регистрируемых уголовно наказуемых деяний, характеризующихся корыстно-насильственной направленностью (40–50%) и высоким удельным весом тяжких и особо тяжких преступлений [2].

Согласно статистических данных судебного департамента РФ, за последний год наблюдается рост числа осужденных молодежного возраста. Так, на 2017 год доля осужденных молодежного возраста составляла 44% (2015 г.—37%, 2016 г.—34%) [3].

В настоящее время особенно актуальным являются психологические исследования личности осужденных молодежного возраста с целью изыскания все более широких возможностей ее изменения и исправления. По данным ФСИН России резкое увеличение количества осужденных, отбывающих уголовные наказания создают

дополнительную напряженность персонала в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. Следовательно, актуальны углубленные исследования осужденных молодежного возраста, направленные на выявление психологических ресурсов просоциального поведения осужденных молодежного возраста, а также обоснование мер совершенствования индивидуально-дифференцированного подхода в исправлении данной категории лиц.

В исследованиях отечественных пенитенциарных психологов достаточно многопланово изучены психологические особенности трансформации мотивационно-смысловой и волевой сфер личности осужденных молодежного возраста (В. Г. Деев, А. И. Ушатиков, А. В. Наприс, Н. А. Полянин, В. В. Яковлев и др.). В тоже время исследование у осужденных контроля действий как интегральной характеристики личностного потенциала, учет которой крайне важен для профилактики деструктивных проявлений среди спецконтингента, до настоящего времени на монографическом уровне не проводилось.

На основе историографического и компаративного анализа установлено, что общая теория психологии

Таблица 1. Сравнительный анализ значений показателей волевого контроля, оцениваемого по шкале контроля за действием, у осужденных разных возрастных групп

Шкалы	Среднее значение переменной		t-критерий	Значимость различий
	Осужденные возрастной группы 19–24 года	Осужденные возрастной группы 25–30 года		
Контроль за действием при планировании	4,9	6,6	-4,011	0,000
Контроль за действием при реализации	4	6,1	-2,992	0,006
Контроль за действием при неудаче	5,9	4,7	1,405	0,171

контроля действий до сих пор не разработана, прежде всего, в силу сложности и многоплановости проявления данного феномена. Этот факт обусловил выбор тематики нашего исследования — изучение динамики индивидуально-личностных особенностей осужденных в возрасте 18–30 лет (относящихся к возрастной категории молодежи), отбывающих наказание в исправительных колониях общего и строго режимов содержания.

К молодежному возрасту принято относить категорию лиц в возрасте 18–30 лет [4]. Для решения задач научного исследования нами был осуществлен анализ подходов к проблеме определения молодежного возраста, сложившийся в психологии. Так в возрастной психологии молодежный возраст обозначен границами от девятнадцати до тридцати лет, в рамках которых выделяют два основных возрастных периода: от девятнадцати до двадцати четырех лет и от двадцати пяти до тридцати лет [5]. По результатам исследования этих возрастных категорий установлено, что для представителей первого возрастного диапазона молодежного возраста характерно нестабильное, непоследовательное поведение, стремление к острым ощущениям, незрелость в принятии решения, подверженность криминальной романтике. Следует также отметить, что в данном возрасте приходит более четкое осознание себя и построение своего будущего [5].

В рамках проведенного нами исследования осужденных молодежного возраста принимали участие две возрастные группы: в возрасте от 19 до 24 лет (49,1%) и от 25 до 30 лет (50,9%).

Так, для выявления психодинамических характеристики осужденных, необходимо учитывать их время пребывания в исправительном учреждении. Данная выборка распределилась следующим образом: среди осужденных возрастной группы 19–24 года до 1 года в учреждении находятся 37% респондентов, от 1 до 3 лет — 41%, от 3 до 5 лет — 22%; среди осужденных возрастной группы от 25 до 30 лет до 1 года в учреждении находятся 25% респондентов, от 1 до 3 лет — 34%, от 3 до 5 лет — 41%.

С целью всестороннего изучения контроля действий осужденными молодежного возраста нами было выделено шесть подгрупп осужденных в зависимости от времени нахождения в исправительном учреждении и от возраста. С этой целью были определены следующие периоды отбывания наказания:

Группа 1 — осужденные, срок пребывания которых в исправительных учреждениях составляет менее 1 года (период адаптации к условиям исправительного учреждения);

Группа 2 — осужденные, срок пребывания которых в исправительных учреждениях составляет от 1 года до 3 лет (малый срок отбывания наказания);

Группа 3 — осужденные, срок пребывания которых в исправительных учреждениях составляет от 3 до 5 лет (средний срок отбывания наказания).

Для анализа волевого компонента контроля за действиями мы использовали методику Ю. Куля (в адаптации С. Шапкина, 1997). Полагаясь на теории волевого контроля Ю. Куля, в психике человека может существовать автономные подсистемы, которые в свою очередь специфично обеспечивают реализацию намерений.

Так, для части осужденных возрастной группы 19–24 года — 68% при планировании действий свойственна ориентация на состояние, что характеризует их как людей, которые долго сомневаются, прежде чем начать действовать, 32% осужденных этой группы напротив, склонны быстро принимать решения и приступать к реализации намеченных планов, т.е. для них характерна ориентация на действие. В старшей возрастной группе напротив, ориентация на действие при планировании свойственна 65%, а ориентация на состояние — 35%.

Дальнейшее исследование показывает, что намерения 36% осужденных младшей возрастной группы ориентируются на действие, в то время, как в старшей возрастной группе ориентация на действие составляет

63%. Это свидетельствует о том, что осужденные старшей возрастной группы являются наиболее способными контролировать свою жизнедеятельность, осуществляя ее более целенаправленно. Существенные различия прослеживаются у осужденных младшей группы, при встрече с трудностями они бросают начатое, отвлекаются от выполнения деятельности на какие-то другие дела, что значительно влияет на степень их активности и целеустремленности в достижении необходимого результата.

В случае неудачи 42% осужденных в возрасте 19–24 года и 29% осужденных в возрасте 25–30 лет ориентированы на действие. Это означает, что они способны продолжать добиваться своей цели, не смотря на возникающие препятствия. В то же время большинство из осужденных обеих возрастных групп (58% в младшей и 71% в старшей) в случае неудачи имеют ориентацию на состояние. Это значит, что им присущи переживания, связанные с невозможностью быстро и без трудностей добиваться поставленной цели, чувство разочарования и ожидание неудач в будущем. Эти переживания могут значительно препятствовать осуществлению поставленных целей как в настоящем, так и в будущем. Это можно объяснить возрастными особенностями осужденных: представители младшей возрастной группы, находясь в возрасте старшей юности, когда формирование личности еще не завершено, а поэтому их волевая сфера не сформирована из-за социальных условий, которые и привели к тюремному заключению. Как следствие они способны в меньшей степени, чем более взрослые осужденные, планировать и реализовать свои действия, более склонны к длительному размышлению и сомнениями в правильности принимаемого решения. При этом чем больше они ориентируются на собственное мнение в принятии решений, тем быстрее приступают к реализации намерений. В свою очередь, осужден-

ные более старшего возраста более последовательны и целеустремленны в своих планах и действиях, лучше понимают, какой результат они хотели бы получить и каким образом они могут этого добиться. Эти выводы подтверждены наличием статистически значимых различий в ориентациях осужденных обеих возрастных групп (см. Таблицу 1).

Полученные данные психологической диагностики осужденных молодежного возраста по методике Ю. Куля показали, что при рассмотрении особенностей контроля за действиями в разных возрастных группах на разных сроках отбывания наказания, можно отметить, что в младшей возрастной группе ориентация на состояние имеет определенную динамику. Возрастает процент осужденных, которые находятся в колонии от года до 3 лет с ориентацией на состояние при планировании и реализации увеличивается, что говорит об отсутствии необходимости совершать волевые действия, поскольку жизнь в колонии подвержена четкому режиму. У тех, кто находится в колонии от 3 до 5 лет, напротив, ориентация на действие увеличивается, по сравнению с предыдущим периодом. Это может свидетельствовать о том, что они внутренне готовятся к освобождению и начинают строить планы на жизнь.

Полученный эмпирический материал по факторам и условиям, влияющим на проявления и развитие контроля действий осужденных в период отбывания ими наказания в колонии, может выступить основой для разработки индивидуальных и групповых коррекционных программ, способствующих повышению осознанного самоуправления личности в конфликтных ситуациях публичной жизнедеятельности в исправительной колонии, в том числе при компликаторных воздействиях на осужденных криминальных лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации &
2. Шаталов Е.А., Молдаванов К. В. Молодежная преступность и основные направления противодействия ей. Монография. — М.: Проспект, 2016. С. 4.
3. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации / Данные судебной статистики / <http://www.cdep.ru>.
4. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор РАН Г. В. Осипов. — М.: Издательство НОРМА, 2000. — 488 с.
5. Эльконин Б. Д. Психология развития / Б. Д. Эльконин. — М7: Академия, 2008. — 144 с.
6. Dieffendorf J. M., Hall R. J., Lord R. G., Streat M. L. Action-State Orientation: Construct Validity of a Revised Measure and Its Relationship to Work-Related Variables // *Journal of Applied Psychology*. 2000. Vol. 85. P. 250–263.
7. Kuhl J., Goshke T., Kazen M. A theory of self-regulation: Personality, assessment and experimental analysis. V. 1, 2. — Osnabruck: Universität Osnabruck, 1991.

© Пришвина Алина Игоревна (prishvina1993@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОДМЕНА ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА

SUBSTITUTION
OF THE PROBLEM OF CHOICET. Sizikova
O. Durachenko

Summary. This article reveals the essence of the problem of choice when the choice made by the subject is inadequate to the conditions of the situation of choice. The novelty of the authors' approach is that the problem of choice is considered as a backbone in the typology of problems. The reason for the problem of choice is the lack of development of reflection. This is a condition for the substitution of choice. Within the framework of reflexive psychological counseling, the substitution of the problem of choice by a problem of norms, rules, principles is investigated. A matrix form is proposed, reflecting the model of the integrity of reflection, diagnosis and determination of the directions of development of the modalities and directions of reflection. The modalities and directions of reflection are determinants of choice and problems of choice.

Keywords: reflection, reflexive psychological counseling, systemic typology of psychological problems, the problem of choice, the problem of principle, norms and rules, the modality of reflection, the direction of reflection.

Сизикова Татьяна Эдуардовна

К.псих.н., доцент, Новосибирский государственный
педагогический университет
tat@ccru.ru

Дураченко Оксана Алексеевна

Старший преподаватель, Новосибирский
государственный педагогический университет
reflexia@mail.ru

Аннотация. В данной статье раскрывается суть проблемы выбора, когда совершаемый субъектом выбор неадекватен условиям ситуации выбора. Новизна подхода авторов в том, что проблема выбора рассматривается как системообразующая в типологии проблем. Причиной проблемы выбора является неразвитость рефлексии. Данное является условием для подмены выбора. В рамках рефлексивного психологического консультирования исследуется подмена проблемы выбора проблемой норм, правил, принципов. Предлагается матричная форма, отражающая модель целостности рефлексии, диагностики и определения направлений развития модальностей и направленностей рефлексии. Модальности и направленности рефлексии являются детерминантами выбора и проблемы выбора.

Ключевые слова: рефлексия, рефлексивное психологическое консультирование, системная типология психологических проблем, проблема выбора, проблема принципа, норм и правил, модальность рефлексии, направленность рефлексии.

Проблема выбора традиционно относится к экзистенциальным проблемам психологической практики [17]. Рефлексивное психологическое консультирование рассматривает ее в качестве системообразующего фактора, с которым, находясь в определенных отношениях между собой, связаны другие психологические проблемы. Причиной этих проблем является неразвитость рефлексии. Выделение системообразующего фактора позволило разработать типологию психологических проблем на принципах «матрешки» и динамического равновесия [15]. Принцип «матрешки» позволяет проследить как проблема выбора трансформируется в другие проблемы. Принцип динамического равновесия раскрывает полюса проблемы выбора от проскальзывания и избегания выбора до его подмены.

Наша статья посвящена анализу подмены проблемы выбора проблемой норм, правил и принципов.

Под выбором мы понимаем предпочтение одного другому. Совершение выбора завершается принятием решения в пользу одного. Гносеологическая и онтологическая суть выбора являлась предметом философии и психологии в классическую и неклассическую пара-

дигму научного знания. В постнеклассической парадигме психологии осуществляется пересмотр ранее изученных объектов. Благодаря накоплению знаний о связи выбора с волей, поведением, мотивом, возможностью и другими составляющими психического, образуется целостная картина, в которой выбор занимает центральное место, а взаимосвязанные между собой элементы располагаются вокруг него. Эти элементы относятся к управляющей системе психологического — личности, ее воле, поведению, мотивам, вере, совершению действий и деятельности, саморазвитию и самовоспитанию, ценностям и убеждениям, решению задач и принятию решений, всему тому, что на разных уровнях этой системы: оперантном, функциональном и экзистенциальном, осуществляется, существует и формируется на основе выбора. Сама личность есть результат выбора и выбор есть результат личности. Когда двухнедельные младенцы не тянутся за высоко висящей для них игрушкой и дотягиваются до нее в зоне доступности, это свидетельствует не только об особенностях зрительного восприятия, но и о выборе [2] на основе определенных критериев — «могу» — «не могу», «хочу — не хочу» и, в последствии развиваемых, «надо — не надо». Следовательно, чтобы личность являлась результатом выбора, то сам выбор должен занимать место над личностью, но такое, чтобы

личность могла влиять на выбор. Этим местом является рефлексия, только она способна представлять альтернативы, критерии и быть гибкой, из состояния множественности переходить в состояние однозначности. Такой переход осуществляется выбором. Онтологическая суть выбора — это процесс, акт, механизм, состояние и свойство рефлексии. Сама рефлексия является метасоставляющей [7] психики по отношению, как мы считаем, к ее элементам: сознанию, деятельности, личности, мышлению. Как целостный объект рефлексия представляет собой высшую ступень психического слоя, состоящую из пронизывающих друг друга модальностей и направленностей (интенциональность), имеющих между собой инверсные отношения [16]. Гносеологическая суть выбора — цель, критерии, оценка, решение. На основе этих механизмов: целевом, критериально-оценочном и механизме сворачивания степеней свободы до однозначности (механизм принятия решения) выбор существует в рефлексии. Выбор не имеет своего самостоятельного бытия в психологическом, как рефлексия и является составляющей рефлексии.

Д. А. Леонтьев так определяет выбор, относящийся к рефлексии «автономия и самодетерминация нужны человеку для того, чтобы ориентировать наше поведение в пространстве возможного... превращение возможности в действительность происходит только через недетерминированный (точнее, самодетерминированный) выбор и решение субъекта... каждый индивидуально конструирует и тем самым определяет для себя собственные границы... ключевую роль в механизме самодетерминации как произвольного воздействия субъекта на причинно-следственные закономерности, влияющие на его жизнедеятельность, играет сознание... осознание пространства возможного и рефлексия собственной ситуации выбора являются необходимой предпосылкой автономной, самодетерминируемой жизнедеятельности... «человек не только развивается, но и строит себя» [9, С. 13–15, 26].

Выбор не существует в установках и стереотипах. Автоматически принятое решение, импульсивное действие и подобное осуществляются не на основе выбора, а за счет фиксированных, целевых, смысловых установок [8].

Проблема выбора понимается нами как нарушение работы механизмов выбора — рассогласованность между ними. Так, например, действие целевого механизма не согласуется с механизмом принятия решения и тем самым поддерживается незавершенность рефлексии того или иного события или действия. Рассогласованность между критериальным и оценочным механизмами приводит к сомнениям, потере ориентировочных опор в рефлексии. Рассогласованность между целевым меха-

низмом и оценочным создает ограничения в рефлексии при исследовании чего-либо. В острой ситуации необходимости совершения выбора при наличии рассогласованностей в работе его механизмов происходит подмена проблемой норм, правил, принципов. Для подмены есть основания — в этой проблеме, хоть она и проблема, т.е. имеет требующие разрешения противоречия, представлены опоры и ориентиры, на которые рефлексия может опереться. Эти опоры в виде норм, правил и принципов становятся в том случае проблемой, когда не соответствуют здоровьесберегающему формату саморазвития личности, задающему ей возможности самореализации и эффективной социализации. Особенностью такой опоры является порождение разных искажений, которые приписываются рефлексии, ее неадекватному отражению реальности. Особенно такие искажения характерны возрасту до 22 лет. Исследования, проведенные Т. Э. Сизиковой, на основе опросника «Фокус рефлексии» показывают, что «молодые люди в возрасте от 18 до 21 года (480 чел.), учащиеся вузов склонны преувеличивать свои представления о своей рефлексии. Выявлена правосторонняя асимметрия по шкалам направленностей рефлексии на «системность» ($A_s = -0.602$), «творчество» ($A_s = -0.368$), «дедуктивный способ переработки информации» ($A_s = -0.397$), «прогрессивная направленность рефлексии» ($A_s = -0.615$), механизм «рефлексия — мотив — воля» ($A_s = -0.392$), и левосторонняя асимметрия по шкале «направленность рефлексии на фрагментарность» ($A_s = 0.337$) при $A_{\text{крит}} = 0.324$ при шкале лжи 0–6 баллов» [13, С. 84]. Для возраста с 22 лет до 64 лет (266 человек) характерна правосторонняя асимметрия по шкалам модальностей «сознаваемое» ($A_s = -0.447$), «возможного» ($A_s = -0.416$), «темпорального» ($A_s = -0.408$), при $A_{\text{крит}} = 0.403$ при шкале лжи 2–6 баллов. Соответственно, характерна левосторонняя асимметрия по противоположным шкалам этих модальностей. Отношение молодых людей к своей рефлексии более связано с искажениями в ее направленностях, для более зрелых людей характерна склонность к искажениям в модальностях, что означает экспансию искажения от одной направленности к другой в одной модальности. Взрослые люди преувеличенно думают о том, что они более осознанны, умеют выделять как можно больше возможностей и согласуют между собой разное. Молодые люди не в соответствии с реальностью, считают, что они более системно и обобщенно осознают, при этом прогрессивно и творчески направлены, активно применяют работу механизма «рефлексия — мотив — воля» и принижают фрагментарность, характерную их рефлексии. Полученные данные подтверждают существование психологических условий для подмены одних проблем другими.

Психологу в психологическом консультировании необходимо различать эти две проблемы — проблему выбора и проблему норм, правил, принципа, учитывать

возможные искажения. В рефлексивном психологическом консультировании описывается, что проблема выбора и проблема норм, правил и принципа, по внешним проявлениям и по отрывкам содержания текстов могут показаться схожими между собой [15]. Различение их обуславливает способы психологической консультационной работы: в применении методов и занимаемых позициях психолога. Акцент в работе с проблемой выбора ставится на поддержку состояния прорыва неадекватных самореализации личности психологических защит, препятствующих творческой адаптации в окружающем мире, вносящей преобразования. В работе с проблемой норм, правил и принципа внимание сосредотачивается на осмыслении (клиент осознает свой принцип, норму, правило и, принимая на себя ответственность, отстаивает их или меняет его), на переформировании (клиент один принцип заменяет другим, качественно не изменяя направление своего жизненного пути), на переводе на другой уровень — углубление в проблему выбора (качественного изменения неэффективных ценностей и убеждений, сформировавшихся на основе норм, принципов и правил) [15].

Исследуем эти проблемы на известном историческом примере последних дней жизни Сократа, описанных в диалогах Платона «Федон» и «Критон» [12]. Решение Сократом альтернативы — бежать или принять яд (болиголов) — было предопределено его жизненными принципами, не подвергающимися сомнению. Причиной тому была его гражданская позиция и стремление повлиять на растлевающее общество примером своей жизни. В проблеме принципа всегда есть требование изменения другого, а не самого себя и разочарование, если ожидаемое не происходит.

«Мудрое сознание знает, что главной причиной крахов является его свобода по отношению к бытию, но отказать от свободы значит то же, что отказаться от самого себя. Поэтому сознание, выбирая свободу, всегда рискует, в том числе и самим собой. Это нормально. Трагедия начинается, когда сознание мнит себя абсолютно свободным от натуральной и культурной истории, когда оно перестает ощущать себя частью природы и общества, освобождается от ответственности и совести и претендует на роль Демиурга. Последнее возможно при резком снижении способностей индивида к рефлексии и деформированной самооценке, вплоть до утраты осознания себя человеком или до признания себя сверхчеловеком, что в сущности одно и то же», — писал В. П. Зинченко [6, С. 149].

У Сократа ощущение собственной правоты было одним из ослепляющих состояний. М. Мамардашвили рассуждает: «...человеку, который идет на неизведанные окраины бытия, мы не можем сказать, где он должен

остановиться, чтобы не совершить зла, и в какую сторону он должен идти. Ведь Сократу нужно было умереть в том числе и потому, что только в момент смерти он мог что — то узнать, что узнается только там (то, о чем заранее знать нельзя). И поэтому попробуйте схватить Сократа за руку: стой, что же ты делаешь, это же безнравственный акт — умирать и бросать своих учеников... Так же как нельзя остановить Христа, несущего свой крест, на котором он будет распят... «Я хочу знать моего Бога!» — он знает прекрасно, что только там он Его узнает. В таких случаях мы иногда говорим, что истинность или нравственность чего — то устанавливается после свершения, после прохождения пути,— тогда смысл откристаллизуется, и мы можем говорить, что что-то достойное совершено, или наоборот. А до — мы не можем этого сказать...» [10, С. 533].

А. Г. Асмолов так сформулировал вопрос поиска движущих сил на смерть Сократа: «Почему древнегреческий философ Сократ предпочел остаться в темнице и выпить чашу с ядом, а не воспользовался возможностью бежать и покинуть Афины? Сократ остался в темнице, потому что в противном случае вся предшествующая жизнь для него обесценилась бы, утратила смысл. Но если бы Сократ совершил побег, то разве за этим поступком не стояла бы пусть иная, но придающая смысл его существованию ценность? Ценность определяет выбор поступка личности, но что определяет выбор ценности? Анализ самих по себе целей и ценностей, их влияние на жизнь человека оставляют и этот вопрос без ответа» [1, С. 47].

Объяснение данного поступка мы связываем с двумя психологическими проблемами: выбором и принципом. Идя на смерть, Сократ оставался в состоянии своей «мудрой власти над афинянами», верный своим принципам отношения к согражданам. Сократ встретился с проблемой другого, другого сознания, человека, общества и т.п. и, переживая гражданское чувство, разрешил ее для себя своей смертью. М. Мамардашвили поясняет что, по каким-то, казалось бы, предусмотренным неким уложением о наказаниях для нарушителей великого закона — закона сохранения общества, общество карает за всякое превосходство (из дневниковых суждений французских писателей братьев Гонкуров[5]) [10]. Фанатизм и массовые сжигания в знак протеста, теракты и массовые расстрелы — все это одна психологическая структура с проблемами принципов. В истории есть оп-позиция.

В философских традициях античности и героическом эпосе Мудрец следует тому, как устроен мир. В восточной притче рассказывается, как мудрец по настоянию жителей города, выпивших отравленную воду и сошедших с ума, выпивает отравленную воду. Сошедствие с ума аналогично другому уму, мыслящему по-другому,

иначе. Последствия отравленной воды мудрецу известны. Мудрец совершает попытки препятствовать, но тотальность процесса охватывает все новые и новые элементы. Наступает время, когда «процесс потребует его». Мудрец переживает состояние выбора и принимает решение — он пьет воду вместе со всеми гражданами, которые в свое время пренебрегли его предупреждениями об отравлении воды. Это был выбор мудреца. Мудрец меняет себя в соответствии с изменениями, происходящими в мире, понимая, что не существует таких изменений, которыми были бы довольны все. Изменения — это процесс развития, который осуществляется в рамках существующих норм или порождает новые.

Исторические формы поступков присваиваются личностью (идея Л. С. Выготского [3]). Мудрец оставляет форму трансцендентного выбора, Сократ — приверженность принципам. Существует движение в превращенных формах (К. Маркс, М. Мамардашвили [10]), которые не даны личности и в определенных условиях, которыми является выбор, она должна формы творить. М. Мамардашвили детально разработал представление о форме: «...формы изобретались, чтобы могли реализоваться какие-то человеческие силы... форма — для того, чтобы что-то случилось в опыте... форма как бы кристаллизуется позади себя явления, процессы, предметы — в том смысле, что они становятся источником опыта. Чтобы реализовать, нам нужно изобрести какие-то формы. Испытать без форм — нельзя. Сначала людьми изобреталась форма испытания неизведанных до этого чувств и состояний, и потом стали происходить определенного рода события, работающие на эту форму. Изобрели форму, — но все равно жизнь всегда бесконечно возможнее, чем те формы, которые нам удалось изобрести» [10, С. 544–546].

Форма выбора и форма действия на основе норм, правил и принципа — это две разные формы. Причинами их подмены является то, что потребность в самоактуализации (А. Маслоу) [11], полноценном функционировании (К. Роджерс) [13], саморазвитии (фундаментальная идея российской психологии) [4] реализуется в выборе и, реализуясь в определенном направлении жизненного пути личности, обрастает нормами, правилами, принципами и уже постепенно с ними связывается самореализация, т.е. то, что личность может, уже связывается не с выбором, а с принципом, нормой и правилами и без них не существует в представлении личности. Принцип, правило, норма, порожденные выбором, становятся условием и причиной существования, а не выбор в экзистенциальном смысле [15].

Подобная структура замещения встречается в рассмотрении проблем любви, когда у человека всеобщая «потребность любить реализуется только в связи с опре-

деленным человеком и затем этот человек становится причиной, условием того, чтобы другой вообще испытывал любовь и без его определенных поступков, без его определенного отношения его ко мне я любовь уже не могу реализовать, испытать» [10, С. 546].

Более высокий уровень развития рефлексии, когда субъект различает и выделяет в своем поступке его основу: выбор или нормы, правила, принципы. Свобода личности — в выборе из этих двух стратегий одной и осознание этого выбора. Такой выбор не может быть совершен, если он проблемный, не ясный для человека. Проблемность относится не к выбору, а к автоматическому действию установок. Осознание выбора стратегий позволяет адекватно условиям и целям применять либо стратегию выбора, либо стратегию действия на основе норм, правил, принципов.

При консультационной психологической работе мы предлагаем диагностическую процедуру, которая помогает выявить подмену и различить проблемы. Проблема выбора существует в теле рефлексии, проблема норм, правил и принципа относится к устойчивым образованиям личности, ее ценностно — смысловой и нравственной сфере.

Предлагаемая процедура состоит из анализа текста личности, описывающей свою проблему и заполнения матричной формы, в которую помещена целостная структура рефлексии. В матричной форме по вертикали вписываются модальности рефлексии и по горизонтали — ее направленности. К базовым модальностям относятся: действительного, возможного, необходимого и их противоположности. К производным от базовых, относятся модальности: сознательного, многомерного, темпорального, достаточного, трансгredientного, трансцендентного и их противоположности. Направленности рефлексии: на фрагментарность, на нормативность, на системность, на целостность, на «Я», на «Другого», на прогресс (развитие), на регресс (застывание), на творчество, на индуктивный способ, на дедуктивный способ, на рефлексию рефлексии, на активность работы механизма «рефлексия — мотив — воля» [16]. В пересечении вертикальных и горизонтальных колонок вписываются имеющиеся устные и письменные тексты, соответствующие данной модальности и направленности рефлексии. Если такую процедуру возможно осуществить и тексты позволяют, то представленные личностью противоречия относятся к проблеме выбора. В противном случае, текстом фиксируется проблема норм, правил и принципа, на основании того, что в таком тексте отсутствует временная и психологическая пространственная протяженность. В данной матричной форме при наличии пустых, не заполненных текстом мест, определяются ограничения в развитии рефлексии,

накладывающие отпечаток на проблему выбора. С помощью данной формы можно разрабатывать направления и перспективы развития рефлексии.

Таким образом, рассмотрев проблему выбора на примере исторических случаев, проведя психологические и философские рассуждения по правилам генетической логики, мы пришли к тому, что проблема выбора может быть «замещена» проблемой норм, правил и принципа. Различение данных проблем затруднительно и распоз-

нается только по результату: качественного личностного изменения или самоутверждения. Проблема выбора является системообразующей для поля психологических проблем личности, вызванных нарушениями и искажениями рефлексии, ее не развитостью, что является предметом рефлексивного психологического консультирования. Матричная форма, отражающая модель целостности рефлексии, позволяет различить проблемы выбора и норм, правил, принципа; выявлять подмену; выделять ограничения и перспективы развития для рефлексии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г. Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека. М.: Академия, 2007. — 528 с.
2. Винникотт Д. В. Семья и развитие личности. Мать и дитя. Екатеринбург: «ЛИТУР», 2004. — 400 с.
3. Выготский Л. С. Пути развития психологического познания // Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М.: Смысл, 1982. — С. 175–437.
4. Гоникман Э. И. Психология выбора. М.: Сантана, 2003. — 352 с.
5. Гонкур Э., Гонкур Ж. Дневник. В 2 т. М.: Художественная литература, 1964. — 1497 с.
6. Зинченко А. П. Организация рефлексии в процессах коллективного решения проблем / сб. науч. тр. Рефлексия в науке и обучении. Новосибирск: СО РАН, 1984. — С. 204–206.
7. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. — 2003. — Т. 24. — № 5. — С. 45–57.
8. Ковязина М. С., Фомина К. А. Нейропсихологический потенциал метода «фиксированной установки» Д. Н. Узнадзе // Экспериментальная психология. — 2016. — Том 9. — № 3. — С. 91–102.
9. Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. — 2011. — № 1. — С. 3–27.
10. Мамардашвили М. Психологическая топология пути М. Пруст. «В поисках утраченного времени». СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, ТОО «Журнал Нева», 1997. — 571 с.
11. Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности. Тексты. М.: Гнозис, 1982. — 230 с.
12. Полное собрание творений Платона / под ред. С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова. В 15 т. Т. 1. СПб.: Академия, 2006. — 632 с.
13. Роджерс К. Консультирование и психотерапия. Новейшие подходы в области практической работы: Монография. / пер. с англ. О. Кондрашовой, Р. Кучкаровой. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. — 464 с.
14. Сизикова Т. Э., Дураченко О. А. Психодиагностические методы рефлексии как метод развития рефлексии. Часть 1 // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. — 2018. — № 3 (46). — С. 81–86.
15. Сизикова Т. Э., Волошина Т. В. Принцип динамического равновесия в типологии проблем, разработанной в рефлексивном психологическом консультировании // Сибирский педагогический журнал. — 2015. — № 4. — С. 160–166.
16. Сизикова Т. Э. Мета-модель рефлексии в рамках мета-онтологии // Сибирский психологический журнал. — 2018. — № 68. — С. 6–31. DOI: 10.17223/17267080/66/1
17. Ялом И. Д. Экзистенциальная психотерапия. / пер. с англ. Т. С. Драбкиной. М.: «Независимая фирма «Класс», 1999. — 576 с.

© Сизикова Татьяна Эдуардовна (tat@ccru.ru), Дураченко Оксана Алексеевна (reflexia@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МИШЕНИ ПСИХОКОРРЕКЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ГИПНОДИНАМИКЕ СИСТЕМЫ ДОМИНИРУЮЩИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ДИСФУНКЦИИ СИСТЕМЫ ДОМИНИРУЮЩИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ.

TARGET PSYCHOLOGICAL IMPACT HYPODYNAMIC SYSTEM DOMINANT NEEDS. DEFINITION OF DYSFUNCTION OF THE SYSTEM OF DOMINANT NEEDS

A. Tarayanc

Summary. This article is a continuation of a series of scientific articles on the thesis of hypnodynamics of the system of dominant needs. This cycle consistently reveals to the reader the psychological theory of the system of dominant needs, which includes the concept of the norm and the harmonious flow of the process of satisfying the dominant needs, as well as the concept of dysfunction of the system of dominant needs, which is described in detail in this article. At the end of the cycle, it is planned to describe the algorithm of psycho-correction work using hypnosuggestive techniques, the purpose of which is the correction of dysfunction of the system of dominant needs. Earlier in the framework of this series was published article [1–4].

Keywords: hypnosis, hypnotherapy, psychology, psychotherapy.

Тараянц Артем Валерьевич

*Клинический психолог, гипнолог, Павловская гимназия
tarayants@mail.ru*

Аннотация. Настоящая статья является продолжением цикла научных статей о тезисах гипнодинамики системы доминирующих потребностей. Этот цикл последовательно раскрывает читателю психологическую теорию о системе доминирующих потребностей, включающую в себя понятие о норме и гармоничном течении процесса удовлетворения доминирующих потребностей, а также понятие о дисфункции системы доминирующих потребностей, которая подробно описана в настоящей статье. В завершение цикла планируется описание алгоритма психокоррекционной работы с применением гипносуггестивных техник, цель которой — коррекция дисфункции системы доминирующих потребностей. Ранее в рамках этого цикла были изданы статьи [1–4].

Ключевые слова: гипноз, гипнотерапия, психология, психотерапия.

Как известно, научность метода психотерапии определяется по нескольким критериям. Метод должен содержать: оригинальную теорию личности, описание процесса ее гармоничного развития, описание процесса дисгармоничного развития, и описание метода коррекции дисгармонии [9]. Гипнодинамика системы доминирующих потребностей изначально позиционируется как психокоррекционный, а не психотерапевтический метод [1]. Но, по своей сути, гипнодинамика системы доминирующих потребностей может считаться и методом психотерапии, поскольку во многих случаях практической работы, с разрешением психологических запросов клиентов видно и психотерапевтический эффект [3]. Поэтому, одной из перспективных целей настоящего цикла статей — является описание всех вышеперечисленных критериев научности, относительно гипнодинамики системы доминирующих потребностей.

Ранее, в статье «Гипнодинамика системы доминирующих потребностей» Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» Серия: Познание № 9 сентябрь 2018 г., была описана статическая схема сосуда потребностей и пять динамических состояний со-

суда потребностей[1]. Из содержания статьи становится ясно, что эти понятия являются символическим кодом, потенциально способным описать процесс гармоничного удовлетворения любой потребности. А так же было введено понятие коррекционного сосуда, который создается в гипнотическом процессе из запроса клиента для коррекции дисфункции системы доминирующих потребностей в гипнодинамическом процессе.

В настоящей статье описывается, как выявляется дисфункция системы доминирующих потребностей клиента, как далее определяется мишень коррекционного воздействия [2] и как подтверждается предварительный психологический диагноз. Также рассматривается процесс проявления и развития субъектной позиции клиента во взаимодействии с гипнотерапевтом. Другими словами, как происходит переход взаимодействия с гипнотерапевтом с интерпсихического этапа на экстрапсихический [10].

В предварительной беседе гипнотерапевту необходимо определить характер проблемы клиента [2]. Как писалось ранее, гипнодинамика системы доминирую-

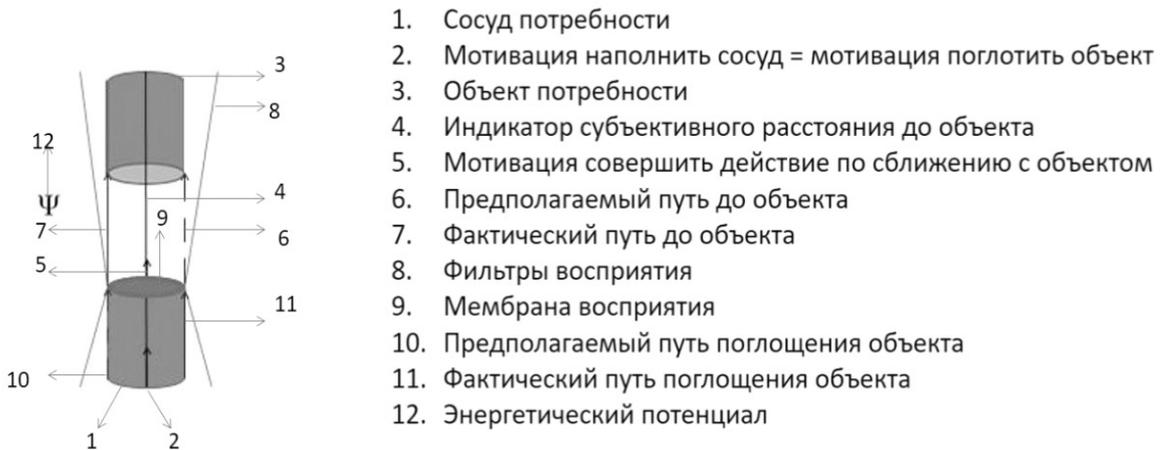

Рис. 1. Статическая схема сосуда потребности с обозначением элементов и их названий.

1. Сосуд потребности
2. Мотивация наполнить сосуд = мотивация поглотить объект
3. Объект потребности
4. Индикатор субъективного расстояния до объекта
5. Мотивация совершить действие по сближению с объектом
6. Предполагаемый путь до объекта
7. Фактический путь до объекта
8. Фильтры восприятия
9. Мембрана восприятия
10. Предполагаемый путь поглощения объекта
11. Фактический путь поглощения объекта
12. Энергетический потенциал

щих потребностей — это метод, по большей степени, ориентированный на психологическую работу с клинической нормой. Поэтому, мы рассматриваем ситуацию, когда клиент не имеет клинических симптомов, которые можно обозначить в качестве мишеней психотерапии. Тогда гипнотерапевт ориентируется на тезис гипнодинамики о том, что в основе субъективно ощущаемого психологического дискомфорта клиента лежит неудовлетворенная потребность, которая в настоящее время является для клиента и доминирующей по отношению к другим.

Далее, используя целостную модель символического описания любой потребности, которой является статическая схема сосуда потребности, гипнотерапевт, путем задавания вопросов и получения обратной связи от клиента, должен выстроить в своем представлении некий абстрактный срез текущего состояния этой неудовлетворенной потребности в картине интегрального сосуда потребностей клиента.

Этот абстрактный срез позволит гипнотерапевту увидеть предполагаемую дисфункцию системы доминирующих потребностей клиента. То есть, причину задержки, или остановки процесса гармоничного удовлетворения потребности, которая лежит в основе психологического дискомфорта клиента. А свое представление о гармоничном процессе удовлетворения доминирующей потребности, гипнотерапевт формирует исходя из модели описания пяти динамических состояний сосуда потребности [1], которые символически описывают процесс удовлетворения любой потребности.

Для формирования в своем представлении этого абстрактного среза, гипнотерапевт в предварительной беседе выстраивает линию вопросов, цель которых — выявить качество осознанности клиентом ключевых эле-

ментов причинной неудовлетворенной потребности клиента в картине интегрального сосуда. Как было написано выше, для этого гипнотерапевт использует статическую схему сосуда потребностей.

Статическая схема сосуда потребностей содержит всего 12 элементов [1].

Но, выстраивая линию вопросов, гипнотерапевт должен понимать, что на первой встрече для клиента любой из терминов обозначающих эти элементы будет отстраненным от его субъективного чувственного опыта и непонятным. Поэтому гипнотерапевт выстраивает линию вопросов, ориентируясь на то, каким образом сам клиент в данный момент называет, или может назвать эти элементы, если ему задать наводящий вопрос. По причине наличия дисфункции в системе доминирующих потребностей клиента, в его восприятии целостность картины, которую описывает статическая схема, является разорванной. Поэтому некоторые вопросы о тех, или иных элементах статической схемы, уже в процессе предварительной беседы могут приводить клиента к более глубокой осознанности причинно-следственных связей, и к прояснению возможных вариантов разрешения существующих психологических проблем.

Жизненная ситуация каждого человека уникальна, как и его словарный запас [5], поэтому создать ориентировочный список вопросов, ответы на которые бы гарантированно дали информацию гипнотерапевту по каждому элементу в каждой жизненной ситуации, невозможно. В некоторых случаях, гипнотерапевту достаточно сказать: «Расскажите о том, что Вас беспокоит сейчас» А дальше только добавлять: «Вот об этом подробнее» Или: «Проясните, что Вы имели ввиду под этим словом?» А в других случаях, гипнотерапевту приходится изрядно потрудиться, задавая наводящие вопросы,

чтобы клиент рассказал достаточно информации о том, как и какой именно психологический дискомфорт он чувствует? Есть ли у него представление о том, чего ему в данный момент нужно, или не хватает, или хотелось бы? Как его проблема проявилась, как она развивалась, и как воспринимается им самим? Какой опыт действий в аналогичных ситуациях уже имеет? Какова реальная значимость проблемы для него? И т.д.

Искусство задавания предварительных вопросов гипнотерапевтом, с целью сформировать в своем восприятии предварительную картину дисфункции системы доминирующих потребностей клиента нарабатывается тренировкой в процессе обучения и личным опытом гипнодинамики системы доминирующих потребностей. Сначала в наблюдении за преподавателем на демонстрациях в учебной группе, потом в работе в парах со студентами, и оттачивается в работе с первыми клиентами.

Вопросы рождаются в предварительной беседе у гипнотерапевта легко на интуитивном уровне, если гипнотерапевт изначально усвоил целостную картину гипнодинамического процесса на своем личном чувственном опыте. То есть, сначала в качестве клиента пришел к разрешению запроса, а потом связал свой реальный гипнодинамический процесс с абстрактной картиной статической схемы и схемы пяти динамических состояний. Этому процессу посвящен первый модуль авторской программы обучения Тараянца А.В. «Психокоррекция с применением гипносуггестивных техник».

Теперь подробнее о том, как возникает представление о дисфункции. Сформировав в своем представлении некий абстрактный срез текущего состояния неудовлетворенной потребности в картине интегрального сосуда клиента, гипнотерапевт обозначает предварительные мишени [7] психокоррекционного воздействия. Предварительной мишенью становится тот элемент схемы, или совокупность элементов, которые мешают гармонично развиваться процессу удовлетворения потребности, которая лежит в основе психологического дискомфорта клиента. Как уже писалось выше, представление о гармоничном развитии этого процесса, гипнотерапевт формирует исходя из модели описания пяти динамических состояний сосуда потребности, которая будет подробнее описана ниже.

После обозначения предварительных мишеней [7], гипнотерапевт должен проговорить с клиентом свои предположения и получить обратную связь о том, ложатся ли эти предположения на чувственный опыт клиента, говоря другими словами, откликаются ли в душе. Очень важно, чтобы формат беседы на этом этапе в восприятии клиента имел явный контекст проговора именно предположений гипнотерапевта. Гипнотерапевт даже может

уделить отдельное внимание этому вопросу, проговорив с клиентом, что он сделал предположения на основе их предварительной беседы и сейчас хочет ими поделиться с клиентом, чтобы проверить их состоятельность.

Если предположения верны, во время их проговора, в восприятии клиента устанавливаются причинно-следственные связи и формируется более целостная картина собственной психологической проблематики, повышается уровень осознанности своей потребностной сферы. Важно проговорить с клиентом этот момент и получить от него обратную связь о том, какими глазами теперь он видит свою ситуацию.

Обратная связь от клиента, позволяет сделать выводы о его личном стремлении к каким-то конкретным изменениям. Личное стремление к изменениям у клиента — является основой, на которой в дальнейшем произрастает психокоррекционная мотивация и наполняющая психокоррекционный сосуд психическая энергия [2].

Есть категория клиентов, которая затрудняется давать ответы на вопросы о связи предположений гипнотерапевта со своим чувственным опытом [4], и тогда гипнотерапевт может провести какие-то психодиагностические мероприятия, в том числе и отдельные психодиагностические гипнотические техники [7], для подтверждения предварительного психологического диагноза. После определения и подтверждения предварительных мишеней [5], необходимо выяснить личную мотивацию клиента. То есть, спросить его о собственном желании конкретных изменений, на основании которого уже можно переходить к предварительной работе с запросом.

После того, как гипнотерапевт провел предварительную работу с запросом, провел гипнотическую сессию, или цикл гипнотических сессий, до того момента, когда психокоррекционный запрос клиента разрешился, гипнотерапевт дает задание клиенту — прописать детально историю разрешения его запроса. То есть, буквально с того момента, когда запрос впервые был преобразован в коррекционный сосуд и прошла первая гипнотическая сессия, до того момента, когда клиент осознал, что запрос удовлетворен.

Этим заданием гипнотерапевт развивает способность клиента к осознанию реактивного ответа психики. Чаще всего, во время описания истории разрешения запроса, в восприятии клиента выстраиваются причинно-следственные связи между событиями, ситуациями, состояниями и т.д., которые привели его к тому, что его запрос оказался разрешен. На этом этапе, выполняя задание гипнотерапевта, клиент может наглядно увидеть харак-

тер влияния на его жизнь той части психики, которую принято называть бессознательным. По сути, клиент может увидеть, как именно его собственная психика ответила на его запрос. В этот момент, клиент наиболее всего готов к освоению терминов и моделей теории о гипнодинамике системы доминирующих потребностей.

Далее, клиенту описывается модель статической схемы сосуда потребностей и схема пяти динамических состояний. Объясняется идея интегрального сосуда потребностей и за одну сессию дается ряд практических заданий.

Инструкция к первому заданию выглядит так:

Попробуйте представить, глядя на статическую схему сосуда потребностей и модель пяти динамических состояний сосуда потребностей, что может помешать первому динамическому состоянию перейти во второе, второму в третье, третьему в четвертое, а четвертому в пятое. Обдумайте это самостоятельно и пропишите в терминах теории о системе доминирующих потребностей.

Далее, когда клиент прописал все возможные варианты, которые ему пришли в голову, ему предлагается их озвучить. Как правило, клиент описывает и озвучивает возможные варианты дисфункции отстраненно от своего чувственного опыта, поскольку в этот момент абстрактные элементы теории еще не связались в его восприятии с его собственными внутренними процессами. Но довольно часто можно слышать, что уже в этот момент клиент связывает различные варианты дисфункции с какими-то житейскими ситуациями, или с какими-то конкретными людьми.

Инструкция ко второму заданию выглядит так:

Теперь давайте сделаем психологический эксперимент. Возьмите тот текст, который у Вас есть, и проговорите мысленно все варианты дисфункции, которые Вы описали относительно своего «Я».

То есть, к примеру:

1 вариант — «нет достаточной осознанности сосуда потребности»

2 вариант — «У МЕНЯ нет достаточной осознанности сосуда потребности»

В процессе выполнения второго задания, как правило, клиент испытывает множество инсайдов. У него появляются ответы на висающие до этого вопросы относительно жизненных ситуаций, в которых он оказывался ранее. Он глубже начинает понимать свои личностные особенности, которые проявляются в том, каким именно образом он подходит к вопросу удовлетворения своих потребностей.

Инструкция к третьему заданию:

Возьмите текст Вашего описания процесса решения запроса, какие виды дисфункций проявились в этом процессе, какие из них скорректировались, а какие еще требуют коррекции?

В процессе выполнения третьего задания, как правило, клиент точно описывает свой собственный вид дисфункции системы доминирующих потребностей, именно в тех терминах, которые ближе всего к его личному восприятию. Происходит это потому, что уже в процессе выполнения первого задания у клиента включается проективный психологический механизм. То есть, думая, что он описывает абстрактную ситуацию в терминах абстрактной модели, на самом деле, он описывает наиболее часто встречающиеся у себя варианты дисфункции системы доминирующих потребностей.

Далее, клиенту предлагается сформулировать самостоятельно новый запрос, ориентируясь на описание критериев эффективности и экологичности, представленные в статье «Предварительная работа с запросом клиента в гипнодинамике системы доминирующих потребностей. Создание коррекционного сосуда» Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия: Познание № 12 декабрь 2018 г [2].

Когда запрос готов, клиента необходимо обучить техникам самостоятельного погружения в транс [6], а также логике преобразования запроса в коррекционный соуд, и простым моделям гипнотических актов [3].

После этого, клиент готов перейти с интерпсихического этапа гипнодинамики системы доминирующих потребностей на экстрапсихический [10]. Как правило, субъектная активность клиента [8] на этом этапе возрастает и гипнотерапевт переходит в позицию преподавателя инструктора или супервизора для клиента.

Теперь подробнее о понятии дисфункции системы доминирующих потребностей.

Дисфункцией системы доминирующих потребностей — является остановка гармоничного развития пяти динамических состояний одной, или нескольких доминирующих потребностей в картине интегрального сосуда, с присутствием субъективно ощущаемого психологического дискомфорта, связанного с этим.

По характеру дисфункция системы доминирующих потребностей может быть: как локальной, так и комплексной. Иметь функциональную, структурную, или смешанную природу.

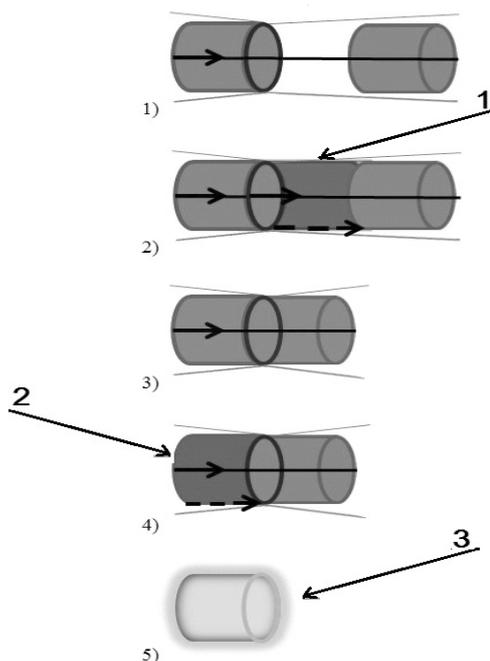

Рис. 2. Вертикальная модель пяти динамических состояний сосуда потребностей.

В результате гипнодинамического процесса, в зависимости от характера дисфункции, возможно:

- ◆ полное восстановление гармоничного процесса насыщения доминирующей потребности;
- ◆ частичное восстановление, цель которого — максимально возможное насыщение доминирующей потребности и минимизация психологического страдания, связанного с ней;
- ◆ формирование компенсаторных механизмов психики, связанных с изменением иерархии конкурирующих потребностей в картине интегрального сосуда и общим развитием потребностной сферы.

Модель пяти динамических состояний сосуда потребности схематически выглядит так:

Ранее, в статье «Гипнодинамика системы доминирующих потребностей» Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» Серия: Познание № 9 сентябрь 2018 г., уже была описана схематическая модель пяти динамических состояний, а также было подробно описано то, как одно динамическое состояние переходит в другое. В настоящей статье рисунок изображен по-другому, пять динамических состояний изображены в вертикальной последовательности. Такое изображение более наглядно показывает, как объект, переходя последовательно от одного динамического состояния к другому, насыщает корневой сосуд потребности. Кроме того, гораздо убедительнее выглядит тезис о том, что поведенческий сосуд (отмечен цифрой 1 на

рисунке), то есть желание совершить деятельность, направленную на сближение сосуда с объектом, и предполагаемый путь до объекта (пунктирная стрелка), то есть некий план деятельности, который теоретически мог бы привести к сближению с объектом — уже является первым шагом фактического пути сближения с объектом потребности. Цифрой два на рисунке обозначен поведенческий сосуд желания поглотить объект, когда фактический путь до объекта уже совершен. Можно сказать, что для модели динамических состояний сосуда потребности фактический путь сосуда до объекта — является почти что абстракцией и никак не обозначается, кроме первого шага.

Пятое динамическое состояние также изображено более удачно в настоящей статье, так как на рисунке более наглядно показано, что психическая энергия, не является какой-то новой материальной энергией. Цифрой 3 на рисунке показана мембрана восприятия, которая в настоящей модели обозначает фактически существующую в реальных органах восприятия чувственную информацию о субъективно ощущаемом насыщении, которое может иметь разную чувственную окраску в зависимости от того какая именно потребность была удовлетворена. Эта чувственная информация и называется в нашей теории психической энергией.

Если речь пойдет о таких понятных потребностях, как потребность в поглощении пищи, или воды, то любому человеку покажется бесполезной абстрактная модель системы доминирующих потребностей. Но на приеме

гипнотерапевта, как правило, работа ведется с более тонкой и менее осязаемой частью потребностной сферы. Клиент может чувствовать психологический дискомфорт от того, что его потребность, к примеру, в свободе самовыражения неудовлетворена, но саму эту потребность ему не просто осознать, назвать, или представить, как, например, потребность выпить воды. Я уже не говорю о том, чтобы выстроить в восприятии целостную картину, аналогичную статической схеме сосуда потребностей. Кроме того, если Вы попробуете представить, что такое потребность самовыражения для Вас, а затем спросите о том же рядом стоящего человека, Вы узнаете, что одна и та же неосозаемая психологическая потребность описывается разными людьми совершенно по-разному. Совершенно по-разному может ощущаться психологический дискомфорт, совершенно разные представления об объекте, и т.д. Разные настолько, что для того, чтобы исправить дисфункцию процесса гармоничного насыщения потребностной сферы, проще использовать целостную символическую модель, которая подходит к описанию любой потребности и процесса ее насыщения, чтобы сначала в короткие сроки скорректировать дисфункцию, используя неосознаваемый ресурс психики, и возможность его актуализации, через создание коррекционного сосуда, а потом научить самого клиента делать тоже самое самостоятельно, нежели тратить годы психотерапии на то, чтобы подобрать нужные слова для обозначения чувственных и эмоциональных нюансов для описания своего внутреннего дискомфорта.

Именно для этого в гипнодинамике системы доминирующих потребностей и нужны символические модели статической схемы сосуда потребности и схемы пяти динамических состояний сосуда потребности.

Авторская модель описания вариантов дисфункции системы доминирующих потребностей служит как исходный образец для психологической теории о гипнодинамике системы доминирующих потребностей. Она сформулирована в виде перечисления возможных психологических диагнозов, в рамках настоящей теории. Это диагностический опыт, который может помочь гипнотерапевту сделать предположительный психологический диагноз, понимая, что ситуация каждого нового клиента может быть уникальной и иметь свои нюансы.

Описанный ниже перечень возможных психологических диагнозов собран исходя из совокупного опыта личной гипнодинамики автора, и опыта гипнодинамики студентов курса «Психокоррекция с применением гипносуггестивных техник» и клиентов за 12 лет практической работы.

Для более глубокого ее понимания могут быть необходимы дополнительные комментарии, которые выйдут за рамки формата научной статьи.

Описание выглядит следующим образом:

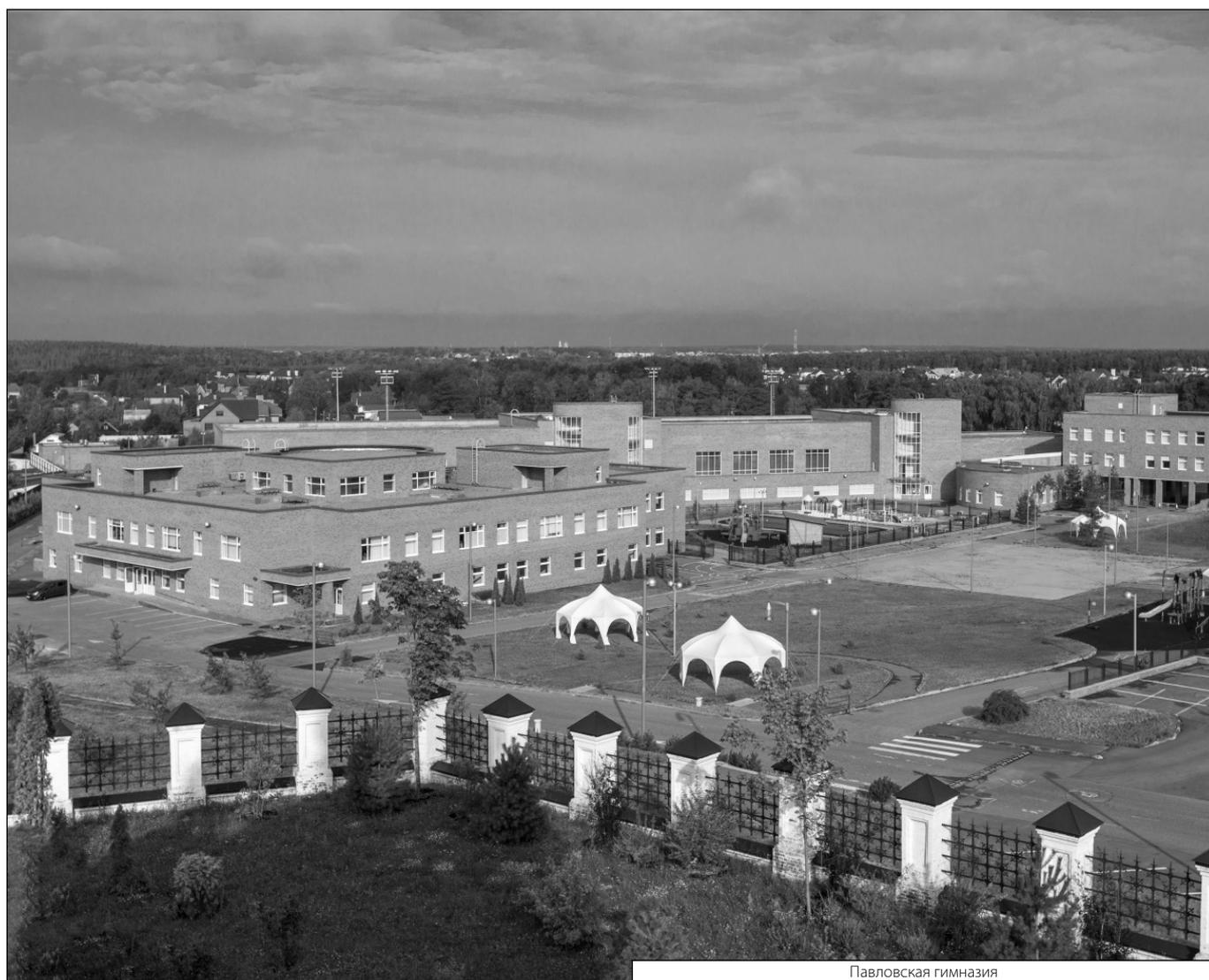
1. Структурная дисфункция анализаторов, либо индикаторов системы восприятия интегрального сосуда.
2. Ложное представление об объекте потребности.
3. Ментальная субъектная пассивность.
4. Противоречивость мотивации сосудов (корневого и поведенческого; поведенческого и поведенческого разных корневых сосудов)
5. Конкурентный кризис субъективной значимости доминирующих потребностей.
6. Низкая эффективность организации деятельности, ориентированной на удовлетворение потребности.
7. Автономный контейнер психотравмы с комплексом психологических защит.
8. Низкая эффективность необходимой реорганизации деятельности, в связи со значимыми изменениями.
9. Нарушение процесса поглощения объекта в связи с изменением свойств объекта, или свойств сосуда.
10. Дефицит насыщения объекта в связи с изменением свойств объекта, или свойств сосуда.
11. Рефлекторное отторжение объекта.
12. Острый или хронический постстрессовый дефицит психической энергии.
13. Дефицит психической энергии по причине отсутствия эффективной деятельности, ориентированной на насыщение потребностей.
14. Функциональное, либо структурное недоразвитие системы доминирующих потребностей, обусловленное отсутствием необходимых условий для нормального развития интегрального сосуда.
15. Аддиктивная деградация системы доминирующих потребностей.
16. Хронический дефицит психической энергии по причине структурных нарушений интегрального сосуда.
17. Функциональная деградация системы доминирующих потребностей, обусловленная хроническими заболеваниями, возрастными изменениями, либо внешними агрессивными воздействиями, влияющими на функционирование психики.
18. Дезорганизация или деградация системы доминирующих потребностей в связи с резкими изменениями социальной среды.
19. Острая, или хроническая дезорганизация или деградация системы доминирующих потребностей в связи с негативным воздействием интенсивного социально значимого информационного потока
20. Экзистенциальная фрустрация системы доминирующих потребностей в результате достижения какой-либо точки псевдо компромисса в треугольнике компромиссов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тараянц А. В. Гипнодинамика системы доминирующих потребностей // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание»,—2018, -№ 9, -С. 76–83
2. Тараянц А. В. Предварительная работа с запросом клиента в гипнодинамике системы доминирующих потребностей. Создание коррекционного сосуда // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание»,—2018, -№ 12, -С. 71–76
3. Тараянц А. В. Понятие и виды гипнотических актов. Описание основных идей, сути психологических действий и феноменов при выполнении гипнотического акта. Журнал «АНИ: педагогика и психология» в 2019 г.
4. Тараянц А. В. Виды психологического сопротивления при погружении в гипнотический транс и способы его преодоления. Журнал «АНИ: педагогика и психология» в 2019 г.
5. М.Н. Гордеев. «Фундаментальное руководство по эриксоновскому гипнозу» Изд-во Института Психотерапии, 2015~<357 страниц
6. Шульц И. Г. Аутогенная тренировка: Пер. с нем. к. мед. наук С. Л. Дземешкевича под ред. к. мед. наук, проф. В. Е. Рожнова.: Медицина, 1985, 32 с
7. Гордеев М. Н. Гипноз: Практическое руководство. 3-е изд. — М. Изд-во Института Психотерапии, 2005. — 240 с.
8. Гордеев М. Н., Евтушенко В. Г. Техники гипноза. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003.-245 с.
9. Абабков В. А. Проблема научности в психотерапии / В. А. Абабков; С.-Петерб. гос. ун-т.— СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998.— 74, [2] с.
10. Выготский Л. С. Психология развития человека.— М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005.— 1136 с.

© Тараянц Артем Валерьевич (tarayants@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Павловская гимназия

К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА СМЕШАННОЙ (ЛОСКУТНОЙ) СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

TO THE QUESTION OF RESEARCH OF A PHENOMENON OF STEP (PATCHWORK) FAMILIES IN THE MODERN SOCIO-PSYCHOLOGICAL SCIENCE

A. Stolz

Summary. In the article there is analyzed the concept of blended family which isn't yet widely studied in Russian social psychology. The contents of the term "blended family" are specified, corresponded terms in Russian science are revealed; the main directions of studying of the phenomenon and existing gaps are defined. The conclusion is drawn on need of observation of the phenomenon in dynamics; the inopportunity of defining of blended family as panacea of development of family institution is reasoned.

Keywords: patchwork family, blended family, step family, the mixed family, repeated marriage.

Штольц Ангелика Львовна

Аспирант, Московский институт экономики,
политики и права
a.stolz@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется понятие лоскутной семьи, исследование которого в российской социальной психологии еще не нашло широкого отклика. Сформулировано содержание термина «лоскутная семья», выявлены смежные терминологические соответствия в отечественной науке; определены основные направления изучения феномена, существующие пробелы. Сделан вывод о необходимости наблюдения явления в динамике; аргументирована нецелесообразность трактовки лоскутной семьи как панацеи развития института семьи.

Ключевые слова: лоскутная семья, смешанная семья, расширенная семья, повторный брак.

Западная психологическая наука в рамках различных направлений сегодня активно исследует такое явление как *patchwork families*, или «лоскутные» семьи, т.е. семьи, созданные двумя партнерами, один или оба из которых имеют или не имеют детей от предыдущего брака (семейного союза), для которых второй партнер при этом не является биологическим родителем. Однако несмотря на высокое распространение в современном социуме, в российской социальной психологии исследование феномена лоскутной семьи еще не нашло широкого научного отклика.

Термин «лоскутная семья» (*patchwork families* — в англ.яз.) происходит от английского слова *patchwork*, передавая аналогию между видом рукоделия (*patchwork* — пэчворк — лоскутное шитье) и вновь созданными семьями, структуру и социально-психологическое пространство которых можно сравнить с ярким лоскутным одеялом, «сшитым» из многочисленных отрывков, остатков ткани различных типов и видов — идентифицируемых в психологии с оставшимися «частями» предыдущих браков и союзов. «Очень часто «швы» между такими отрывками выглядят слишком грубыми, дисгармоничными, а сами «части ткани» — трудно сочетаемыми между собой. Но тем не менее, все они уже крепко соединены в единое «лоскутное пространство»,

в котором им приходится так или иначе «сосуществовать» рядом [10, с. 33].

В российской науке зарубежному термину «лоскутная» семья в большей степени соответствует понятие смешанной семьи и в определенной степени термин «расширенная семья». Однако следует отметить, что термин «расширенная семья», используемый в ряде случаев специалистами для определения изучаемого нами явления, выступает как более объемное понятие. Расширенная семья представляет собой сложносоставную семью, состоящую из нескольких поколений, где выделяется семейное ядро из родительской семьи и производной семьи (семей) [3, с. 23], или структуру, где помимо основной семьи также проживают совместно родственники (в т.ч. с собственными семьями) [5, с. 8]. Такой тип семьи может включать (или не включать) лоскутные семьи детей.

В свою очередь, при употреблении термина «смешанная семья» мы обращаемся именно к параллели с терминологией российской психологической науки, где под данным типом семьи подразумевается «перестроенная» семья, которая образуется вследствие брака (союза) разведенных (расставшихся) индивидуумов. В состав такой семьи входят неродные родители и неродные дети, так

как дети от предыдущего брака вливаются в новую единицу семьи. [7, с. 52] Таким образом, если первый брак подразумевает объединение двух семей, то повторный брак и создание новой семьи — уже не двух, а трех и более семей.

В то же время в других науках, в частности, социологических, культурологических и т.д. данный термин в интерпретации российскими исследователями обнаруживает несколько другие трактовки смешанной семьи. В частности, в социологии, понятие «смешанная семья» также имеет национальное и религиозное определение. В первом случае подразумевается брак двух человек разных национальностей, во втором — различных религиозных убеждений. Это позволяет вести речь об определенной неоднозначности термина «смешанная семья», в связи с чем в настоящей статье в дальнейшем мы полагаем наиболее целесообразным использовать заимствованный из зарубежной науки термин «лоскутная семья» как наиболее отвечающий специфике данной структуры с точки зрения социально-психологического подхода.

Сам по себе феномен смешанных, расширенных, сложных семей в российской социально-психологической науке разработан лишь частично и освещен косвенно, в контексте решения других задач семейной психологии или изучения отдельных аспектов этого явления. Его разработка представлена, в частности, исследованием проблем межпоколенного взаимодействия в расширенных семьях (С. Ю. Дудина); общего характера проблем в смешанных семьях и специфики взаимоотношений их членов (Н. Л. Москвичева, Е. Г. Суркова, В. А. Сонин); формирующегося кластера проблем в контексте типологии, целевых ориентиров смешанных семей (А. И. Антонов, З. Б. Батинова, С. А. Залитинова, В. М. Медков и т.д.); факторов, обеспечивающих стабильность функционирования смешанной семьи при возникающих проблемах (Е. П. Арнаутова и др.); социально-психологических особенностей и трудностей взаимной адаптации членов смешанной семьи, нарушения социальных ролей и эмоциональных взаимоотношений в смешанных семьях (Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис, Л. Б. Шнейдер и др.); общих факторов неблагополучия, условий хронизации подобных проблем и психологического здоровья смешанных семей (О. Г. Прохорова и др.); консультирования семей смешанного вида (Н. Н. Посысов и др.).

В числе социально-психологических проблем и трудностей в условиях функционирования смешанных, сложных, расширенных семей в науке выделены и рассмотрены достаточно разнообразные аспекты: трудности супружеских взаимоотношений; противоречия во взаимоотношениях родителей и детей, подростков; разногласия во взглядах на воспитание детей и роли в этом каждого из родителей; гипертрофированные по-

требности одного или обоих супругов, вариативность мотивации иметь детей и расхождение репродуктивных установок, расхождение ценностных установок супругов и детей, установок на характер главенства в семье, на распределение обязанностей в семье, ограничения в коммуникации, деформации семейных, социальных ролей (в т.ч. роли детей под влиянием взаимодействия взрослых) и т.д. При этом, как показывает проведенный анализ и систематизация данных, наибольшее внимание уделено социально-психологическим проблемам, носящим критический характер воздействий на функционирование современной семьи, в том числе смешанного типа (дисбаланс супружеских ролей, перегрузка ролей женщины, семейное неблагополучие и насилие, употребление алкоголя), в то время как проблемы, носящие латентный характер в данной области, освещены не так широко.

Следует также отметить тот факт, что многие отечественные исследования, в той или иной степени затрагивающие феномен лоскутной семьи носят описательный, систематизирующий, обзорный характер. При этом наблюдается недостаточное количество как исследований эмпирического плана, позволяющих исследовать отдельные элементы данного феномена в корреляции с различными факторами, так и работ методического характера, освещающих вопросы профилактики и социально-психологической помощи, консультирования проблем семей смешанного типа.

Обращаясь к зарубежным исследованиям в контексте изучаемой проблемы, следует особо выделить работы таких авторов, как К. Аронс, Д. Браун, Д. Кристенсен, В. Сатир, Дж. Олсен, в которых освещены типология социально-психологических проблем взаимоотношений в смешанных семьях различных видов, охарактеризовано социально-психологическое пространство данной структуры, ее типологии, рассмотрены поведение и намерения членов лоскутных семей в корреляции с проблемными событиями, систематизированы основные причины возникновения проблем в данных семьях; динамика развития проблем во взаимоотношениях членов семей в корреляции с остротой формирующихся конфликтов; выявлены факторы благополучия во взаимодействии членов смешанных семей (М. Мынарска, И. Котовска, Д. Криванек, Г. Нейер, Л. Олах, Б. Ридерер, П. Руис, И. Ящински и др.); рассматриваются вопросы психотерапии семейных проблем в структурах лоскутного вида (Ф. Райс, П. Кинг и др.). Особое внимание, в частности, уделяется предикторам проблем во взаимоотношениях в лоскутных структурах; проблемам адаптации детей после развода родителей в смешанных семьях; конфликтам между родителями в смешанных семьях, связанным с поведением сиблингов, к которому каждый из родителей относится определенным образом (соответственно,

и сиблинги отвечают разными чувствами); сравнительному изучению поведенческих изменений у детей под влиянием различных проблем во взаимоотношениях; влиянию конфликта во взаимоотношениях между родителями (в биологической и смешанной семьях) на поведение детей, обратное влияние поведения детей на конфликт между родителями.

Несмотря на достаточно значительный теоретико-методологический базис проблемы и число освещенных аспектов, следует констатировать, что феномен лоскутной семьи, не только в отечественной, но и зарубежной социальной психологии, как свидетельствует проведенный автором анализ, к настоящему моменту разработан лишь частично, — либо в рамках более общих исследований по данному вопросу, либо косвенно — в рамках отдельных направлений данной проблемы. Между тем, лоскутные семьи, характеризуясь определенными социально-психологическими параметрами жизнедеятельности, свойственными малой группе, могут иметь принципиально различные размер, степень ригидности границ, социальную направленность и психологически содержательную и эмоциональную насыщенность, характеризующие процессы взаимодействия их членов, что, на наш взгляд, требует более тщательного, теоретико-методологического и эмпирического изучения данных общностей с позиций системного, целостного подхода к данному явлению. Функционирование таких структур происходит в социально-психологическом пространстве, характеризующимся высоким стрессовым фактором, что выражается в соответствующих переживаниях членов семьи, в особенности детей (а также «запасных» родителей), — чувствах обособленности, одиночества, неудовлетворенности, эмоционального неблагополучия, неудачи, ненужности и т.д., сопровождается процессами неприятия, игнорирования или открытого конфликта, исследование которых, как и изучение самого феномена лоскутных семей в целом, необходимо в динамике.

Аргументируя авторский взгляд, считаем целесообразным подтвердить обоснованность выдвинутого выше тезиса объективными социальными обстоятельствами и достаточно существенными трансформациями, повлиявшими на различные типы семейных структур, изменение их сущности, функций и сегодняшнего состояния. Смещение функций семейного института, начавшееся еще в 1920-е годы в связи «с утверждением приоритетной роли общественного воспитания и игнорированием естественного и закономерного влияния особенностей семейного функционирования на формирование личности ребенка», привело к «зарождению и развитию в отечественных условиях объективных противоречий во взглядах на сущность, цели и содержание жизнедеятельности семьи, а попытки разрешения этих противоречий на практике, применяемые методические

инструменты пока еще не достигают ожидаемого эффекта» [2, с. 4]. И нужно отметить, что наиболее острое проявление данных противоречий наблюдается сегодня в условиях функционирования лоскутных семей.

Еще около века назад основным путем, который вел к образованию лоскутной семьи была смерть одного из супругов. Вдовы и вдовцы нуждались в воссоздании семьи не столько из-за чувства одиночества или убеждений, что «ребенку нужна полная семья», сколько из более бытовых аргументов. Одному родителю было очень часто невозможно прокормить детей, с учетом распространенности больших семей с 4 и более детьми, а овдовевшему отцу без женского участия было тяжело справиться с поддержанием домашнего хозяйства, вопросами обучения и воспитания детей. Сейчас, благодаря медицинскому прогрессу, вероятность смерти одного из супругов в молодом возрасте существенно снизилась. А количество разводов, наоборот, демонстрирует тенденцию к росту. В связи с этим мотивация в организации смешанных семей претерпевает изменения.

В современном мире лоскутные семьи получают все более широкое распространение в связи с дестабилизацией общей политической и социально-экономической ситуации (потеря работы одним из супругов, снижение доходов семьи, невыполнение ожиданий семейной жизни и т.д.) и ростом стрессовых факторов. Развод и повторное вступление в брак воспринимаются обществом как норма. Ранний возраст вступления в брак (18–22 года) также часто способствует распаду семей и возникновению череды повторных браков. Статистические данные свидетельствуют, что, например, в США сегодня более 15% семей являются лоскутными. При этом 40% повторных браков заканчиваются разводами. В свою очередь в России 2/3 женщин и 3/4 мужчин вступают в повторный брак. [8, с. 93]

Проникновение и доминирование индивидуальных ценностей над групповыми ведет к тому, что жизненные цели, связанные с построением карьеры, становятся более приоритетными по сравнению с задачами воспитания детей и поддержанием семейных взаимоотношений, что, в свою очередь, провоцирует индивидуумов на создание все новых и новых семей [1, с. 18]. Таким образом, распространение лоскутных семей в современном обществе в значительной степени является следствием негативных процессов, что, в частности, приводит к активизации в их условиях деструктивных, агрессивных проявлений во взаимоотношениях.

Ряд исследователей-социологов и психологов [см., напр. систематизацию мнений исследований в источ.: 9] называют лоскутные семьи перспективной семейной моделью будущего, которая будет и дальше приобретать

неминуемое распространение. В лоскутных семьях, где отношения уже налажены, определить со стороны является ли данная семья лоскутной или классической зачастую невозможно, то приводит к полному принятию такой семьи окружением. Дети же, выросшие в смешанных семьях, воспринимают подобную модель как норму. При этом другие альтернативные модели семейных отношений (например, такие как родитель-одиночка с детьми) не имеют подобных перспектив, так как требуют больше сил для борьбы с общественными стереотипами. Однако на взгляд автора статьи, вести речь о лоскутных семьях как о панацее института семьи крайне нецелесообразно ввиду того, что в основе каждого нового лоскутного союза лежат последствия неудавшихся браков, оставляющие невидимый, но значительный социально-психологический след. О достоверности данного тезиса свидетельствуют и приведенные далее статистические данные, систематизированные автором на основе изучения ряда актуальных научных исследований.

Хотя среди лоскутных семей, по оценкам специалистов, сегодня высок уровень структур, отличающихся высоким уровнем психологического здоровья, сходством семейных ценностей, устремленностью на семейное долголетие [6, с. 64], в то же время достаточно часто такие структуры трансформируются в неблагоприятные, будучи не в состоянии противостоять воздействию дестабилизирующих несемейных и внутрисемей-

ных факторов. В последнем случае в таких семьях часто преобладают личные, эгоистичные интересы, каждый из членов сосредоточен преимущественно на себе. Нравственно-психологическая атмосфера подобных лоскутных семей порождает “проблемных” детей. До 90% детей из таких негативных лоскутных структур характерны поведенческие деформации [4]. Им свойственны психологическая несовместимость членов семьи, проблемы взаимодействия с микроокружением, своеобразное, деформированное понимание проблем сплоченности, авторитета, лидерства и т.д.

Таким образом, подводя итог, следует заключить, что в лоскутных семьях обнаруживается крайне широкий спектр социально-психологических проблем, отличающихся той или иной остротой проявления и градусом накала, что требует тщательного научно-практического изучения данной проблемы в социально-психологическом ключе с целью совершенствования профилактики и коррекции возникающих негативных проявлений. При этом данное исследование должно проводиться не только в динамике, но и с учетом многочисленных коррелирующих факторов, в числе которых выделяется социальная, культурная, психологическая и другого рода специфика как в национальном, так и региональном и локальном масштабах, так и конкретных индивидуальных измерениях каждой семьи как отдельного феномена, а также ее составляющих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аккерман Н. Семья как социальная и эмоциональная единица // Семейная психотерапия / Сост. Эйдемиллер Э. Г., Александрова Н. В., Юстицкий В. СПб.: Питер, 2012. С. 18–22.
2. Бонкало Т. И. Закономерности и механизмы социально-психологического патернализма: Дисс. д-ра психолог. наук. М., 2011. 220 с.
3. Дудина С. Ю. Межпоколенное взаимодействие в расширенных семьях: Дисс. . . канд. психолог. наук. Кострома, 2013. 180 с.
4. Залитинова С. А., Батирова З. Б. Проблемы семьи и семейных отношений [Электронный источник]. URL: <http://www.scienceforum.ru/2014/626/2060> (дата обращения: 15.12.2017)
5. Захарова Г. И. Психология семейных отношений. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2012. 67 с.
6. Навайтис Г. Семья в психологической консультации. М.: Московский психолого-социальный ин-т, 2011. 412 с.
7. Николаева Е. И. Психология семьи. СПб.: Питер, 2015. 200 с.
8. Спринц А. М., Михайлова Н. Ф., Шатова Е. П. Медицинская психология с элементами общей психологии. СПб.: СпецЛит, 2014. 447 с.
9. Family Structures & Family Forms: Working Report - Summary (April 2010). [Электронный источник]. URL: <http://www.ag-familie.de/media/agfdoc/>
10. EF1_Family_Structures_Forms_summery.pdf (дата обращения: 02.12.2017)
11. Hurwitz J. Coping in a Blended Family. N.Y.: The Rosen Publishing Group, 2017. 150 p.

© Штольц Ангелика Львовна (a.stolz@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

CONCEPTS OF HUMAN IN MODERN PHILOSOPHY

S. Krasnikov

Summary. The article actualizes the problem of the formation of the concepts of human existence. The author examines the problem from the standpoint of the incompleteness of the unified theory of man, which determines the constant search for new facets of human existence and their reflection in various philosophies about man. The article discusses the concept of man, having a place in modern philosophy, as well as their brief rationale. The formation of a new dimension of existence — the virtual net-being of post- (super) man has deepened the understanding that the unified systematic theory of man and the concept of his existence, unfortunately, is, today, an impossible task and has many attempts to solve it.

Keywords: modern philosophy; human concepts; materialistic, anthropological, existentialist, psychoanalytic concepts, net-being, post- (super) man.

Красников Сергей Павлович

*К.ф.н., доцент, Российский университет кооперации
istoric1000@yandex.ru*

Аннотация. В статье актуализируется проблематика формирования концепций существования человека. Автор рассматривает проблему с позиций незавершенности единой теории человека, обуславливающей постоянный поиск новых граней человеческого бытия и их отражение в различных философских учениях о человеке. В статье рассмотрены концепции человека, имеющие место в современной философии, а также дано их краткое обоснование. Формирование нового бытийного измерения — виртуального нет-бытия пост-(сверх)человека углубило понимание того, что единая систематическая теория человека и концепция его существования, к сожалению, является, на сегодняшний день, задачей невыполнимой и насчитывающей множество попыток ее решения в различных областях.

Ключевые слова: современная философия; концепции человека; материалистическая, антропологическая, экзистенциалистская, психоаналитическая концепции, нет-бытие, пост-(сверх)человек.

Свобода, сознание, разум, целостность, дуализм и мн. др. в процессе развития философского знания становились аспектами, вокруг которых строились и оформлялись концепции существования человеческого существа. Из окончившегося «спора» между сторонниками биологизаторских и социологизаторских подходов к осмыслению сущности человека философия обосновала концепцию дуализма человека, стремясь к познанию его [целостности] и, тем не менее, доказывая его незавершенность.

Человек являет собой дуальную природу своей социально-биологической сущности: человек охотно воображает себя «царем мироздания», и даже его религии отправляются от этой исходной точки. «Когда существо видит, что все лучи сходятся в его взоре, все видимости в его мозгу превращаются в действительность, то, конечно, может подумать, что он центр всего, царит над всем». Только путем долгого размышления, беспрестанной проверки жизни, человек успевает познать значение и относительное место существ и равенство всех форм, развивавшихся в течение веков. Человек не может даже изъявлять домогательство на то преимущество, какое дает ему факт его недавнего проявления, т.е., на то, что он являет собою последний, высший результат работы вечно деятельных сил природы [2].

Концепция человека до сих пор остается до конца непознанной, а теория системного подхода к изучению человека — незавершенной [8].

Утверждая в человеке различные уровни творения, философия стремилась синтезировать разумное, душевное, материальное, призванное воссоединить в себе все самое высшее. Концепция «скрытой гармонии» космоса трансформирующаяся с течением веков в концепции того, что единственным предназначением человека должно было быть соответствие своей первоприроде, предопределяла свою суть гармонией и общением с Богом.

Классическая философия выдвинула вперед концепцию антропоцентризма, которая рассматривала проблему существования человека с позиций самоценности, что приводило к истинности понимания мира и бытия. Человек, его красота суть через природу и природа через него. В том виделся смысл истинной любви, принцип которой был очень красиво и точно сформулирован Леонардо да Винчи: проявление любви есть не что иное, как совершенствование предмета любви. Этот вызов был брошен схоластике, цеплявшейся за «искаженного» Аристотеля, которого она, впрочем, не понимала правильно. Размышления над этой проблемы привели к возникновению двух противоположных познавательных концепций: эмпиризма и рационализма [5].

Ярким выражением «борьбы» концепций в период резкой смены трактовки сущностного предназначения человека явились «Мысли» Паскаля (впоследствии частично повторившиеся в измененном виде у Лейбни-

ца, Руссо, Шопенгауэра, Л. Толстого), олицетворяющие, по мнению его современников, смесь христианского скептицизма и пессимизма искренне верующего мистика, рассматривающего и признающего сущностью человеческой природы только то, что имеет свое яркое выражение лишь в природе известных людей, оставляя все остальное человечество в самом небогоприятном свете.

Он готов был сомневаться в силе человеческого разума, в истинном значении для человека материальных благ и, как следствие, в достоинстве человеческих учреждений: «... В виду бесконечных величин (Nourrisson. Pascal physician et philosophe. 1888.), все конечные равны между собою...Единица, прибавленная к бесконечности, нисколько ее не увеличивает. Конечное уничтожается в присутствии бесконечного. Расцветающая же мысль философии, влекомая стремительным развитием науки и искусства видела в нем благочестивого ненавистника, «возвышенного Гераклита», думающего, что в этом мире есть только одно несчастье, блеклость и преступление, противопоставляющие веру разуму [6].

Данная точка зрения в какой-то степени характеризует и экзистенциалистскую концепцию, которая на первый план выдвинула уникальность бытийного пути человека, отражающего его индивидуальность, абсолютную самость и специфику. Эта концепция рассматривает глубину переживаний человеком своего жизненного пути, его смысл или отсутствие такового, а также тревогу в отношении своего пребывания в этом мире. В основе этимологического толкования подобных переживаний человеком рассматривают экзистенции, обуславливающие индивидуализм бытия человека [4].

На смену концепции экзистенциализма пришла концепция интуитивистская (Хайдеггер), обусловившая индивидуальность чувствования собственного жизненного пути. Истинная подлинность существования достигалась способностью человека быть самим собой, что означало быть поистине свободным [7].

Принципы существования человека, выраженные (с точки зрения З. Фрейда) в реальности и удовольствия были отражены им в психоаналитической концепции человека, которая обосновывала глубинность психологических основ человеческого бытия, отражающуюся в существовании бессознательного пласта человеческой психики. Совокупность инстинктов, сознание, инстанция подчеркивали многоуровневость и многоплановость истинной — психологической — сущности человека [3].

В настоящее время инстанция «Сверх-Я», которая олицетворяет в концепции З. Фрейда императивы должностования, а также запреты социокультурного самовыражения, получает свое распространение в измененном виртуальном бытии человека, представленным симулякрами различного порядка, что привело к формированию концепции виртуального существования человека — Homo Virtualis [1].

Формирование нового бытийного измерения — виртуального net-бытия пост-(сверх)человека углубило понимание того, что единая систематическая теория человека и концепция его существования, к сожалению, является, на сегодняшний день, задачей невыполнимой и насчитывающей множество попыток ее решения в различных областях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев, Д. А. Виртуальное net-бытие пост(сверх)человека / Д. А. Беляев // Logos et Praxis. — 2012. — № 3. — С. 68–73.
2. Заплата, О. А. Осмысление сущности человека как объекта философского и биосоциального знания в контексте интегративной антропологии [Электронный ресурс] / О. А. Заплата, Д. М. Азаматов // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 6. — Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15415>
3. Основные современные философские концепции человека: материалистические, антропологические, экзистенциалистические, психоаналитические (в сравнении) [Электронный ресурс]. — 2015. — Режим доступа: <https://lektsii.net/2-20506.html>
4. Туганаев, К. А. Экзистенциализм как философско-методологическое основание естественноправовых концепций / К. А. Туганаев // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2014. — № 3. — С. 204–208.
5. Филиппова М. М. Жизнь замечательных людей. Леонардо да Винчи как художник, ученый и философ / М. М. Филиппова. — С.-Петербург: Типография Ю. Н. Эрлих, 1892. — 96 с.
6. Филиппова М. М. Жизнь замечательных людей. Паскаль. Его жизнь и научно-философская деятельность. С.-Петербург: Типо-литография И. Г. Салова, 1891. С. 72–73.
7. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Проблема человека в западной философии. Сборник переводов. — М.: Прогресс, 1988. — С. 348–350.
8. Шакиров, Р. К. Предельные основания бытия человека: теоретико-методологические аспекты: дисс... канд. филос. наук / Р. К. Шакиров. — Самара, 1998. — 153 с.

© Красников Сергей Павлович (istoric1000@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕОБХОДИМОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ: ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

NECESSITY AND CHANCE: PHILOSOPHICAL TRADITION OF UNDERSTANDING

Yu. Mezit

Summary. This article is aimed at revealing determinacy of the relations of necessity and eventuality, which can be pretty common and specific in the modern, rapidly changing society. Understanding the philosophical categories of necessity and chance can be traced from antiquity and has not lost its relevance to the present moment. The genesis of categories of necessity and chance is traced, the differences of correlated concepts stand out, as well as the main characteristics and patterns. Depending on the idea prevailing in a certain epoch, the view of concepts changes. The article traces the study of basic concepts and attitudes in science and social cognition. The genesis of the categories of necessity and chance is traced, the distinctions of correlated concepts are distinguished, as well as the main characteristics and regularities. The role of these concepts also undergoes changes depending on the time, the specifics and the goal.

Keywords: necessity, chance, determinism, interdependence, civilization, modernity, contradiction.

Мезит Юлия Васильевна

*Аспирант, Башкирский государственный университет
ymezit80@yandex.ru*

Аннотация. В данной статье рассматриваются соотношение категорий необходимости и случайности, основные характеристики и степень детерминированности. Дается историко-философский взгляд на многообразие подходов к проблеме, осмысливается социально-философское контрастное восприятие мира как организованного, устойчивого, с одной стороны, и непредопределенного, полного случайностей, с другой. Необходимость и случайность подвержены изменениям в зависимости от времени, конкретики и поставленной цели. Синергетическое осмысление проблемы позволяет проследить различные аспекты в единстве всех происходящих процессов.

Ключевые слова: необходимость, случайность, детерминизм, диалектика, взаимообусловленность, цивилизация, современность, противоречие.

Значимость философского исследования необходимости и случайности обусловлена новым витком развития человечества, техногенными и антропогенными катастрофами, изучением и исследованием космоса, активным формированием ноосферы, а также угрозой истребления человечества посредством собственных действий и стремительного прогресса. Таковы реалии существования современного мира, где закономерное часто сопровождается случайным или, наоборот, нечто случайное может стать настолько значимым, что начинает восприниматься как данность. Современная техногенная цивилизация, которую человечество когда-то воспринимало как подтверждение потенциала разумного начала над природным мирозданием, на данном этапе развития представляется чуть ли не изжившим свое элементом среды, а человек ощущает себя заложником собственных стремлений.

Необходимость и случайность выступают как соотносительные категории, в которых выражается философское осмысление характера взаимозависимости явлений, степени детерминированности их возникновения и существования. Необходимое складывается из множества случайностей, потому что она реализует-

ся через единичное. В подобном ракурсе случайность соотносится с единичным, потому как именно случайное оказывает влияние на движение необходимого и влияет на его динамику. Случайность находится с необходимым в многообразных связях. Однако главное направление развития определяет непосредственно необходимость.

На классическом этапе развития философии категории «необходимости» и «случайности» рассматривались в детерминированной взаимозависимости. Детерминизм принято рассматривать как подход в науке, который находится в поиске первопричины, так как философия появилась для того, чтобы была возможность представить вселенную упорядоченной. «Детерминистская картина мира обусловлена тем, что физический мир можно мыслить непротиворечивым образом лишь как каузально замкнутый. «Каузальная замкнутость» означает, что поток причин и следствий, во-первых, должен быть непрерывен, а во-вторых, должен быть однородным. Иными словами, физическое следствие должно иметь позади себя физическую причину, а физическая причина должна вызывать к жизни физическое следствие» [3, с. 63].

Мир считается обусловленным, подобная позиция трансформируется от угла зрения: материалистического или идеалистического подхода. В контексте детерминизма между понятиями «необходимости», «случайности» и «возможности» прослеживается тесная связь и взаимообусловленность. «Современный детерминизм включает в себя признание двух объективно существующих способов взаимообусловливания. Первый способ складывается на основе причинной связи. Сущность принципа причинности заключается в признании таких связей и взаимодействующих факторов, которые обуславливают генезис и развитие данного предмета, детерминируют в конечном итоге все другие его свойства, связи и отношения» [2, с. 22]. Согласно второму способу детерминации, речь идет о беспричинно взаимосвязанных явлениях. Например, это может быть функциональная взаимосвязь явлений во времени или системные взаимосвязи.

Осознание данных понятий людьми очень важно, это дает понимание того, что, с одной стороны, мир вокруг организован и имеет смысл, дальнейшее планирование. С другой стороны, случайность, несмотря на стереотипное представление о некоем дезорганизующем факторе, часто имеет совершенно неожиданный положительный потенциал.

Этимология слова «необходимость» в русском языке дает представление о значении смысла слова: существуют такие события, которых не обойти, не миновать, не избежать [7, с. 46.]. Необходимость является не только формой бытия, также формой обыденного мышления. При изучении можно выделить следующие основные характеристики: повторяемость события, даже в том случае, если причины события не известны. Одной из главных сущностных характеристик понятия «необходимость» является закон или закономерность происходящих событий. В обыденном сознании это свойство представляется как то, что позволяет организовать систему и выступает антагонистом хаоса. В широком смысле слова закон можно трактовать как устойчивую и повторяющуюся связь между явлениями и процессами.

Случайности чаще приписывают характеристику фатальности, происходящее событие невозможно структурировать и оно лишается внутренней организации, такое событие чаще всего происходит единожды и не повторяется, причины подобного определить не удастся. К свойствам и определяющим признакам можно отнести также, внезапность, неожиданность и непознаваемую иррациональность. Все эти характеристики многократно присущи современным реалиям и их можно обнаружить буквально везде, во всех сферах общества.

Граница между двумя категориями все более и более размыта. Современный человек в обыденной жизни

все больше отдает волю случаю, не строит долгосрочных планов и не заглядывает далеко в будущее. Благодаря развитию прогресса перед человеком возникает огромное множество путей решения и краткосрочных задач. Жизнь перестала быть универсальной и предопределенной. Теперь почти каждый молодой человек пытается искать себя и формировать свою уникальность для того, чтобы выделяться из массы одинаковых людей. В истории философии взаимозависимость категорий усматривалась исключительно в связи с перспективами человека.

Античный мир утверждал, что есть две позиции рассмотрения категорий «необходимости» и «случайности». В первой — попытка осмыслить ядро этих понятий, изучить их различия и взаимозависимости. Вторая позиция относится к мировоззрению, здесь возникают иные вопросы: является ли мир организованным, подчиняются ли происходящие в нем события определенной закономерности или же имеет место быть случайность, которая подрывает порядок? [7, с. 47.]

В Античной философии существовали две позиции — антагонисты, в одной из них необходимость являлась абсолютом, а случайность представлялась лишь временной непознанностью. Согласно второй, случайность занимала главенствующую роль. Из религии и мифологии были заимствованы образы необходимости, например судьба, предстающая в образе Мойр, Дао, Ананке. Изначально, судьба воспринимается слепой, независимой от происходящего поток событий, но позже в эпоху кризиса полисов идея судьбы воспринимается как некая удача или случайность, теперь всеохватывающая предопределенность, которая отчуждена и независима от жизни определенного человека, некий фатум. «Судьба, согласно Платону, определяет наличие порядка в материальном мире, по условиям высшего, надкосмического мира или мира идей» [10, с. 48].

Гераклит вводит в философию понятие «логос» согласно, которому, события происходят через борьбу и только по необходимости. Под необходимостью понимаются проявления разумной воли и божественного ума, в то время как под случайностью — все хаотичное, неупорядоченное, нецелесообразное. Сторонники второй концепции утверждают, что все в мире организовано хаотично и является случайностью. Аристотель предпринимает попытку примирить две крайние позиции, его учение гласит о том, что к необходимости можно отнести все то, что присуще предметам, а случайностью выступает все то, что не есть само по себе и в силу этого может быть тем или иным. «Необходимость по Аристотелю определяет сущность предмета, а случайность выражает нечто второстепенное в предмете» [5, с. 134].

У истоков формирования представлений о мире стоял, как известно, миф. Это отличный пример существования полярных характеристик необходимости и случайности, с одной стороны сверхъестественные силы, боги на Олимпе, герои, наделенные способностями, с другой — обычные люди, ремесленники, жаждущие объяснить окружающий мир и происходящие в нем процессы. «Познание причинности, таким образом, шло через обращение к космическому порядку» [7, с. 12].

У Демокрита была совершенно иная точка зрения. Он рассматривал случайность привязанной к познающему субъекту и это лишь крайняя субъективная позиция. Вселенная теперь не могла существовать без субъекта познания, она организована и упорядочена. Такая позиция была новой вехой рационалистической традиции. Окружающая действительность подчинена внутреннему порядку и необходимости. У Эпикура диаметрально противоположное мнение, важное значение в движении и процессах окружающей действительности имеет случайность. Каждый из философов считал, что одна из категорий важнее другой, не усматривая в них диалектическую связь. Аристотель — первый, кто начал соотносить два понятия. Несмотря на то, что космос управляется познанием, случайное все же существует, но оно непознаваемо.

Позже И. Кант сформулировал понятие случайности с точки зрения логики и назвал ее противоречием, продолжением необходимости, но спонтанным. Г. В. Ф. Гегель говорил о том, что две категории соотносимы, их нельзя мыслить раздельно, они предполагают друг друга. Философ считал, что происходящие события одновременно могут быть и необходимыми, и случайными.

Диалектика представляет две категории взаимосвязанными в рамках целостного процесса развития. Необходимость представляет собой некий процесс, обусловленный законом, который неотвратимо произойдет, случайность же, наоборот, может выступить и тем и иным, может произойти, а может и нет. Без влияния случайного необходимость носит самопротиворечивый характер, так как она и предопределена, и статична.

В Новое время сменились ориентиры просветительских учений. Происходит переосмысление роли природы в жизни человека. Человек отныне считается творением природы, и заново культивируются ценности натурфилософии. «Бог заменяется природой. Она — основа всех социальных программ и всех естественнонаучных выводов» [4, с. 247–248].

В этом контексте, приобретает большую популярность учение Гольбаха об опосредованности жизни человека природой. В разные эпохи мыслители пред-

принимали самые разные варианты осмысления жизни человека. К примеру, в Средневековье человек считался порождением Бога, соответственно, жизнь была строго предопределена божественным началом. Верующий человек исходил из убежденности: главное — служение Богу, смысл земной человеческой жизни заключается в том, чтобы своим поведением в мирской жизни заслужить «место под солнцем» для другой, следующей жизни. Однако, постепенно начали появляться сторонники иной позиции, которые на фоне достижений рационального знания, стали много внимания уделять природе, что нашло отражение в учениях механистического толкования.

Материалисты XVIII века, в частности Гольбах, высказывают иной взгляд на проблему необходимости и случайности. Необходимость может выступать лишь познанная причина, то есть если у происходящего события причина не поддается объяснению и не может быть объяснена, то можно считать событие случайным. Причину имеет все и, с течением времени, случайное перестает быть случайным, а переходит в категорию необходимости.

Случайность накладывается на случайность, некие неустойчивые понятия становятся более устойчивыми — необходимостью. «Все возникающие в природе движения следуют постоянным и необходимым законам. Всякая причина производит следствия, не может быть следствий без причин, а «необходимость есть постоянная и ненарушимая связь причин с их следствиями» [4, с. 250]. Если, отчасти, случайное является замаскированной необходимостью, и, к примеру, не опираться на такие понятия как вера и религия или другие необъяснимые вещи, у каждого происходящего события, так или иначе, существует первопричина, даже в «случайности». Спустя неопределенное время почти любую случайность можно назвать необходимостью, если подставлять под основные характеристики категории: наличие первопричины, закономерность. В виду этого мы можем задаться вопросом о переходе всякой случайности с течением времени в необходимость и о степени устойчивости этих отношений.

Случайность влияла не только на развитие гуманитарных наук, также внесла свою лепту и в естествознание. На рубеже XIX–XX веков в рамках неклассической картины мира появилось совершенно новое видение, основанное на учении о категории случайности. Возникли стохастические или статичные законы, которые усматривали роль случая в неопределенном свете, а лишь делали предположения, то есть были вероятными. Впервые такая концепция возникла в математике и была привнесена авторами в качестве игровых комбинаций. Подобная концепция применима только к множеству случайностей. По началу, считалось, что это теория — временная мера,

и она не будет постоянной, пока не откроют универсальные инструменты познания. Два значительных прорыва в физике в структуру вещества и структуру атома заставили ученых задуматься о роли случая. Статистическая физика, которая в своей основе имеет методы теории вероятностей. Стохастический детерминизм появляется позже, в нем смешиваются основы вероятностных законов, применимых для массовых событий. Физики столкнулись с проблемой невозможности определения поведения одной частицы, им оставалось только строить вероятностные предположения [9, с. 33].

Но, несмотря на учение диалектики, история философии снова пришла к разделению позиций в XX веке. Э. Гуссерль и Л. Витгенштейн высказывали полярные позиции, основываясь на своих учениях. Философы поочередно выставляли на первый план, то необходимое, то случайное, но все же во взаимозависимости в общем процессе развития, то есть, не отрицая достижения диалектики.

Благодаря появлению синергетики роль случайности в науке изменилась, ученые все чаще прибегали к категории, для объяснения стохастических процессов, возникло вероятностное мышление. Синергетическое видение мира — это не только признание самоактивности бытия, но и единство всех происходящих процессов: мыслительных, социальных, этических. Синергетика является ядром современной науки, которой соответствует диалоговая эпистемология, оперирующая категориями «Я — Другой». Это становление нового через знание того и другого. В таком контексте представляется приемлемой оценка синергетики не только как новой картины мира, но и как научного мировоззрения, включающего в себя философский смысл.

Синергетический дискурс не ориентирован на выявление законов, а направлен на конструктивный диалог, на создание интерпретаций. В синергетической парадигме не существует предуготовленных истин, смыслы формируются в диалоге [1, с. 119]. Синергетика закрепила за случайностью особое место в познании, возникновение порядка из массы случайностей. В синергетическом понимании присутствует известная доля истины, однако следует различать главное и второстепенное. Абсолютизм и универсализм изначальны, а пафос случайности, неопределенности, фрактальности, относительности и практикующей их синергетики вторичен. Но, как обычно, велико желание ужесточить акцент, занять крайнюю позицию, дополняя одно другим, отрицать первое в ущерб должной гармонии абсолютного и относительного [6, с. 71].

Современная гносеология провозглашает онтологическую неделимость необходимости и случайности. От-

сюда следует, что к миру данные категории не применимы, так как благодаря диалектике Гегеля у мира не может быть внешней причины. Возникновение мира не может быть не спонтанным, не предопределенным. «Категории случайности и необходимости характеризуют исключительно внутримировые отношения, соотносясь лишь диалектически с онтологией, имеющей в рамках данных дискуссий скорее надмировой характер» [8, с. 15–16].

В обыденном мышлении категории раскрываются через понятия судьбы — то, что должно произойти обязательно, независимо от каких-либо трудностей, желаемый итог будет достигнут в любом случае. В истории философии существуют две позиции относительно времени и вечности, необходимости и случайности. Первая, утверждает, что будущее уже существует и наряду с настоящим находится в плену вечности, такая концепция получила название статической. Но в рамках креационизма является исключительной спонтанностью и в этой связи случайность не имеет места быть. Вторая утверждает, что будущего еще нет и все, что должно случиться позже, на данный момент не существует — модификация динамической концепции. Оба взгляда вполне имеют право на существование, потому как не противоречат друг другу.

В философии существуют концепции, которые определяют роль необходимости как абсолюта, а случайность выступает следствием временной непознанности некоторых объектов. Также наряду с ними возникли концепции, где превалирующую роль над обусловленностью играет спонтанность и случай. Подобные полярные мнения вели к отрицанию познаваемости мира.

Как нельзя рассматривать отдельно человека от природы, так и невозможно отделить необходимое от случайного, так как понятия определяют друг друга. Представить окружающую действительность упорядоченной является исходным пунктом философской истории. На протяжении времени значимость, и место категорий постоянно менялось, в некоторых учениях на передний план выводили необходимость со всеми своими сущностными характеристиками, а в некоторых — случайность. Роль этих понятий в науке динамична, в зависимости от времени изучения и поставленной цели, возникают различные взгляды на диалектическую взаимосвязь. Рассмотрения категорий в разрезе историко-философского анализа позволяет проследить генезис понятий. Существование концепций с крайними и граничащими позициями дает нам возможность понимания процессов формирования необходимости и случайности, определенный набор характеристик и закономерностей понятия обрели с течением времени. Детерминизм утверждает, что нельзя мыслить отдельно друг от друга, но также имеется полярное

учение об индетерминизме, в котором случайность выступает абсолютом. Можно говорить, о категориях как объектах или инструментах познания, так и отдельных самостоятельных измерителях человеческого познания природы и окружающего мира. Современной концепцией можно обозначить синергетическую, поскольку она вбирает в себя элементы сразу нескольких учений, например, о вероятностном мышлении, когда из множества случайностей нельзя выбрать одну, а остается лишь предполагать, также модифицированные концепции детерминизма, где поочередно выступают абсолютом необходимость или случайность, в зависимости от угла изучения объекта познания.

Исследования науки в целом и философии, в частности, показывают, что разделения категорий несостоятельно, потому как нельзя отделить человеческое свободное поведение и естественную необходимость природную, это бы выступало противоречием целост-

ности понятий, а также возможности эволюционных изменений. Природные и социальные законы являются отражением всеобщей диалектики развития.

Таким образом, современный мир крайне полярен в своих исканиях, он стремится быть толерантным, мультикультуральным, демократическим, но в тоже время нельзя забывать о междоусобных войнах, конфликтах межэтнических, борьбы с терроризмом, это все показатели нестабильности. Вступив в третье тысячелетие, в условиях постоянно меняющегося техногенного мира, человечеству приходится переживать самые экстремальные ситуации и находиться в постоянном поиске. Человек, в такой ситуации, больше полагается на случайность, зависит от решений, принятых самостоятельно. Проблема случайности и необходимости очень актуальна, наука данного отрезка времени требует нового наполнения характеристиками понятий в динамичном и противоречивом мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.А., Философские аспекты синергетики // Вестник ЮУрГУ. 2008. № 21(121). С. 118–121.
2. Галанина Н. В. Понимание детерминации в философском анализе // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 21–23.
3. Гаспарян Д. Э. Детерминизм и индетерминизм в дуалистических и недуалистических онтологиях: от Канта к Сартру // Идеи и идеалы. 2014. № 4(22), Т. 1. С. 62–71.
4. Длугач Т. Б. Необходима ли случайность? — размышления французских просветителей // Философская антропология. 2017. № 2. С. 245–264.
5. Иноземцева Ю.В., Категории необходимости и случайности в философии, науке и социальном познании // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. № 2(20), Т. 5. С. 113–117.
6. Килис Ю.А., Синергетический акцент на случайности / Ю. А. Килис // Омский научный вестник. — 2011. — № 2 (96). -С.70–74
7. Книгин А. Н. Учение о категориях. Томск: ТГУ, 2002. 166 с.
8. Некрасова Н. А., Захаров А. М., Некрасов С. И., Идеи детерминизма и глобального эволюционизма: антагонизм или взаимообусловленность. М.: Издательский дом «Академия естествознания», 2008. 122 с.
9. Самойлова О.А., Случайность в естествознании /О. А. Самойлова // Известия Саратовского ун-та.-2013.— Т. 13, вып. 4,— С. 32–35.
10. Черкозьянова Т.В., Специфика представлений о судьбе в философии Платона // ВЕСТНИК ОГУ.-2010.— № 4 (110). С. 48–54.

© Мезит Юлия Васильевна (ymezit80@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«БЛИЗ ДВЕРЕЙ ГРЯДУЩИЙ ПАНОПТИКУМ»? (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

«BESIDE THE DOORS FORTHCOMING
PANOPTICON»?
(SOCIO-PHILOSOPHICAL
AND TECHNOLOGICAL ASPECTS)

D. Primak
I. Volkov

Summary. This article discusses the current problems associated with the implementation of the project, including the achievement of "transparency society", which some philosophers (J. Bentham, J-J Rousseau) was developed as a utopia and some (P.-M. Foucault) have been criticized as a dystopia. The relevance of the chosen topic is related dialectics: the authorities of the developed countries speak about the implementation of the principle of democracy, increasingly, on the other hand the rights of citizens are increasingly violated due to new technologies. And, with the development of post-industrial (referred to as "information" or "technetronic") society.

Keywords: Panopticon, technocratic society, disciplinary authority, technology of authority.

Примак Дарья Дмитриевна

Аспирант, Омский государственный технический университет
venenifer@yandex.ru

Волков Иван Александрович

Аспирант, Омский государственный технический университет
bki-omsk@rambler.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются современные проблемы, связанные с реализацией проекта, предполагающего достижение «прозрачности общества», который некоторыми философами (И. Бентамом, Ж-Ж Руссо) развивался в качестве утопии, а некоторыми (П.-М Фуко) критиковался в качестве антиутопии. Актуальность выбранной темы связана диалектикой: власти развитых стран говорят о реализации принципа демократии, во все больших масштабах, а с другой стороны права граждан все более нарушаются благодаря новым технологиям. А также, со становлением постиндустриального (называемого так же «информационным» или «технетронным») общества.

Ключевые слова: Паноптикум, технократическое общество, дисциплинарная власть, технология власти.

Введение

Раскрывать заявленную тему начнем с того, что солидаризуемся со следующим вариантом разграничения *прогностической* и *умозрительно-прогнозирующей* функций философии в отношении частных наук¹. Под *первой из них* (реализации которой, собственно, и будет посвящена настоящая статья) уместно понимать «функцию, помогающую понять должное состояние, например, социума (или человека, или самой науки) путём его рассмотрения через широкую призму его возможных состояний» [1, с. 32–33], а *под второй* — выработку «представлений, значимость которых для науки осознаётся лишь в будущем» [1, с. 33]. Добавим к этому следующее: в рамках реализации философией своей прогностической функции в отношении социально-гуманитарных наук мыслители *формулируют не только утопии, но и антиутопии*, причем — отметим в качестве важного для нашей темы парадокса — некоторые общественные проекты одними философами оцениваются в качестве *утопических*, а другими — в качестве,

напротив, *антиутопических*. Одним из самых неоднозначных среди таковых проектов мы считаем «общественный паноптикум».

Соответственно, целью данной работы является осознание и оценка роли человека в контексте «паноптикума» информационного общества, в котором информация становится как главным средством производства, так и средством манипуляции. Произвести анализ истоков формирования современных инструментов осуществления контроля и власти над обществом. Ключевыми методами исследования являются диалектический и историко-компаративистский.

1. Историко-философский контекст (анти)утопии «паноптикума»

Рассмотрим социально-философские предпосылки формирования того феномена, который мы считаем правомочным современного «техногенного концлагеря», в который люди идут добровольно, и более того, в массе своей в нем счастливы, осуществляющего тотальный контроль над каждым индивидом. Такая утопия — которую, скажем сразу, мы оцениваем как антиутопию — появились в XIII веке. Первым её идеологом стал Иеремия (Джереми) Бентам (1748–1832 гг.), английский философ,

¹ Отметив, что эти функции любомудрия, равно как и все другие, зачастую обозначаются в различных исследованиях различными названиями по разному называются, и к тому же вдобавок иногда не различаясь между собой.

правовед, социолог, юрист. Он, по словам французского историка, философа, теоретика культуры П.-М. Фуко (1926–1984 гг.), «нашёл технологию власти, способную решать задачи надзора», которую сам этот английский философ называл «паноптикумом» (от др.-греч. «всё» + «зрительный»), то есть «видеть все». Сам П.-М. Фуко предложил яркое название этой технологии — «Око власти». Особенно же интересна положительная оценка, данная рассматриваемой социальной модели французским философом, писателем эпохи Просвещения, Ж.-Ж. Руссо (1712–1778 гг.), которого называют «предтечей Великой французской революции», поскольку под его «идейным знаменем» выступали самые выдающиеся революционные вожди [2].

«Давая слово» П.-М. Фуко, приведём следующую из его диалога-интервью, ярко описывающие взаимосвязь идей обоих этих мыслителей XVIII века: «И. Бентам — это дополнение к Ж.-Ж. Руссо. Какова, в самом деле, та руссоистская мечта, что вдохновляла столько революционеров? Мечта о прозрачном обществе, одновременно видимом и читаемом в каждой из его частей; мечта о том, чтобы больше не оставалось каких-либо тёмных зон» [3, с. 228]. Таким образом, перед нами соединение воспеваемой Ж.-Ж. Руссо «лирики Французской революции» с техническим воплощением того, что П.-М. Фуко называл «всепросматривающей властью», отмечая, «эти две идеи взаимодополняют друг друга, и всё работает: и лирическая эйфория Руссо, и одержимость Бентама» [3, с. 229]. Первыми образцами таковой «обособляющей видимости», отмечает П.-М. Фуко, были отдельные дортуары (спальни для учащихся в закрытых учебных заведениях¹) [4, с. 176] воспитанников военного училища в Париже в 1751 году. Их конструкция представляла собой, застекленные помещения, в которых на протяжении всей ночи можно было наблюдать за учащимися, однако любые контакты с однокашниками были исключены.

Итальянский профессор М. Саргиакомо, обобщая идеи П.-М. Фуко, так излагает суть бентамовского паноптикума: последний является замыслом идеальной тюрьмы, в которой один надзиратель может производить наблюдение одновременно за всеми заключёнными. Уникальность тюрьмы заключается в том, что представляет собой впечатляющее кольцевое здание с центральной башней, которое позволяет надзирателям, а также любому члену общества — проводить постоянный надзор. Посредством эффекта подсветки можно наблюдать из башни, точно выделяя против света, маленькие тени пленных в камерах периферии. Множество клеток похоже на множество маленьких театров, в каждом из которых актер один, совершенно индивидуализирован и ежесекундно виден. Паноптический механизм орга-

низует пространственные единства, которые позволяют постоянно видеть и идентифицировать. Каждый человек виден, но он не видит; он — объект информации, не связанный с предметом. Паноптикум побуждает в заключенных состоянии осознанной и непрерывной видимости, обеспечивающее автоматизированное функционирование власти. У заключенного постоянно будет на глазах высокий контур центральной башни, из которой за ним ведется наблюдение, за счет чего создается ощущение непрерывного контроля. Таким образом, искажается принцип темницы, поскольку, тьма так или иначе укрывает, а освещенность и тотальный контроль — стерегут. Образуется некая исходная точка, являющаяся источником отправления власти и в тот же момент пунктом фиксации знания [5].

Сделаем предварительный вывод о том, что «проект Паноптикума» представляет собой антиутопию. Поэтому мы согласны с П.-М. Фуко, который указывает, что И. Бентам, несмотря на кажущийся архаизм его идей, является, современным мыслителем в плане того, что задал то направление движения для государственного аппарата, в котором, к сожалению, цивилизованное общество движется. [6].

Таким образом, в процессе такового движения создается аппарат наблюдения, регистрации и обучения людей в любых дисциплинарных учреждениях, таких как тюрьмы, заводы, больницы, школы, армии. Наблюдение становится центральным для любого производственно-трудового процесса, повышения его эффективности и в качестве механизма дисциплинарной власти.

Из всех авторов, рассматривавших последнее, наиболее прозорливым нам представляется опять же П.-М. Фуко. В работе с показательным для нашей темы названием «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» указывается, что «ведущей функцией дисциплинарной власти является не изъятие и взимание, а «муштра», целью которой является изымать и взимать больше. Дисциплинарная власть не координирует силы путем их ограничения, она стремится к объединению их таким образом, чтоб преумножить и оперировать, дисциплина точно определяет и организует аналитические пространства. Исключая возможность насильственного превращения всего подчиненного ей в гомогенную массу, она распределяет, рассматривает, различает доводя функции подразделения до незаменимых и удовлетворительных единиц. Она «муштрует» подвижные, неопределенные, никчемные массы тел и сил, любой элемент определяется и идентифицируется местом, которое он занимает в серии, и разрывом, отделяющим его от других, тем самым предполагая, что в организации клеток, мест или рангов дисциплины, создаются сложные пространства, которые одновременно являются функциональными

¹ Толковый словарь Ожегова и Шведовой

и иерархическими. Дисциплина является центральной для достижения положительной, продуманной экономики, посредством детального внутреннего устройства, максимальной эффективности и скорости использования времени. [6, с. 248] Берт Оливье — профессор философии в Университете Нельсона Манделы в Южной Африке кратко и точно изложил мысль П.-М. Фуко касательно механизмов дисциплинарной власти, способствующих формированию экономически продуктивных и в то же время политически бессильных субъектов «Сегодняшнее общество повсеместно карцерально — тело больше не является тюрьмой души, а наоборот».

«Отправление дисциплины предполагает устройство, принуждающее игрой взгляда: аппарат, где позволяющие видеть технологии, вызывают проявления и последствия власти, где средства принуждения делают видимыми тех, на кого они воздействуют. Наряду с великой технологией телескопа, линзы, пучка света, составившей одно целое с основаниями новой физики и космологии, существовали малые техники многочисленных и перекрещивающихся надзоров, взглядов, которые должны видеть, оставаясь невидимыми» [6, с. 250].

2. Перспектива реализации «паноптической антиутопии»: технологический аспект

А теперь рассмотрим те технические средства, которые позволяют реализовать эти мрачные антиутопии «хотя некоторые мыслители, например, Ж-Ж Руссо считали такой тип общества наоборот утопией». Во второй половине XX века после таких великих событий в истории как освоение космоса и появление ЭВМ Паноптикум И. Бенгтама стал неразрывно связан с технократической антиутопией. В современном мире Паноптикум завоевывает и имеет всё большие позиции в технократическом обществе. Технократическая антиутопия предполагает аппарат технократического детерминизма, в котором люди живут как стратегический биологический материал большого механизма, во главе которого стоит человек, реализующий субъективные проблемы.

Понятие «большие данные» упоминается в Оксфордском словаре 1941 г., его применял Джон Машей в 1990-х гг., использовал редактор «Nature» Клиффорд Линч в 2008 году в номере с тематикой о влиянии на будущее науки технологий обработки большого объёма информации [7].

Под категорию «больших данных» подходит львиная доля трафика данных более 100 Гб в сутки [8].

Критерии, определения «больших данных» входят в три V:

- ◆ объём (с англ. volume) — количество генерируемой и хранимой информации. Определяет ценность и потенциальную обрабатываемость.
- ◆ скорость (с англ. velocity) — скорость генерации и обработки данных для удовлетворения потребностей и задач.
- ◆ многообразие (с англ. variety). Данные разного типа и характера. Большие данные извлекаются из текста, изображений, аудио, видео; Недостающие элементы образуются путём объединения информации.

Часто к VVV добавляют и четвёртую V — правдивость данных (с англ. veracity). Могут добавлять пятую V (viability — жизнеспособность, или value — ценность) [9].

Примеры источников «больших данных»: события RFID, изображения со сканеров, сообщения в соцсетях, данные из сети Интернет и баз данных организаций, метеорологическая статистика, данные о местонахождении абонентов мобильной сотовой связи, данные связи Wi-Fi, замеры датчиков и информация с устройств аудио-/видеорегистрации.

Согласно исследованию компании IBS, к 2003 году человечество сохранило 5 экзбайтов информации. В 2008 году объём возрос до 0,18 зеттабайта, к 2011 году — до 1,76 зеттабайта, в 2013 году — до 4,4 зеттабайта. К маю 2015 года мировой объём информации перевалил за 6,5 зеттабайта. К 2020 году, по расчётам, мир накопит 40–44 зеттабайтов данных. При чём, по отчёту IBS, в 2013 году всего 1,5% собранных данных были ценными [9]. К 2025 году объём данных может вырасти десятикратно, сообщается в статье «The Data Age 2025», которая была написана экспертами фирмы IDC. Львиную долю информации будут собирать фирмы, а не пользователи. Информация превратится в необходимый актив, а безопасность — в основу жизни. Технология преобразует экономическую среду, а пользователь станет контактировать с различными устройствами примерно 4800 раз в сутки [8].

Аналитика «больших данных» для производственных приложений продается в качестве «архитектуры 5C» (соединение, преобразование, кибер-технология, когнитивная система и конфигурация).

Технологии и способы изучения, использующиеся для «больших данных» по McKinsey: сбор, накопление из различных источников, смешение и объединение информации, «машинное обучение, искусственные нейронные сети, распознавание образов, прогнозная аналитика, имитационное моделирование, пространственный и статистический анализ, визуализация аналитической информации, «NoSQL; MapReduce; Hadoop R». [8]

В 2011 году полицейские департаменты Лос-Анджелеса использовали методику Калифорнийского университета по предсказанию мест и вероятности совершения правонарушений. В аналитическую систему «PredPol» ввели отчёты полицейских о совершённых 13 миллионах преступлений в течение 80 лет. Полиция смогла направлять группы в места с высокой вероятностью совершения насилия и грабежей. Карта позволяет выделять участки с точностью 500x500 футов [10].

В будущем такие программы смогут применять все данные о людях и предсказывать кроме места совершения правонарушения, ещё и личность преступника. Оставят ли гражданину, пусть будущему вероятному правонарушителю, возможность исправиться накануне? Либо как в фантастической ленте «Особое мнение», полицейские станут хватать граждан за минуты и секунды до совершения правонарушения. Действительно ли вероятное предсказание поступка гражданина значительнее, чем его свободная воля? [11]

В 2012 году в почтовый ящик родителей школьницы стали доставлять купоны на детскую одежду и детские кроватки. Встретившись с менеджером целевой рекламы, возмущённый отец спросил его: «Она всё ещё учится в средней школе, а вы отправляете ей купоны на детскую одежду и детские кроватки? Вы пытаетесь убедить её забеременеть?».

Витаминные добавки, лосьон и дезинфицирующее средство для рук, типичные для многих беременных женщин, указывают на другие предметы, которые могут понадобиться потребителю.

Хотела ли школьница, чтобы её отец узнал о скором рождении внука, из рекламы в почтовом ящике? Хотим ли мы, чтобы о наших личных переживаниях знал любой продавец [11]?

К персональным данным относятся наборы данных, описывающие человека, начиная от физических атрибутов и заканчивая их предпочтениями и поведением. Комплекс персональных данных одного человека формирует цифровую идентичность.

Революционная сущность «больших данных» состоит не в том, чтобы собирать всё больше и больше информации, а в том, чтобы собирать только необходимую информацию.

Вообразим, что персональные данные похитили хитрые правонарушители. Что произойдёт, если правонарушители сумеют выяснить о конкретном человеке всю информацию, в один миг, из одного ресурса?

- ◆ Клонирование и скрытие личности.

- ◆ Кража для идентификации в качестве преступника.
- ◆ Искусственная кража личных данных.
- ◆ Кража медицинской идентификации.
- ◆ Кража личных данных ребёнка.
- ◆ Кража финансовой информации.
- ◆ Кража налоговой информации.

Этика «больших данных» связана со следующими принципами:

1. Собственность — физические лица владеют персональными данными.
2. Прозрачность транзакций — владельцы персональных данных должны иметь свободный доступ к разработке алгоритма создания агрегированных наборов данных.

В отношении персональных данных человек имеет право знать:

- ◆ Почему данные собираются?
 - ◆ Как это будет использоваться?
 - ◆ Как долго это будет храниться?
 - ◆ Как это может быть изменено заинтересованным лицом?
3. Согласие — необходимо информированное и явно выраженное согласие на то, какие персональные данные перемещаются кому, когда и с какой целью.
 4. Конфиденциальность — должны быть предприняты все разумные усилия для сохранения конфиденциальности.
 5. Валюта — физические лица должны знать о финансовых операциях, возникающих в результате использования их персональных данных.

Возникает вопрос о том, кто должен получать прибыль от транзакции данных? Какой действует курс обмена личных данных?

6. Открытость — агрегированные наборы данных должны быть в свободном доступе.

Если Вам не нравится внедрение аналитического ПО, вы не сможете отказаться от применения его по отношению к себе. Никто не будет спрашивать, согласны ли вы участвовать в таком исследовании или нет. Вы, наверное, не узнаете о своем участии в нем.

На одном уровне «полицейское государство» изучает массовые настроения, уровнем ниже исследуют отдельные группы и лидеров мнений, отдельно же занимаются лишь людьми, находящимися в какой-либо группе риска [8].

Данный процесс хорошо просматривается на примере проекта по созданию электронного паспорта, в котором участвуют три крупнейших банка России: «Сбербанк», «Газпромбанк» и «ВТБ 24», в основу которого положено изготовление банковских карт, объединяющих в себе идентификационное (паспорт, ИНН, пенсионное свидетельство, водительские права, полис медицинского страхования) и платёжное средство, тем самым всё более растворяя стены паноптикума.

Стремление установить все более детальный контроль над жизнью людей, собирая электронное досье на каждого, просматривается на таких примерах как: появление в крупных компаниях программ, обладающих искусственным интеллектом, например, программа «Iron Lady» в ПАО «Сбербанк», общающаяся с клиентами, имеющими просроченные задолженности; программы-ассистенты в смартфонах, обладающие искусственным интеллектом, система «умный дом» и многое другое.

Политические и финансовые элиты под лозунгом «усовершенствования жизни человечества», интегрируют общество в стены информационно-цифрового паноптикума.

Исследователь А. Нараянан предложил метод, позволяющий измерить уровень анонимности, под названием «33 бита энтропии» — именно такое количество информации необходимо знать о человеке для того, чтобы выделить его уникальным образом среди населения планеты. Если установить какой-то двоичный признак за каждый бит, то 33 бита предоставят уникальное совпадение среди 6,6 миллиарда. Признаки обычно не двоичны и в некоторых случаях достаточно будет несколько параметров [13].

9 сентября 2018 года «Human Rights Watch» разместила сообщение о преследованиях мусульман китайского района Синьцзян: последнее время там массово и часто без оснований задерживают уйгуров, отправляя их в тюрьмы и воспитательные лагеря; за сотнями тысяч человек ведётся непрерывная видеослежка с обработкой биометрических данных, а их социальный статус и жизнь зависят от показателей в базе «социального кредита» [14].

США стремятся к информационному обществу через цифровизацию, транснационализацию информационных сетей во всем мире и дальнейшей глобализации [12].

Правозащитники обеспокоены угрозой конфиденциальности, которая представляет собой увеличение объема хранения и интеграции информации, позволяющей установить личность; Экспертные группы выпусти-

ли различные политические рекомендации достижения конфиденциальности. Злоупотребление «большими данными» в некоторых случаях со стороны СМИ, компаний и даже правительства снизило доверие почти ко всем фундаментальным институтам, поддерживающим общество.

Видна тенденция расширения применения цифровых технологий в жизни человека.

Заключение

Таким образом, как мы показали, «высокие технологии», т.е. электронно-информационные системы, устройства и программное обеспечение, в современном обществе, с одной стороны, воспринимаются в качестве одних из центральных «благ цивилизации». Это — вполне очевидно и общепризнано, именно прогресс в этой области наиболее высоко ценится большинством населения. Однако же, с другой стороны, они выступают инструментом осуществления всё возрастающего контроля со стороны властных структур, создавая своего рода «стеклянную клетку Паноптикума».

Определяющая роль технократической антиутопии в жизни социума ведет к информационному паноптикуму упрочняя его стены и делая их все более прозрачными, тем самым усовершенствуя технологии дисциплины власти и предоставляя инструмент тотального контроля над обществом, одновременно позволяя людям испытывать удовольствие пользования плодами технократии. В свою очередь, политические и финансовые элиты призваны осуществлять запрограммированные действия по выполнению поставленных задач, посредством компаний, позволяющих воплотить идею информационно-цифрового Паноптикума.

Соответственно, закончим статью тем, что солидаризуемся со следующими категоричными словами, во-первых, Фёдора Михайловича Достоевского (1821–1881), великого русского писателя, философа и публициста: «Вы верите в хрустальное здание, навеки нерушимое ... Ну, а я, ... потому-то и боюсь этого здания, что оно хрустальное и навеки нерушимое, и что нельзя будет даже и украдкой языка ему выставить» [15, с. 20]. Во-вторых же, великого русского философа Ивана Александровича Ильина: «режим угроз, страха, доносов, шпионажа, лести и лжи никогда не будет социален, несмотря ни на какую возможную «сытость». Человеку нужны, прежде всего, — достоинство и свобода; свобода убеждений, веры, инициативы, труда и творчества» [16, с. 64].

Авторы благодарят своего научного руководителя — к. филос. н., доцента кафедры «Философия и социальные коммуникации» Макухина П. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мезенцев Е. А., Макухин П. Г. К вопросу обоснования сохранения философии в техническом вузе: её функции в отношении частных наук // Омские социально-гуманитарные чтения — 2015: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Омск, 24–26 марта 2015 г.). Омск: Издательство ОмГТУ, 2015. С. 27–34.
2. Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Т. II. — М.: Едиториал УРСС, 2010. — С. 297–298.
3. Фуко П.-М. Око власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть. М.: Праксис. 2002. — 384 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., М.: Высшая школа, 1993. — 944 с.
5. Massimo Sargiacomo Useful reviews of classics Michel Foucault, Discipline and Punish: The Birth of the Prison Allen Lane, London, 1977, Trans. by Alan Sheridan // Springer Science+Business Media, LLC. 2009. — P. 269–280
6. Фуко П.-М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы: Издательство «AdMarginem», Москва, 1999. — 460 с.
7. С. Lynch. Big data: How do your data grow? Nature. vol. 455. n. 7209. P. 28–29. set. 2008.
8. Электронный ресурс: <http://rb.ru/howto/big-data-in-8-terms/>
9. Электронный ресурс: <http://www.ipu.ru/node/31396>
10. Электронный ресурс: <http://ru.datasides.com/big-data-good-or-bad/>
11. Электронный ресурс: <https://blog.kaspersky.ru/nine-big-data-issues/11411/>
12. Князев А. А. Энциклопедический словарь СМИ. — Бишкек: Издательство КРСУ. 2002. — 164 с.
13. Новая газета. № 140. 14 декабря 2016.
14. Электронный ресурс: <https://meduza.io/feature/2018/09/18/kontslager-na-10-millionov-chelovek>
15. Достоевский Ф. М. Записки из подполья. — Издательство: АСТ, 2016. — 362 с.
16. Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 г.г. Том 1. — М.: Айрис-пресс, 2008. — 528 с.

© Примак Дарья Дмитриевна (venenifer@yandex.ru), Волков Иван Александрович (bki-omsk@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Омский государственный технический университет

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ НОВОВРЕМЕННЫХ ИНСТИТУТОВ

Равочкин Никита Николаевич

*К.ф.н., доцент, Кемеровский государственный
сельскохозяйственный институт
nickravochkin@mail.ru*

POLITICAL AND LEGAL MODERN INSTITUTIONS ONTOLOGICAL AND AXIOLOGICAL FOUNDATIONS

N. Ravochkin

Summary. In this paper, the author attempts to comprehend the ontological and axiological foundations of the topic of modern political and legal institutions that he develops. An appeal is made to the works of the classics and modern authors. Analyzed modern approaches to understanding the nature of political and legal institutions. The contribution of each direction is noted. In accordance with the logic of the work, the outlines of the foundations were found. The necessary explanations and clarifications are given. In conclusion, the author determines the results of the work and gives the foundations.

Keywords: political and legal institutions, ontological bases, axiological bases, New time, society.

Аннотация. В настоящей работе автор предпринимает попытку постижения онтологических и аксиологических оснований развиваемой им темы нововременных политико-правовых институтов. Производится обращение к трудам классиков и современных авторов. Проанализированы современные подходы к пониманию природы политических и правовых институций. Отмечен вклад каждого направления. В соответствии с логикой работы найдены контуры рассматриваемых оснований. Даются необходимые пояснения и уточнения. В заключение автор определяет подводит итоги работы и приводит искомые основания.

Ключевые слова: политико-правовые институты, онтологические основания, аксиологические основания, Новое время, общество.

Философское осмысление сущности политических и правовых институтов приводит к необходимости понимания фундаментальных оснований, которые фундируют возникновение, формирование и развитие тех или иных политических и правовых институтов. Необходимо отметить, что конкретная историческая эпоха в определенной степени влияет на обозначенные основания, что влечет за собой определенную идейную детерминацию и задает логику политико-правовых процессов. С авторской точки зрения, именно в рамках новоевропейской мысли появляются качественно иные, чем в предыдущие эпохи, онтологические и аксиологические основания политических и правовых институтов, позволившие им стать прототипами современных институций. К примеру, в XVII в. формируются либертарианская концепция права и теория общественного договора, ставшие философскими основаниями формирования современных политико-правовых концепций и понимания феноменов политики и права по отдельности и в синкретизме.

Имеет смысл начать с онтологических оснований. Анализируя философский дискурс Нового времени, фундаментом формирования, существования и развития политико-правовых институтов становится спор между эмпириками и рационалистами о субстанции.

Сущность данной философской проблемы сводится к объяснению внешнего разнообразия предметов окружающего мира с сохранением естественного тождества всех предметов мира. Речь идет о том, что субстанция представляет собой основание, материал, из которого состоит все предметы нашего мира. Субстанциальный подход к решению политико-правовых проблем можно наблюдать в корпусе философских работ от Аристотеля до Г.В.Ф. Гегеля. К примеру, Б. Спиноза понимает под субстанцией существующее само по себе и представляющееся само через себя, а любой предмет, в том числе и личность, представляет собой модус, состояние субстанции, наделенное совокупностью атрибутов, т.е. свойств, определяющих неповторимость конкретного состояния субстанции [12, с. 361]. Таким образом, субстанциальное прочтение проблемы политико-правовых институтов предполагает наличие изначально данного субъекта, изначально имеющихся норм, правил и принципов поведения, которые определяют сущность своих производных, модусов, то есть связи политического и правового со всеми возможными субъектами, которые являются элементами соответствующих систем общества и государства.

Рационализм и эмпиризм как методологические программы Нового времени по-разному объясняли

познавательный процесс человека, а также решали вопрос о сущности субстанции и ее существовании. Напомним, что эмпирики в качестве метода достоверного познания, дающего возможность получить истинное знание, обращались к эксперименту, чувствам либо солипсизму. Гносеологические идеи эмпиризма приводят к возникающей критике субстанции, суть которой в следующем: не существует все то, что не воспринимается в чувственном опыте или не познается в процессе эксперимента. Более того, восприятие конкретных субстанций без дальнейшей обработки данных не позволяет достигнуть результатов познания — истинного знания. Отсюда следует, что политические и правовые институты не имеют субстанциального основания, поэтому могут быть сформированы в соответствии с практикой, природа которой видна в повседневных практиках, а также исходит из гражданских взаимоотношений в процессе социального и политического взаимодействия. Это с легкостью объясняет тезисы Т. Гоббса о необходимости организации сильной политической власти: опыт «войны всех против всех» приводит британского мыслителя о борьбе с войной людей друг против друга. Подобная логика оставляет возможность варьировать степень вмешательства суверена в совместные дела людей и их взаимоотношения. В данном случае речь идет о том, что политической устройством государства и общества как совокупности политических институтов и система правовой действительности может зависеть от всей совокупности взаимоотношений граждан. Это означает и различия между типами государственной власти в тех или иных государствах. Точно такой же подход становится характерным при определении сущности политико-правовых институтов, формирующихся исходя из системы плюральных социальных отношений в их привязке к конкретному обществу и государству.

Другое онтологическое основание рассматриваемых институтов исходит, на наш взгляд, из современного понимания природы человека, отсылающее нас к обладанию человеком определенной самостью, детерминирующей его социальное бытие. В философском дискурсе данного периода складываются две диаметрально противоположные концепции понимания самости человека. Так, в рамках представлений Локка и Юма, появляется эмпирическое «единство самости». В «Опыте человеческого разума» Локк отмечает, что проблема самости заключена в попытках определить пути «сохранения» во времени персональной идентичности. Единственным конститутивным качеством как средства поддержания идентичности выступает самосознание [4]. По этому поводу британский солипсист Дэвид Юм писал: «без сомнения, в философии нет вопроса более темного, чем вопрос о тождестве и природе того объединяющего принци-

па, который составляет личность (person). Мы не только не можем выяснить этот вопрос при помощи одних наших чувств, но, напротив, должны прибегнуть к самой глубокой метафизике, чтобы дать на него удовлетворительный ответ, а в повседневной жизни эти идеи о нашем я и о личности, очевидно, никогда не бывают особенно точными и определенными» [13, с. 377]. Из этого положения следует, что тождество субстанциальному Я, приписываемое человеческому уму, является не чем иным, как фикцией воображения. Вопросы личного тождества несут в себе неразрешимый характер и, как следствие, невозможность фиксации постоянных свойств человека. Логическим следствием эмпирической концепции самости человека становится тезис о том, что политические и правовые институты оформляются и, вероятней всего, трансформируются в зависимости от свойств человека, которые формируются здесь и сейчас, то есть познаются только эмпирическим путем. В результате онтологические основания не могут игнорировать свойства людей в социуме, обобщенно создающих политический и правовой мир в их привязке к контексту.

Суть рационалистической концепции самостийности отчетливо проясняется И. В. Милициной: «методологическое обретение рационализмом Нового времени (Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. Лейбниц) предельного идентифицирующего начала позволило начать систематическую разработку проблемы синтеза чувственно-предметной и рационально-предметной сторон бытия и познания человека» [9, с. 177]. Здесь впервые в истории философии возникает проблема человека как субъекта, который существует сам по себе и формируется благодаря рациональному осмыслению самого себя. Мысль, *Cogito*, становится основой человеческого бытия, образующая в нем принципиально важные структуры его социального, а следовательно — политического и правового бытия. Так, декартовский принцип сомнения, определяет необходимость отсекаания несущественных свойств человека, с которыми он себя отождествляет. При таких обстоятельствах, человек, вступая в различные отношения, так или иначе, свои действия на рациональных началах. Итак, второе онтологическое основание рассматриваемых институтов отчетливо проявляется в отсутствии субстанциального основания человека, практической деятельности природы их формирования в конкретных сферах с сочетанием рациональных начал.

Выявленные положения имеют свои преимущества и недостатки. К преимуществам можно отнести, во-первых, утверждение самодостаточности политической и правовой систем в каждом государстве и, соответственно, каждого отдельной личности как модуля субстанции. Во-вторых, автономия человека и, как

следствие,— автономия институтов как социально-политических субъектов, независимость от других образований обуславливает представления о личностных началах общественного блага. К недостаткам данного подхода, с нашей точки зрения, можно отнести наличие заранее заданных свойств и качеств социального субъекта, заключенных в рамки «принципиальной неизменяемости» с течением времени. Пришедшее на смену средневековому и ренессансному качественно иное мировоззрение приводит к тому, что политические и правовые институты становятся своего рода «заложниками» идейных проектов и методов эпохи Модерна [7, с. 140], игнорирующих их возможные последующие модификации. Самость человека и формируемая в соответствии с ней самость институтов в определенном смысле статичной конструкцией, в которой весьма трудно усмотреть процессуальную сторону. Вполне вероятно, что одностороннее видение может привести к пониманию неспособности политических и правовых институтов быть максимально эффективными для решения актуальных проблем с учетом социальных трансформаций. Эмпирическая программа институционального оформления оказывается не всегда эффективной для достижения максимального результата и пользы, которая может быть получена от их функционирования. В свою очередь рациональная программа, вне сомнения, выявляет основные положения функционирования институтов как таковых, но не способна на практике реализовать решения возникающих проблем.

Продолжая исследование, обратимся к аксиологическим основаниям. Одним из таковых становится ценность разумности. Своими истоками это основание имеет идеологическую и концептуальную картину, в рамках которой значимость отдается научному подходу при изучении социального устройства со всем его институциональным многообразием. Имеется в виду, что в новоевропейской культуре обозначается примат научного познания с соответствующим противопоставлением разума вере через указание его в качестве источника познавательной деятельности человека. В результате развития спор между представителями эмпиризма и рационализма [2] приводит к обособлению не только производного из данной ценности принципа научной обоснованности, но и закладывает принцип дискурсивности для социальных феноменов. Такое обоснование используется в области политики и права становится фундаментом справедливого и равного положения людей в государстве. Можно утверждать, что Т. Гоббс и Дж. Локк как сторонники теории общественного договора и представители философии Нового времени показывали, что в системе войны всех против всех по причине природного равенства людей становится разумным формирование политического

образования (государства с его основными политико-правовыми институтами) для реализации принципа безопасности людей, совместно проживающих в одном государстве.

Обращаясь к гоббсовской концепции государства, обнаруживаем следующее. Английский мыслитель не согласен с Аристотелем в том, что человек — существо социальное, которое хочет и стремится жить в обществе и получать удовольствие от факта существования. Т. Гоббс считает, что только сильная верховная власть может и способна организовать жизнь людей в обществе. Английский мыслитель убежден, что «пока люди живут без общей власти, держащей всех в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии всех против всех» [3, с. 87]. Это в том числе объясняет и нехарактерное для людей трудолюбие со всеми его результатами труда. Единственное реальное — это страх, причиной которого является постоянная опасность насильственной смерти. Здесь нет места для творчества и человеческой активности, а есть место только для одиночества, бедности и краткости человеческой жизни. Более того, находясь в состоянии «войны всех против всех», человек совершенно не может различить правильное и неправильное, справедливое и то, что не является справедливым. Причиной тому становится отсутствие универсальных критериев оценивания и решения поставленных вопросов [5, с. 55–56]. Единственной мерой правильности и справедливости становятся личные влечения конкретного человека, свидетельствующие о ярко выраженном субъективном начале в оценках. В обществе, в котором нет закона и его гаранта (политических и правовых институтов, гарантирующих исполнение законов), отсутствует основание для выделения объективных критериев справедливости. Таким образом, в своем естественном состоянии человек выглядит несколько ущемленным, а выход из него возможен благодаря страстям и разуму. Под первыми понимаются желание приобретения конкретных, а порой и абстрактных вещей, обладание которыми ассоциируется у него с более качественной жизнью, различного рода надежды и ожидания персонально значимых событий и, конечно, страх перед самой смертью. При этом функция разума заключена в потенциале поиска условий мира, при помощи которых люди смогут достичь соглашения. Гоббс определяет такие договоренности как «естественное право», придавая им значение свобод «всякого человека использовать собственные силы по своему смотрению для сохранения собственной природы, т.е. собственной жизни, и, следовательно, свобода делать все то, что по его суждению является наиболее подходящим для этого» [3, с. 89].

Мы видим, что «свобода» определяется как отсутствие внешних и внутренних препятствий. Здесь следу-

ет нам оговориться и указать на тот факт, что принцип свободы как основание естественного состояния человека предполагает борьбу за удовлетворение всех своих потребностей. В силу того, что все люди находятся в равном положении, все стремятся достигнуть и реализовать собственные страсти, но, понимая, что удовлетворение всех потребностей повлечет за собой трудности для собственной жизни, приходится формировать политические и правовые институты для уравнивания всевозможных возможностей всех людей. В результате можно сделать вывод о том, что разумность представляет собой одну из базовых ценностей политических и правовых институтов в эпоху Нового времени. Именно благодаря разумности формируются необходимые и содержательные законы как нормативно-правовые акты и формируются соответствующие политические институты, к которым можно отнести в первую очередь суверена.

Дальнейшая логика размышлений Т. Гоббса проста — причиной формирования политических и правовых институтов становится стремление человека к обеспечению безопасности. Мотивацией такого стремления выступает страсть сохранения жизни. В силу того, что каждый стремится выжить, и формируются изучаемые институты, гарантирующие безопасность человека и становящиеся ценностью. Значимость безопасности в либертарианской концепции воплощается в идее сущности закона. Так, Т. Гоббс формирует следующее определение естественного закона: он есть «предписание, или найденное разумом общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или что лишает его средств к ее сохранению, или пренебрегать тем, что он считает наилучшим средством для сохранения жизни» [3, с. 89]. Данное определение естественного закона содержит в себе истолкование происхождения государства и права: поскольку в естественном состоянии каждый имеет право практически на все что угодно, в том числе и на жизнь другого человека, всякий человек должен добиваться безопасности для себя через стремление достичь мира. В этом и выражается естественное право человека на защиту себя всеми возможными способами. Как следствие — индивид для достижения своей первой цели должен отказаться от права делать все, что захочет в пользу сохранения мира и самозащиты, при этом «довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, какую он допустил бы у других людей по отношению к себе» [5, с. 56].

Соответственно, можно сделать вывод, что политико-правовые институты формируются и с целью реализации функций гаранта безопасности для каждого человека. Государство и многообразные институты ста-

новятся организациями, способными к принудительной реализации властных полномочий, позволяющие сформировать единое и равное положение для граждан. Право оформляет основные принципы справедливости и равенства всех граждан как друг перед другом, так и перед государством. Отсюда предположим, что справедливость также будет составлять одно из аксиологических оснований политических и правовых институтов Нового времени. Известно, что справедливость как этико-юридическое и политическое понятие может быть понято в нескольких значениях. Традиционно выделяется два вида справедливости — воздающая и распределительная. Так, в некоторых исследованиях, посвященных формированию и существованию политических и правовых институтов, утверждается, что в эпоху Нового времени значение распределительной справедливости существенным образом снижается. Л. В. Батиев подчеркивает, что «сфера справедливости ограничивается «направительной» ее частью, суть которой сводится к тому, чтобы соблюдать договоры, воздавать другим то, что им уже принадлежит, выполнять возложенные на нас по отношению к ним обязанности» [1, с. 22]. Воздающая версия категоризируется Гоббсом в качестве направительной справедливости, и сводится к формально-юридическому равенству субъектов гражданских отношений. При этом данный вариант справедливости не предполагает уравнительной регламентации действий людей и получаемых ими результатов от непосредственной деятельности. Последнее означает, что субъекты деятельности не обязаны следовать принципу середины: равные субъекты вправе свободно распоряжаться собственностью и выполнять принятые на себя обязательства.

Ценность справедливости в либертарианской концепции политических и правовых институтов реализуется отнюдь не в равном отношении с «равными», но в формальном равенстве прав и свобод человека и гражданина. Здесь имеет смысл обратиться к Н. О. Исмаилову, подчеркивающему, что «индивидуальная свобода есть воплощение основной свободы, свободы как таковой, а все иные ее разновидности можно считать ее расширением, конкретным применением или механизмом гарантии этой основной свободы» [6, с. 20]. В конечном итоге это совершенно не означает, что каждый человек получает равные блага. Это значит, что все люди являются изначально свободными, они являются обладателями равных стартовых возможностей и равных естественных прав, которые даны каждому человеку от природы. Также индивиды являются обладателями изначально данных каждому гарантий возможностей реализовать задатки, которые даны им от природы. При этом в такой системе речь не идет о том, как каждый человек будет пользоваться предоставленными ему природой правами и свобода-

ми и как он реализует свои задатки. Только от самого человека зависит, в какой степени будут реализованы его задатки и возможности. Так реализуется либертарианская концепция справедливости. На основании справедливости формируется система правовых институтов, законодательно закрепляющая равенство всех граждан и их право на самореализацию. В то же время на законодательном уровне закрепляется и справедливость неравного положения разных граждан на основании реализованных ими возможностей.

Еще одно аксиологическое основание политико-правовых институтов Нового времени представляет ценность человека и его свободы. В рамках социально-политических идей мыслителей Нового времени личная свобода признается основной ценностью и мерой права. В.С. Нерсисянц понимает под нормативными актами отражение системы институционально оформленных прав и свобод каждого человека: «право обозначает сферу, границы и структуру свободы, выступает как форма, норма и мера свободы, получившая благодаря законодательному признанию официальную государственную защиту» [10]. В свою очередь взгляды Е.Д. Мелешко маркируют ценность свободы ее соотносительностью с законом [8, с. 95]. Таким образом, закон возводит свободу до оппозиции произволу, своеволию, насилию, суть — проявлениям состояния «войны всех против всех». Закон позволяет регламентировать действия человека, реализуя принцип индивидуальных свобод в рамках нормативных актов. Позволим себе заявить, что в реалиях государственно-организованного общества свобода будет являться возможной и действительной исключительно в форме права, обладающим высшей законной силой.

Исходя из приоритетности человека и его свобод как важных аксиологических начал политико-правовых институтов, мы полагаем еще одну ценность — равенства — как основание рассматриваемых нами нововременных институций. Вполне разумным выглядит убеждение по поводу невозможности быть субъектом

права в изоляции от других людей. Это означает, что генезис права может быть там и только там, где есть субъекты, которые осознают собственные обязанности воздерживаться от нарушений прав другого. Такая трактовка означает следующее: «право возможно только при понимании границ своих поведенческих возможностей и как результат согласования этих границ» [11, с. 60]. Этот подход к пониманию правовой реальности приводит к утверждению о том, что люди должны соотносить собственное поведение согласно одним и тем же стандартам, заложенным в правовых нормах. Такое подчинение всех граждан признает их равенство перед законом, а наличие свобод как условий возможности ответственного выбора социально должного поведения. Традиционно выделяется несколько аспектов правового равенства граждан: равенство субъектов, основанное на их самоопределении и определении своих действий; нормативно-правовое равенство как выражение принципа нормативно-правовых актов; правовое равенство как правовой идеал как возможность признания всех граждан свободными и равными в правах; правовое равенство как равноценность, используемая в системе наказания. Каждый из этих четырех аспектов реализуется в правовых институциях Нового времени, закрепляя за каждым гражданином соответствующие права и обязанности.

Итак, в данной работе была предпринята попытка первого приближения к определению онтологических и аксиологических оснований политико-правовых институтов Нового времени. К онтологическим основаниям можно отнести отсутствие субстанции как источника формирования данных институций в пределах конкретных условий общественного бытия. Кроме того, важными началами выступают человек и его самость. В свою очередь аксиологическими основаниями нововременных политико-правовых институтов можно считать приоритетность безопасности, равенства, свободы и справедливости, что закладывает качественно новое миропонимание, пришедшее на смену средневековым и возрожденческим убеждениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батиев Л. В. Эволюция правопонимания от Античности до Нового времени (тезисы к истории философии права) // Право и современные государства. — 2014. — № 2. — С. 20–27.
2. Бутенко Н.А. О методологии науки в сочинениях Ф. Бэкона и Р. Декарта // Инновационная наука. — 2016. — № 4–4. — С. 60–62.
3. Гоббс Т. Левиафан. — М.: Мысль, 2001. — 478 с.
4. Заиченко Г. А. Джон Локк. — М.: Мысль, 1988. — 206 с.
5. Зотова Л. В. Безопасность народа и государства как главная политическая ценность в учении Томаса Гоббса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2003. — № 4. — С. 55–64.
6. Исмаилов Н. О. Концепция справедливости либертариизма // Научная мысль Кавказа. — 2016. — № 3 (87). — С. 20–25.
7. Липидин Р. Г. Проблемы осмысления категории субъекта в современном гуманитарном знании // Мир человека: нормативное измерение — 4: Гуманитарное знание: Сборник статей международной научной конференции. — Саратов, 2015. — С. 140–145.

8. Мелешко Е. Д. Свобода и равенство как ценностные основания либертарно-правовой теории // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. — 2014. — № 2 (173). — С. 93–97.
9. Милицина И. В. Обоснование проблемы самоопределения личности в философии Нового времени // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2012. — № 32 (291). — С. 176–177.
10. Нерсесянц В. С. Право и закон [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lawdiss.org.ua/books/a1583.doc.html> (дата обращения: 21.03.2019)
11. Поляков А. В. Признание права и принцип формального равенства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2015. — № 6 (323). — С. 57–77.
12. Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избранные произведения в 2-х т. Том 1. — М.: Наука, 1957. — С. 359–618.
13. Юм Д. Сочинения: в 2 тт. — Т. 1. М.: Мысль, 1965. — 847 с.

© Равочкин Никита Николаевич (nickravochkin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

Andrievskaya Z. — Candidate of psychological science, associate professor, Southern Federal University
bambinoboom@mail.ru

Anulieva O. — Senior Lecturer of the Kemerovo State Institute of Culture
Olga_anuleva@mail.ru

Anuliev S. — Senior Lecturer of the Kemerovo State Institute of Culture
anuylef@rambler.ru

Boldinova T. — Post-graduate student, Moscow State Psychological and Pedagogical University
Boldinovatn@mail.ru

Durachenko O. — Senior lecturer, Novosibirsk state pedagogical University
reflexia@mail.ru

Gorshenev K. — Graduate student, Maikop State Technological University
kon90@mail.ru

Kekteeva Y. — Assistant, Russian national research medical University named after N. I. Pirogov
ulechka87-87@mail.ru

Konopleva N. — Doctor of cultural Sciences, Associate professor, Vladivostok State University of Economics and Service
nika.Konopleva@gmail.com

Krasnikov S. — Candidate of philosophical Sciences, associate Professor, Russian University of cooperation
istoric1000@yandex.ru

Kuzmin M. — Candidate psychological sciences, assistant Professor, Irkutsk State University
mirroy@mail.ru

Liu Na — Lecturer, Tianjin Pedagogical University
liunasdu@126.com

Makarevskaya I. — Sochi State University
athoc@yandex.ru

Manych L. — Candidate of art history, associate Professor, Vladimir state University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov, Russia, Vladimir
l.manych@yandex.ru

Metlaeva T. — Candidate of cultural Sciences, associate professor, Vladivostok State University of Economics and Service
MetlaevaTV@mail.ru

OUR AUTHORS

Mezit Y. — Post-graduate student, Bashkir state University
ymezit80@yandex.ru

Mironova E. — Senior teacher, Irkutsk State University

Mochalkina A. — Postgraduate, Novosibirsk State Pedagogical University, Khanty-Mansiysk
dontdie@mail.ru

Nevelev M. — Postgraduate student, Moscow State Institute of Culture; lawyer, Bar of the Moscow region; International Academy of Marketing and Management
mnevelev@gmail.com

Ogui V. — Independent researcher, (Nizhny Novgorod, RUS)
DoktorNN@yandex.ru

Ostrik A. — Postgraduate Student, Moscow State University of Psychology & Education
Ostrikaa@mail.ru

Petrosyan S. — Sochi State University
svpet@mail.ru

Primak D. — Omsk State Technical University
venenifer@yandex.ru

Prishvina A. — Postgraduate student of Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan
prishvina1993@bk.ru

Ravochkin N. — Kemerovo state agricultural institute

Ryabikina Z. — Kuban State University
z.ryabikina@yandex.ru

Sizikova T. — Candidate psychological sciences, associate professor, Novosibirsk state pedagogical University
tat@ccru.ru

Stolz A. — Graduate student, Moscow Institute of Economics, Politics and Law
a.stolz@mail.ru

Tarassenko A. — Independent researcher, (Nizhny Novgorod, RUS)
anettmodi@mail.ru

Tarayanc A. — A clinical psychologist, hypnology, Pavlovskaya gymnasium
tarayants@mail.ru

Vershkova A. — Irkutsk State University

Volkov I. — Omsk State Technical University
bki-oms@rambler.ru

Zheng Ying — Graduate student, Moscow State University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).